

Габриэлла Зевин – Век любви и шоколада

Переведено специально для группы

~"*°•†Мир фэнтези†°*"~

<http://vk.com/club43447162>

Оригинальное название: In the Age of Love and Chocolate

Автор: Габриэлла Зевин / Gabrielle Zevin

Серия: Право по Рождению #3 / Birthright #3

Перевод: dias, Azazell, Diana0419, Internal

Редактор: Анастасия Дубровина

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Аннотация

«Шоколадная принцесса», первый роман из серии «Право по рождению», представляет нам непреходящую Аню Баланчину, мужественную шестнадцатилетнюю девушку с душой девчонки и ответственностью взрослой женщины. Сейчас ей восемнадцать, жизнь ее скорее горька, чем сладка. Она потеряла своих родителей и бабушку, перевела лучшие школьные годы на терки с законом. Пожалуй, сложнее всего оказалось решение открыть ночной клуб с ее закоренелым врагом Чарльзом Делакруа, стоившего ей отношений с Вином. Тем не менее, Аня по натуре боец. Она отбросила потерю Вина и сосредоточилась на своей работе. Вопреки всему к клубу приходит огромный успех, Аня чувствует себя в своей тарелке и ничто не предвещает беды. Но после ошибочного суждения Аня борется за свою жизнь и вынуждена считаться со своим выбором, ей приходится впервые в жизни дать другим людям помочь. «Век любви и шоколада» — история о взрослении и осознании, что такое настоящая любовь. Она вобрала в себя лучшее от сочинений Габриэль Зевин: замысловатые образы «Мемуаров подростка, страдающего амнезией» и добросердечности «Другой стороны». Она заставит вас вспомнить, за что вы полюбили ее произведения.

Тем, у кого сердца как подушечки для иголок, кто верит в любовь, но не может прекратить желать иного.

Часто безмятежность нисходит как бы взаймы, задерживаясь не дольше необходимого, чтобы дать прочувствовать, что значит быть живым, затем возвращается в свой темный источник. Как по мне, наплевать, где она будет, или какой горькой тропой прошла, дабы зайти так далеко, обретя сладкий вкус.

Стивен Данн, «Безмятежность»

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Оглавление

I.....	4
II.....	11
III.....	20
IV	31
V	33
VI	38
VII	44
VIII	48
IX.....	52
X.....	56
XI.....	60
XII.....	66
XIII.....	74
XIV	75
XV	79
XVI	82
XVII	89
XVIII	93
XIX	96
XX	99
XXI	103
XXII	109
XXIII	118
XXIV	124
XXV	125
XXVI	129
XXVII	136
XXVIII	137

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

I

Я С НЕОХОТОЙ СТАНОВЛЮСЬ КРЕСТНОЙ; ГОРЕЧЬ КАКАО

Быть крестной мне не хотелось, но моя лучшая подруга настояла. Я пыталась возразить: «Я польщена, но крестным полагается быть добрыми католиками». В школе мы проходили, что крестная отвечает за религиозное воспитание подопечного, а я не была на мессе с Пасхи и не исповедовалась где-то год.

Скарлет посмотрела на меня с расстроенным выражением, которое она приобрела за месяц с самого рождения сына. Ребенок зашевелился, Скарлет занялась им.

— Ох, уверена, — протянула она саркастичным тоном, а-ля разговор с дитём. — Мы с Феликсом обожаем отличных добропорядочных католиков-крестных, но к несчастью, наткнулись на Аню, всем известную плохую-преплохую католичку. — Ребенок заворковал. — Феликс, что остается думать твоей бедной, незамужней матери-подростку? Должно быть, она так измучена и потрясена, что ее мозг перестал работать. Ведь в мире нет никого ужаснее Ани Баланчиной. Да сам у нее спроси. — Скарлет протянула ребенка ко мне. Он улыбнулся — это было счастливое, розовощекое, голубоглазое и светловолосое создание — и мудро промолчал. Я улыбнулась в ответ, хотя, надо сказать, с детьми мне некомфортно. — Ох, верно. Ты еще не умеешь говорить, малыш. Но однажды, когда ты станешь старше, то попросишь крестную рассказать историю о плохих католиках — нет, царапулька, — не о том, какой она плохой человек. Она отрубила кому-то руку! Она пришла в дело вместе с ужасным человеком и выбрала себе занятие из-за самого славного мальчика в мире. Она попала в тюрьму. Ради защиты брата и сестры — но все равно — какие тут могут быть иные варианты кроме несовершеннолетней правонарушительницы? Она вылила поднос дымящейся лазаньи на папину голову, а некоторые даже думали, что она пыталась отравить его. Да если б ей удалось, тебя бы тут не было...

— Скарлет, не говори так при ребенке.

Она меня проигнорировала и продолжила ворковать с Феликсом.

— Можешь себе представить, Феликс? Твоя жизнь может быть испорчена, потому что твоя мама была настолько твердолобой, что выбрала крестной матерью Аню Баланчину. — Она повернулась ко мне. — Видишь, что я тут делаю? Веду себя так, будто это дело решенное — так оно и будет, ты станешь крестной. — Она вернулась к Феликсу. — С такой крестной как она дорожка твоя лежит прямо к преступной жизни, человечек ты мой. — Она поцеловала его в обе щеки и слегка его покусала. — Хочешь попробовать его на вкус?

Я помотала головой.

— Как хочешь, но знай, ты упускаешь нечто вкусненькое.

— Ты стала такой саркастичной после родов, ты знала?

— Я? Будет лучше, если ты без препирательств выступишь, что я велю.

— Я даже не уверена, что до сих пор верующая, — ответила я.

— Мой бог, долго мы еще будем это обсуждать? Ты крестная. Мама заставляет меня его крестить, так что крестной будешь именно ты.

— Скарлет, я такого натворила.

— Я знаю это, и Феликс тоже знает. Хорошо, что мы подписались на это с открытыми на тебя глазами. Я и сама натворила дел. Безусловно. — Она погладила малыша по голове, затем жестом обвела крошечный манеж, созданный в квартире родителей Гейбла. Прежде он был кладовой, и оттого размеры комнаты были миниатюрными, вмещающими нас троих и все вещи, окружающие жизнь ребенка. И все-таки Скарлет сделала невозможное, расписав комнатку облаками и бледно-голубым небом. — Какая разница, что было? Ты моя лучшая подруга. Кому же еще быть крестной?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Ты и вправду не станешь? — Голос Скарлет повысился до неприятного, и ребенок зашевелился. — Мне ведь плевать, когда ты в последний раз посещала мессу. — Лоб ее наморщился и казалось, она вот-вот заплачет. — Кроме тебя больше никому. Пожалуйста, об этом не переживай. Просто постой со мной в церкви, а когда мама или священник спросят, добрая ли ты католичка, солги.

В жарчайший летний денек, на второй неделе июля я стояла возле Скарлет в соборе святого Патрика. На руках она держала Феликса. Мы троим напотели столько, что можно было решить проблему водного кризиса. Гейбл, отец ребенка, был по другую сторону от Скарлет, а старший брат Гейбла, Мэддокс, стоял рядом с ним. Он был версией Гейбла с толстой шеей, маленькими глазками и лучшим воспитанием. Священник, по-видимому, осознавал, что мы на грани потери сознания от жары, держал замечания при себе и не подтрунивал. Жарко было настолько, что он даже не почувствовал необходимости отметить, что родителями были два неженатых подростка. Да, крещение было стандартным и без излишеств. Священник спросил Мэддокса и меня: «Готовы ли вы помочь родителям в выполнении их христианского долга?»

Мы согласились.

Следующий вопрос адресован всем четверым:

— Вы отреклись от Сатаны?

Мы подтвердили.

— По вашей ли воле Феликс принимает крещение в лоне католической церкви?

— Это так, — сказали мы, на тот момент мы бы на все подписались, лишь бы пройти обряд.

Затем он вылил на голову Феликса святую воду, отчего ребенок захихикал. Я могла только воображать ощущение освежающей воды. Я не прочь.

После службы мы вернулись в квартиру родителей Гейбла на празднование. Скарлет пригласила парочку ребят из нашей школы, среди них недавно коронованный в бывшие Вин, с которым я не виделась около четырех недель.

Атмосфера на празднике была как на похоронах. Из нас Скарлет первой обзавелась ребенком, и никто, казалось, не знал, как себя следует вести в таком случае. На кухне Гейбл затеял с братом игру выпивох. Другие ребята из святой Троицы вежливо перешептывались между собой. Родители Скарлет и Гейбла заняли место в углу, эдакие шапероны. Вин составлял компанию Скарлет и ребенку. Я подошла бы к ним, но мне хотелось, чтобы Вин сам пересек комнату и встал ко мне.

— Как дела в клубе, Аня? — спросила меня Чай Пинтер. Она была ужасной сплетницей, но довольно безобидной.

— Мы открылись в конце сентября. Будешь в городе — заходи.

— Конечно. К слову, вид у тебя усталый, — сказала Чай. — Под глазами темные круги. Не спишь из-за страха не справиться?

Я рассмеялась. Если вы не можете проигнорировать Чай, то посмейтесь над ней.

— Преимущественно я не сплю, потому что много работаю.

— Мой папа говорит, что 98 процентов клубов в Нью-Йорке провальное дело.

— Вот это статистика, — сказала я.

— А может стать 99 процентов. Но Аня, что ты будешь делать, если это произойдет. Вернешься в школу?

— Вероятно.

— Ты же выпустилась?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я сдала экзамены прошлой весной. — Надо ли и говорить, что она начала меня раздражать?

Она понизила голос и бросила взгляд на Вина.

— Это правда, что Вин порвал с тобой из-за того, что ты открыла бизнес с его отцом?

— Я даже не рассказывала об этом.

— Так это правда?

— Все сложно, — ответила я. Чего оказалось достаточно.

Она посмотрела на Вина и состроила грустную мину.

— Я не рассталась бы из-за бизнеса. Если парень любил меня, то какой мне бизнес? Ты сильнее меня, Аня. Я тобой восхищаюсь.

— Благодарю, — сказала я. Восхищение Чай Пинтер заставило меня почувствовать себя ужасно из-за решений, принятых за последние два месяца. Я задрала подбородок и решительно распрямила спину.

— Знаешь, я пойду на балкон, подышу свежим воздухом.

— Там почти сто градусов, — заявила Чай мне вслед.

— А мне нравится жара.

Я распахнула раздвижную дверь и вышла в ранний жаркий вечер. Села в пыльное кресло с подушкой, кровоточащей пеной кружев. Мой день начался не с послеобеденного крещения Феликса, но за час перед клубом. Я на ногах с пяти утра и даже скудного комфорта кресла было достаточно, чтобы меня потянуло на сон.

Хоть я никогда не была мечтательницей, мне приснился весьма странный сон, где я была ребенком Скарлет. Она держала меня на руках, а меня переполняли чувства. Внезапно я вспомнила, каково иметь мать, быть в безопасности и быть любимым больше всего на свете. В этом же сне Скарлет превратилась в мою маму. Я не всегда могу представить ее лицо, но во сне видела ее так ясно — ее умные серые глаза, волнистые рыжевато-каштановые волосы, жесткую линию розовых губ и нежные веснушки, усыпавшие нос. Про веснушки я уже и забыла. Меня это опечалило. Она была красивой. Не похоже, что мама принимала близко к сердцу пустую брехню. Я поняла, почему отец не захотел жениться на ком-то кроме нее, полицейской. *Анни*, прошептала мама, *ты любима. Позволь себе это*. Я не могла перестать плакать. А может, вот от чего плачут дети — от веса любви, которой слишком много.

— Эй, — сказал Вин. Я выпрямилась и попыталась притвориться, что не сплю. (Немного в сторону: и чего люди так поступают? Чем сон так унизителен?) — Я сейчас же уйду. Только хочу перед этим поговорить с тобой.

— Полагаю, тебя не переубедить. — Я не подняла на него глаз. Голос мой прохладен и даже очень.

Он покачал головой.

— Это еще не все. Папа иногда болтает о клубе. Дела идут.

— Так чего ты хотел, а?

— Подумал, что надо заехать к тебе и забрать кое-какие вещи. Я еду на мамину ферму в Олбани и затем заеду в город ненадолго перед колледжем.

Мой уставший мозг пытался осмыслить это заявление.

— Уедешь?

— Да, я решил пойти в Бостонский колледж. Причин оставаться в Нью-Йорке больше нет. Вот это новость.

— Ну удачи, Вин. Фантастичного времени в Бостоне.

— А я должен был с тобой посоветоваться? Ты же со мной не советовалась.

— Преувеличиваешь.

— Будь честна, Аня.

Габриєлла Зевін - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Ты никогда не узнаешь.

— Конечно, попросил бы. Я бы даже Гейбла Арсли попросил не работать с моим отцом, а его я терпеть не могу.

— Какие твои вещи остались у меня?

— Не зачем заходить. Я сложу вещи в коробку. Принесу на работу, а твой отец заберет.

— Думаю, так будет легче. Я не Скарлет. Не тоскую по бесполезным драматичным
ам.

— А ты всегда такой вежливый. Аж нервирует.

— Зачем ты вообще приходишь в клуб на вечеринку, если не собирался простить меня?

— Ну так что?

— Не могу, — повторил он.

Он не отвечал. Покачал головой.

Переформулирую: «Я люблю тебя, просто недостаточно сильно».

— Так значит, я должен любить тебя вне зависимости от твоих поступков? Тогда я не смогу
ать себя.

~7~

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

папы, если мальчик, а если девочка – Алексой, в честь сестры Вина. Все это выглядело потрясающе.

Это несложно, но я себя возненавижу. Мне выпал шанс что-то создать, продвинуться там, где не смог отец. Я не могла это бросить даже ради парня. Только его мне не достаточно.

Посему я держала шею прямо, а взгляд устремила прямо. Он уходит, а я его отпускаю.

С балкона я услышала детский плач. Мои бывшие одноклассники восприняли слезы Феликса как сигнал о том, что вечеринка закончилась. Через стеклянную дверь я наблюдала, как они уходят. Уж не знаю зачем, но попыталась пустить шуточку.

— Похоже, худшая гулянка. На втором месте, если считать младший год. — Я легонько коснулась бедра Вина в том месте, куда угодила пуля моего брата в самый худший выпускной. На секунду показалось, что он рассмеется, но затем он отодвинул ногу.

Вин прижал меня к груди.

— Прощай, — прошептал он более мягким тоном, чем прежде. — Надеюсь, жизнь даст тебе все, что ты хочешь.

Я поняла: это конец. В отличие от прошлой ссоры, в этот раз голос его звучал не яростно, а смиренно. Будто он уже где-то далеко.

Секунду спустя он отпустил меня и по-настоящему бросил.

Я отвернулась и стала наблюдать, как солнце клонится за город. Хоть я и сделала свой выбор, видеть, как он уходит, мне не хотелось.

Я выждала пятнадцать минут и вошла в квартиру. Единственными людьми на тот момент здесь остались лишь Скарлет и Феликс.

— Обожаю вечеринки, — заявила Скарлет, — но эта была неудачной. И только не говори, что это не так. Ты можешь лгать священнику, но мне-то слишком поздно.

— Я помогу тебе с уборкой, — пообещала я. — Где Гейбл?

— Ушел с братом. И затем пойдет на работу. — Гейбл дурно отзывался о работе санитаром, в обязанности которого входило менять судна и мыть полы. Это единственная работа, которую он смог найти, и я полагаю, с его стороны благородно взяться за нее. — Думаешь, было ошибкой приглашать ребят из Троицы?

— Я думаю, это было здорово.

— Я видела, как ты разговаривала с Вином.

— Ничего не изменилось.

— Мне грустно это слышать. — Мы домыли квартиру в молчании. Скарлет начала пылесосить, поэтому я не сразу заметила, как она заплакала.

Я подошла к пылесосу и выключила его.

— Что такое?

— Не знаю, какие у нас остаются шансы, если вы с Вином не надумаете.

— Скарлет, это был лишь школьный роман. Они не делятся вечно.

— Если ты не тупица и не беременная.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю. — Скарлет вздохнула. — И знаю также, почему ты открыла клуб, но разве ты уверена, что Чарльз Делакура стоит свеч?

— Да. Я тебе уже объясняла. — Я снова включила пылесос и допылесосила ковер долгими, безумными рывками. — Ты же знаешь, заниматься этим нелегко. Да и помочь некому, поддержать. Ни мистеру Кипплингу, ни родителям, ни бабушке, ведь они умерли. Ни Нетти, она еще ребенок. Ни Лео, он в тюрьме. Ни семье, потому что, как они считают, я угрожаю их делу. Безусловно, и Вин не поможет. Некому. Я одна, Скарлет. Сейчас я более

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

одинок, чем за всю жизнь. Знаю, я сама это выбрала. Но мои чувства все же ранят, когда ты принимаешь сторону Вина. Я связалась с Чарльзом Делакруа из-за его контактов в городе. Он мне нужен, Скарлет. Он — часть моего плана с самого начала. Никто его не заменит. Вин просил меня о том, на что я не могу согласиться. Тебе не кажется, что я жалею?

— Извини, — сказала она.

— И я не могу быть с Вином Делакруа только потому, что моя лучшая подруга не отказывается от романтики.

Глаза Скарлет наполнились слезами.

— Давай без споров. Я идиотка. Не обращай внимания.

— Ненавижу, когда ты называешь себя идиоткой. Никто о тебе так не думает.

— Это думаю я сама, — сказала Скарлет. — Взгляни на меня. Что мне делать-то?

— Ну, к примеру, мы закончим уборку квартиры.

— После этого, я хотела сказать.

— Затем возьмем Феликса и отправимся в мой клуб. Люси, барменша, работает допоздна, и у нее литры какао-напитка из образцов.

— А потом?

— Не знаю. Ты что-нибудь придумаешь. Это единственный известный мне способ как двигаться дальше. Составляешь список и выполняешь все по порядку.

— До сих пор горчит, — сказала я недавно нанятой барменше, протягивая последний набор стаканов. У Люси были белоснежные коротко стриженные волосы, светло-голубые глаза, бледная кожа, большие нос и рот, и высокая атлетичная фигура. Когда она надевала пиджак и шляпу, то казалась мне похожей на плитку Баланчина белого. Если она работала на кухне, то я даже в своем кабинете слышала ее бормотания и ругательства. Грязные словечки казались частью творческого процесса. Мне она очень нравилась, кстати. Не будь она моей подчиненной, мы бы стали подругами.

— Как считаешь, нужно больше сахара? — спросила Люси.

— Думаю... ничего не нужно. Этот даже больше горчит, чем предыдущий.

— На вкус какао как какао, Аня. Я задумываюсь над тем, что тебе он не по нраву. А что ты думаешь, Скарлет?

Скарлет отпила маленькими глоточками.

— Как видно, не сладко, но сладость определенно раскрывается, — высказалась она.

— Спасибо.

— Это же Скарлет. Ты всегда в поисках сладкого.

— А ты всегда выискиваешь горечь, — пошутила Скарлет.

— Красива, умна, оптимистична. Жаль, что не моя начальница, — заметила Люси.

— Она не такая уж и солнечная, какой кажется, — сообщила я Люси. — Час назад я застывала, как он рыдает и пылесосит.

— Да все плачут под пылесос, — заявила Люси.

— Да знаю я! — разозлилась Скарлет. — Пылесосные вибрации просто расстраивают.

— Я серьезно, вообще-то. В Мексике напиток был не такой темный.

— Так может вам нанять друга оттуда на мое место, а? — Моя барменша училась в Кулинарном институте и Ле Кордон Блю и очень уж обижалась на критику.

— Ох, Люси, ты же знаешь, уважение мое безмерно. Но напитки должны быть идеальными.

— Давай спросим сердцееда, — предложила Люси. — С твоего позволения, Скарлет.

— Почему бы и нет, — согласилась Скарлет. Она обмакнула мизинец в кастрюльку и протянула Феликсу пососать. Он нерешительно попробовал. Сперва улыбнулся. Люси стала выглядеть невыносимо самодовольной.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Он всему улыбается, — проворчала я.

Внезапно его ротик сложился в очертания высушенной розы.

— Ой, мне жаль, детка! Я ужасная мать.

— Видишь? — спросила я.

— Полагаю, какао слишком утонченный аромат для нёба ребенка, — сказала Люси. Она вздохнула и вылила содержимое кастрюли в раковину. — Завтра мы попытаемся снова. Снова не получится. Сделаем лучше.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

II

Я ОФИЦИАЛЬНО СТАНОВЛЮСЬ ВЗРОСЛОЙ; РЯД НЕДОБРЫХ МЫСЛЕЙ О ДРУЗЬЯХ И СЕМЬЕ; ОТНОСИТЕЛЬНО БЕЗУЧАСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ АРГОН

— Предприятие не задается по миллиону причин, Аня, — назидал Чарльз Делакруа. Он показал себя прекрасным партнером, но заслушивался собственными речами. — О провалах помнят лишь некоторые. К примеру, никто сейчас не вспоминает, что человек, которому прочили место окружного прокурора, полетел с места по воле какого-то подростка.

— Как же так случилось? — спросила я. — Мне помнится, тот самый человек втемяшил себе, что дело во влюбленности сына, и его оппоненты сыграли на этом.

Мистер Делакруа покачал головой.

— Низвержен как лев крошечными заусенцами. Вдобавок, мне больше семнадцати.

— Я ждал этой шпильки. — Он сунул пальцы в рот и свистнул, словно подзывал такси. Звук разнесся по клубу, внутри которого мебелировки до сих пор было маловато. Несколько недавно нанятых работников вышли с именинным тортом. В розовой глазури было написано С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АНЯ.

— Вы помните.

— Двенадцатое августа 2066-го. Как я мог забыть о твоём совершеннолети. Отныне никаких поездок в «Свободу».

Работники спели и похлопали мне. Никого из них я не знаю, но я ведь начальница, а значит, и выбора у них нет. Я была рада, когда принудительное веселье закончилось и все вернулись к своей работе. Не видела смысла становиться пупом земли, нам и так предстоит многое сделать перед открытием. Я уже наняла (и уволила) подрядчиков, обслуживающий персонал, дизайнеров, поваров, журналистов, врачей, охрану, организаторов увеселений. За этим последовал нескончаемый поток разрешений от городских властей, хотя по большей части они были под крылом мистера Делакруа. Я пыталась (безуспешно) заключить мир с кузеном Толстым и семьей, провела (успешно) переговоры о поставке какао с моим другом Тео Маркесом из Граньи-Манана. Тут же я занималась плитам, скатертями, выбирала цвет краски; искала в аренду печи; составляла меню и готовила сообщение для прессы. А также принялась за такую роскошную работенку как организация самовывоза мусора и выбор туалетной бумаги для уборных.

— Ванильный, — отметила я, разглядывая нарезанный торт. — Без шоколада.

— Мы не можем позволить себе такие незначительные прегрешения, — ответил он. — Ты теперь взрослая. Попадешь в неприятности — отправишься в Рикерс. Я направляюсь домой. У нас с Джейн планы. Обещай, что до завтра определишься с названием. Начинаем перебирать слова.

Придумывание названия для клуба дело трудное. Собственное имя использовать я не намеревалась, тогда будут возникать ассоциации с криминалом. В нем не должны упоминаться ни какао, ни шоколад, хотя это необходимо, чтобы до людей дошло. Название должно звучать задорно и привлекательно, но не быть вне закона. Я все еще цеплялась за очевидно глупую затею, что его необходимо связать с хорошим самочувствием.

— Откровенно говоря, я даже не приблизилась к решению этой задачи.

— Так не пойдет. — Он посмотрел на часы. — Осталось не так уж много времени до того, как Джейн меня убьет. — Он снова сел. — Выкладывай пятерку идей.

— Первая: «У Теоброма».

— Нет. Труднопроизносимо. Непонятно. Смешно.

— Номер два: «Сухой закон».

Он потряс головой.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

- Всем без надобности урок истории. Плюс, выпад против режима. А мы не хотим казаться несогласными.
- Три: «Компания Лечебного Какао».
- Все хуже и хуже. Как я уже говорил, акцент на лечебности в названии клуба тут не в тему. Созвучно с пациентами, больницами и пандемиями.
- Если вы намереваетесь все отклонять, я вообще не понимаю, зачем на это иду.
- Ты должна. На товарном знаке что-то да должно изображаться.
- Отлично. Четыре: «Сердцевина Темного».
- Отсылка такая? Несколько вычурно. Но упоминание «Темного» уже хорошо.
- Пять: «Большая шишка».
- «Большая шишка». Шутить удумала?
- Это такой процесс переработки какао, — объяснила я.
- Звучит пошло и неадекватно. Уж поверь мне. Никто и носа не покажет в ночной клуб с названием «Большая шишка».
- Это все, что я надумала, мистер Делакруа.
- Аня, мне кажется, нужно дать ему наши имена.
- Я обращаюсь к вам мистер Делакруа. Честно говоря, я думаю, довольно бесцеремонно с вашей стороны называть меня Аней.
- Хочешь, чтобы я обращался к тебе «мисс Баланчина»?
- Или мэм. Одно из двух. Я ведь ваш босс?
- После событий 2083-го (тюрьма, яд) я сочла себя вправе подшучивать.
- Я бы сказал, партнер. Или юрист-консультант в безымянном клубе на Манхэттене. — Он сделал паузу. — Миссис Кобравик была грозной женщиной. За время твоего пребывания в «Свободе» она не научила уважению к старшим?
- Нет.
- Это заведение пустая трата земельных ресурсов, на которых оно располагается. Вернемся к дискуссии. Как насчет «Темной Комнаты»?
- Я обдумала.
- Может все осложнить.
- Конечно, тут отсылка к проявке фотографий. А еще чуток зловеще. Ссылается на объект нашей торговли. Итак, делаем выбор. Разве ты не знаешь, как работает сарафанное радио? Повторяй одну и ту же новость почаще да погромче. Правда, нужно, что бы было что сказать.
- «Темная комната». Возьмем это.
- Хорошо. Я отлучаюсь на ночь. С днем рождения, мэм. Есть какие планы на него?
- Оторвусь с лучшей подругой Скарлет и Норико.
- Норико это жена моего брата, работающая у меня помощницей.
- На что пойдете?
- Билеты покупает Скарлет. Надеюсь, комедию. Ненавижу плакать на публике.
- Дело говоришь. Сам стараюсь так не делать.
- Если это не служит вашим интересам, я так понимаю. Как там ваш сын? — вырвалось у меня. Мы никогда не говорили о Вине. Задав вопрос, я сделала самой себе подарок.
- А, он. Поменял планы. Решил поступить в Бостон, — доложил мистер Делакруа.
- Он упоминал. — Я упаковала его пожитки, но довести их до работы все не удавалось.
- Он вернется на каникулы и летом, — сказал мистер Делакруа. — Мы с Джейн по нему будем скучать, но Бостон ведь не так уж и далеко.
- Передадите ему от меня привет?
- Ты всегда можешь прийти и передать его сама. Его отец не против.
- Что сделано, то сделано, мистер Делакруа. — Он не хочет вникать в мои дела.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Мистер Делакруа кивнул.

— Нет, не могу представить, что он примет его. Слишком гордый и твердолобый.

Мне хотелось узнать, спрашивал ли Вин обо мне, но такой вопрос слишком унизителен.

— Отношениям не всегда суждено длиться вечно, — сказала я, пытаюсь выглядеть мудро. Если я повторю это предостаточно, может и сама поверю. — Не это ли вы мне постоянно твердите?

— У честолюбивых жизнь не самая простая, Аня.

— Я не честолюбива.

— Я уверен в обратном. — Рот его скривился в улыбке, а вот глаза оставались неприятными. — Уж я-то знаю.

— Благодарю за торт.

Он протянул мне руку для пожатия.

— Удачно отпраздновать.

Долго ли, коротко, мистер Делакруа отчалил, а я села на автобус и поехала домой.

Говоря по правде, по тому товарищу я не скучала.

Наверное, мнение о нем я составила ошибочное.

(Примечание: это не просто мнение. Это и есть он. Я рассталась с этим глуповатым парнем, ну и что такого? У меня нет права упустить его. Я сделала выбор. Я успокоила себя сладкой ложью: я ведь еще молода. А молодые даже не знают точно, почему сдаются.)

(Примечание: я хочу сказать, что выбор надо делать, будучи обоснованно в нем уверенным, и не жалеть. Это как с заказом десерта. Вы положили глаз и на торт с арахисовым маслом, и на клубничный мармелад. Выбрали торт, очень вкусный. Но мармелада до сих пор хочется...)

(Примечание: ну да, я время от времени подумываю о мармеладе.)

Мы с Норико через полтора часа вышли из театра.

— Следует ли нам отправиться без нее? — Английский Норико значительно улучшился четыре с половиной месяца спустя с ее приезда в Америку.

— Я позвоню ей с таксофона, — я еще не успела раздобыть законный с сегодняшнего дня мобильник.

Скарлет подняла трубку на пятый гудок.

— Ты где? — спросила я.

— Гейбл собирался присмотреть за Феликсом, но до сих пор не явился. Я не могу пойти. Мне очень жаль, Анни.

— Не беспокойся.

— Ну а я беспокоюсь. Это твой день рождения, и я хочу пойти на спектакль. А если я подойду позже? Мы будем танцевать или напьемся.

— Вообще-то, я работаю с шести утра. Быть может, отправлюсь домой и прилягу.

— С днем рождения, родная, — поздравила Скарлет.

Спектакль, выбранный Скарлет, был о старике и девушке, поменявшихся на свадьбе телами. Муж продолжал любить девушку, даже не подозревая, что она застряла в

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

стариковском теле. В конце каждый получил урок любви и того, что неважно, какое у тебя тело. Было романтично, только вот подходящего настроения у меня не было, Скарлет могла бы и догадаться.

Явившиеся на поклон актеры сорвали овации, но я не поднялась со своего места. Романтика это ложь. Такая ложь меня злила. Романтика это гормоны и выдумка.

— Бу-э, — прошептала я. — Пьеса сплошная тошнеловка. — Меня никто не услышал. Аплодисменты были слишком громкими. Я могла оплевать все, что захочу, и решила, что это очень даже раскрепощает.

А самое худшее, что театр мне не нравится. А Скарлет он нравится, а она даже не удосужилась прийти. И это она не в первой. Я и понятия не имею, зачем дальше строю планы с ее участием. — Тьфу на Скарлет! Тьфу на театр.

Норико плакала и хлопала в ладоши как оглашенная.

— Я скучаю по Лео, — сказала она. — Очень сильно.

Норико, может и скучала по Лео, но в этот момент я была настроена скептически. Они едва ли говорили на одном языке. Они едва узнали друг друга за месяц перед женитьбой. Мы говорим о моем брате. Он славный малый, но... целое лето мне работать с Норико. Она умная, а Лео до нее далеко.

Я разморозила горошек и уже собиралась перевернуть страницу незапоминающегося совершеннолетия, как раздался телефонный звонок.

— Аня, это мисс Бельвуар, — Кэтлин Бельвуар была математичкой Нетти в Троице, но летом она работала в летнем лагере для одаренных. — Тут с Нетти приключилась небольшая беда, и я хотела уведомить вас, что завтра она приедет домой.

Я приложила руку к груди.

— Что произошло? Она приболела?

— О нет, ничего такого. Но тут приключился инцидент. Точнее сказать, несколько инцидентов. Руководство решил, что будет лучше, если она отправится домой немного раньше. Цель моего звонка убедиться, что вы встретите ее по прибытии.

— А что за инцидент? — спросила я.

Список прегрешений Нетти

1. Не приняла участие в математических и естественнонаучных лабораторных работах
2. Абсолютно не уважает персонал и других отдыхающих
3. Была застукана с шоколадом на территории лагеря
4. Была застукана в комнате мальчиков после отбоя
5. Сбежала из лагеря, угнала фургон и залетела в кювет

Последнее положило официальный конец терпению лагерного руководства.

— Но она цела? — уточнила я.

— Шишки и синяки. С фургоном все гораздо хуже. Мне нравится ваша сестра, а прошлым летом она имела оглушительный успех, оттого все, включая меня, старались игнорировать неприятности. Наверное, мне стоило позвонить раньше.

Мне хотелось наорать на мисс Бельвуар за недостаточный присмотр, но я понимала, что это неразумно. Я закусила потрескавшуюся губу, которая немедленно начала кровоточить.

Нетти прибыла в квартиру в шесть утра, когда уже наступило воскресенье. Моя сестренка была в ссадинах. На лбу и щеке синяки, на подбородке — глубокий порез.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Она раскрыла руки, будто собираясь меня обнять, но затем на ее лице появилось выражение досады.

— Ради всего святого, Анни, не смотри на меня так. Ты не моя мать. — Она прокралась в свою спальню и хлопнула дверью.

Я дала ей десять минут, и только потом постучала.

— Отвали!

Я повернула ручку. Заперто.

— Нетти, нам необходимо обсудить случившееся.

— С каких это пор ты хочешь говорить? Разве ты не мисс присутствие духа? Не мисс держу все в себе?

Я отомкнула замок шпилькой, которую мы хранили у комнаты Лео (теперь она принадлежала Норико).

— Уйди! Будь любезна оставить меня одну!

— Не могу, — отрезала я.

Она натянула одеяло на голову.

— Ну так что случилось?

Она не отвечала.

Я не уходила. Такое ощущение, что жили тут два человека: подросток и молодая девушка. Тут валялись бюстгалтеры и куклы, духи и мелки. На крюке висела одна из фетровых шляп Вина. Эти шляпы ей нравились всегда. Рядом с зеркалом таблица Менделеева, я отметила, что некоторые элементы были обведены.

— Что эти пометки значат? — поинтересовалась я.

— Мои любимые.

— Как ты их выбрала?

Она вынырнула из-под одеяла.

— Водород и кислород — это же очевидно. Они составляют воду, главный жизненный ресурс, если тебя это заботит. А из натрия и бария образуются мои инициалы. — Она ткнула на Ar. — Аргон абсолютно инертен. На него ничего не влияет, и он с трудом образует химические соединения, то есть налаживает отношения. Одиночка. Ни о чем никого не просит. Напоминает тебя.

— Нетти, это бред. На меня многое влияет. На данный момент я расстроена.

— На тебя-то? Трудно сказать, Аргон.

— Суть в том, что не важно, что там с тобой приключилось в лагере. Лето есть лето. Лето далеко от реальной жизни.

— Да ты что?

Я покачала головой.

— У тебя выдалось неудачное лето. Только и всего. Школа начнется через пару недель. Это твой младший год, я считаю, он будет для тебя важным.

— Ага, — сказала спустя некоторое время.

— Мне надо идти в клуб, но я вернусь, — сообщила я.

— А я могу пойти?

— Как-нибудь в другой раз. Отдохни сегодня. Выглядишь неважнецки.

— А я думала, что выгляжу бесподобно.

— Скорее, проблемно.

— Криминально. Как истинная Баланчина.

Я поцеловала Нетти в лоб. У меня всегда было туго со словами. По пути через разум от сердца и ко рту предложения теряли смысл и безнадежно запутывались. То, что я намеревалась высказать, не обретало плоти. Сердце думало «люблю». Разум предупреждал

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

«ты не пройдешь». Как же глупо. Как опасно. Рот открывается и произносит «пожалуйста, уйди», или что еще хуже, выдавливает пару-тройку бессмысленных шуток. Знаю-знаю, в такой момент к Нетти надо относиться мягче.

— Нет, ничего подобного. Ты самая умная и лучшая девочка в мире.

Вместо того, чтобы поехать на автобусе, я отправилась в клуб пешком. Наступила ночь и уже поздновато для прогулок в одиночку, но даже безучастному Аргону временами необходимо освежить голову. Я уже одолела половину пути, и когда находилась на площади Колумба, хлынул дождь. Волосы закурчавились, но мне было все равно. Обожаю Нью-Йорк в дождь. Мерзкие запахи ослабли, тротуары практически блестят от чистоты. Красочные зонтики словно перевернутые побеги тюльпанов, окна нежилых небоскребов темны. Под дождем забываешь о нехватке воды, или что кто-то любил тебя по-настоящему, быть может, вечною любовью. Я верю дождю.

Прогуливаясь, я размышляла о Нетти и о том, что этим вечером я говорила и делала правильные вещи. В ее годы я была несчастна. Родители погибли, состояние бабушки ухудшалось с каждым днем. Единственным другом в школе была Скарлет. Я была одержима идеей, что меня все оскорбляют, возможно, так оно и было. Я постоянно попадала в переплет и набивала шишки. (Оглядываясь назад, удивительно, как это меня не выгнали из Троицы еще раньше.) В четырнадцать я не была на пике привлекательности — большая шевелюра, круглое личико, а грудь только выясняла, что она грудь. Когда мне стукнуло пятнадцать, я стала выглядеть умнее, начала встречаться с Гейблом Арсли, первым парнем и первым, кто сказал мне, что красивая. Вот видите, дождь ловко подменил мои воспоминания о Гейбле на хорошие.

Я поднималась по ступенькам крыльца, как из темноты вынырнул мужчина и схватил меня за руку.

— Аня, где София? — Он грубо потянул меня за безголовую статую льва, одну из охраняющих вход фигур.

Им оказался Микки Баланчин, мой кузен и муж Софии. Он схуднул, даже в темноте его кожа казалась желтушной. Я не виделась с ними с тех самых пор, как они внезапно покинули город.

— Не понимаю, о чем ты говоришь. — Я попыталась вырвать руку, но он подтащил меня ближе. Я ощутила его дыхание, которое было приторно сладким и отталкивающим. Напоминало сырую кожу.

— Мы открывали в Швейцарии новую фабрику Биттеров, — рассказал он. — Мы остановились в отеле, и одним утром она спустилась на завтрак со своим телохранителем, но не вернулась обратно. Знаю, она пыталась тебя убить...

Я прервала его.

— Так все же она?

— Все же она моя жена. Мне надо разыскать ее.

— Послушай, Микки, ты порежь какую-то чушь. Я несколько месяцев вас в глаза не видывала, и уж тем более понятия не имею, где она находится.

— Я думал, ты похитила ее в отместку.

— Похитила ее? Ну уж нет. Я открывала собственное дело. Как-то не было времени похищать кого бы то ни было. Хочешь верь, хочешь не верь, я о ней месяцами не вспоминаю. Уверена, такая особа нажила много врагов помимо меня.

Микки вынул пистолет и уткнул его под мои ребра.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— У тебя есть все основания желать Софии плохого, но мы можем помочь друг другу, если ты скажешь мне, где она.

— Микки, прошу. У меня и правда нет представления об этом. Я правда... — Я начала тянуться за мачете, которое хранилось в рюкзаке все лето. Очевидно же, что без пальто я не могла прицепить его к поясу. Приобретением ножен я не заморачивалась.

Тут заговорил другой голос:

— Добро пожаловать домой, Микки Баланчин. К твоему затылку приставлен пистолет, посему предлагаю тебе бросить оружие. — Мистер Делакруа уткнул в череп Микки какую-то штуку, как по мне даже в темноте не похожую на пистолет. Какая-то бутылка. Из-под вина? — Если с тобой кто-то есть, предлагаю и ему бросить оружие. Двое против одного, уж я-то знаю, что у мисс Баланчиной руки чешутся вынуть мачете, хотя она думает, что о нем никто не знает.

— Я один, — отозвался Микки и медленно опустил оружие.

— Хороший мальчик, — усмехнулся мистер Делакруа.

— Я не собирался навредить ей, — принялся оправдываться Микки. Он кашлянул, звук вышел низкий и дребезжащий. — Только получить информацию. — Микки опустил пистолет на землю, и я его подобрала. Невзирая на это, кажется, я не особо счастлива появлению мистера Делакруа. Не верится, что мой кузен выстрелил бы, да и не хотелось вовлекать его в семейные разборки. Откровенно говоря, его геройство меня раздражало. Я видела его насквозь. Нанимая его на работу, я осознавала, что для него собственные интересы превыше всего и чувствовала его притворство. Героизма от него и не требовалось — я сама какое-то время жизни себе герой.

— Ну раз правда, проходи внутрь и обсуди вопрос как цивилизованный человек, — обратился к кузену мистер Делакруа. — Мы все промокли, а ты выглядишь, будто вот-вот подхватишь воспаление легких, если мы так и будем стоять тут.

— Хорошо, — согласился он.

Когда мы все зашли, я попросила Джонса, охранника, выбежавшего из клуба, остаться с Микки.

Наша компания увеличилась на одного, мы поднялись по лестнице мимо клубной зоны и направились в мой кабинет. Я отперла двери и приказала Джонсу и Микки подождать внутри. Затем спустилась в холл отпустить на вечер мистера Делакруа. Он протянул мне тоненькое полотенце, вероятно, добытое им на кухне.

— Тебе необходима личная охрана. Я не могу всегда быть рядом для твоего спасения...

Я перебила его.

— Я рада, что вы подняли эту тему, мистер Делакруа. И хотела бы напомнить, что вы наняты не героя из себя строить.

— Героя? — переспросил он. — Строить?

— Строить, — утвердительно сказала я. — А ведь вы мой служащий.

— Партнер. Понимаю, какую сделку я отвергнул.

— Моя доля в бизнесе больше вашей, и разрешения поступать как вздумается мне не требуется.

Он невыразительно посмотрел на меня.

— Отлично, Аня. Чего мэм изволит?

— Юридические консультации. И ничего более.

— Правильно я понимаю свои обязанности... если ночью я увижу тебя — скажем, пусть это будет темная и ветреная ночь — и на тебя нападет человек, которого я опознаю как кузена-мафиози, который не то пытался убить тебя и твою семью, не то не пытался, протокол диктует, что я должен, — он пожал плечами, — отвести взгляд в сторону и бросить тебя умирать?

— Да, но...

На этот раз он перебил меня.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Хорошо. Рад, что этот момент мы прояснили.

— Я не собираюсь умирать. Пока что. Ведь выжила же после отравления, можете в это поверить.

— Как бы то ни было, как твой юрист-консультант и только в этом качестве, я не хочу превышать полномочия, и считаю, что для твоей безопасности это полезно.

— Вы выбрали неправильный путь. Говорю же, нам необходимо очертить границы. Определить роли. Я ценю вашу потребность знать обо всем, но мы не одинаково согласны, что лучше для клуба и для вас, если возникают вопросы, особенно с вовлечением Семьи, от которой вы должны держаться подальше?

Мгновение он обдумывал мой вопрос.

— Как пожелаешь. Что случилось с той гиганткой, которая следовала за тобой по пятам?

— Я отпустила Дейзи.

— Зачем ты это сделала?

— С тех пор, как я пытаюсь действовать в рамках закона, не думаю, что составлю о себе хорошее впечатление, разгуливая с охраной. Я пока что им доверяю. Не желаю ходить по городу с охраной как закоренелый гангстер. Вам ли не знать, как важен внешний вид.

— Кажется, ты выжила из ума. Не соглашусь, но твое обоснование понимаю.

— Доброй ночи, мистер Делакура.

Я поднялась в кабинет. Микки и Джонс втиснулись на мое любимое место. Я вытерла волосы полотенцем, поданным мистером Делакура, и протянула его Микки.

— Твой парень? — Микки кивнул на другую сторону коридора.

— Парень? Издеваешься? Это Чарльз Делакура. Должен помнить, как в 83-ем он претендовал на окружного прокурора.

— И правда он.

— Он проиграл выборы и теперь мой юрист-консультант.

— Чудно, — отозвался Микки.

— Парень! — Меня аж затрясло при мысли о том, что хоть кто-то подумал, что Чарльз Делакура мой парень. — Это отвратительно, Микки. Он примерно вдвое старше меня, а может и больше. Он даже для отца староват. Он отец Вина. Помнишь моего бывшего парня?

— Эй, я и не берусь судить, как другие живут. — Его глаза остекленели и с трудом фокусировались. Я чувствовала, что он на грани обморока, поэтому мне необходимо было разузнать информацию, пока он не отключился.

— Что ты знаешь о заказе убийства Нетти, Лео и меня? — перешла я к делу.

— Я настолько же в неведении, сколь и ты. Когда я узнал о причастности Софии, нападения уже произошли. Она вынудила меня бежать, иначе Семья убила бы меня. Она убедила меня, что ты всеизвестная любимица Баланчиных и что Семья примет твою сторону, с радостью перерубит ниточку, кою я из себя представляю. Она настаивала, что все повесят организацию заговора на меня, ведь я хотел избавиться от отпрысков Леонида Баланчина. Поэтому я и уехал вслед за ней. Быть может это и глупо, но времени подумать над этим не было, да и она все же моя жена. Но меньше чем через месяц один мой добрый друг рассказал мне, что ты позволила Толстому Медовухе возглавить Семью, и тогда же я узнал о лжи Софии.

— Кто еще причастен?

— Юджи Оно, несомненно. — Микки закашлялся так сильно, что я заволновалась, как бы он не поперхнулся. Мне померещились капли крови на полотенце, которое я ему подавала. — Они были любовниками, знаешь ли.

Ходили слухи, но все, что я знала наверняка, так это то, что они были одноклассниками.

— Кто-нибудь еще?

— Все. Больше я не знаю. Ничего важного.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Саймон Грин?

— Юрист?

Незаконнорожденный сын моего отца, хотелось мне сказать.

— Много юристов. Саймон далеко не самый худший. — Он кашлянул еще раз, на сей раз это прозвучало, как будто его легкие забиты шариками.

— Что с тобой? — спросила я.

— Думаю, за границей что-то подцепил.

— Заразное? — вступил в беседу Джонс. Начальник охраны редко чувствовал потребность вставлять комментарии.

— Не знаю.

Джонс отодвинулся от Микки так далеко, насколько позволяло сиденье.

— Зачем тебе София? Если ее похитили, то туда ей и дорога. Дай ей исчезнуть.

— Я не закончил с ней дела. Мне необходимо с ней увидеться.

— Сказать, что бизнес есть бизнес?

— Если это не похищение, значит, она меня подставила. Она увела меня из Нью-Йорка, чтобы власть прибрал к рукам Толстый. Быть может, решила, что тебя скоро уберут. Я уже ничего не понимаю. — Несмотря на то, что дождь охладил летнюю ночь, Микки покрылся потом. — Она... — Он снова кашлянул, но на этот раз огромный сгусток кровавой мокроты плюхнулся на мой стол словно резиновый мячик.

— Микки, тебе плохо, — произнесла я, хоть это и было очевидно. — Принести попить?

Микки не отозвался. Глаза закатились, тело свело судорогой.

Джонс посмотрел на меня без каких-либо эмоций.

— Отвезти его в госпиталь, мисс Баланчина?

— Не вижу другого выбора. — Особой любви к кузену я не испытывала, но и чтобы он умер в моем кабинете тоже не хотелось.

Три дня спустя Микки Баланчин умер. Он прожил годом меньше, чем мой отец. Официальной причиной смерти оказался невероятно редкий штамм малярии, но причины эти довольно часто не имеют отношения к правде.

(Примечание: по многим причинам я подозреваю отравление.)

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

III

Я ПРИБЕГАЮ К ПОМОЩИ СТАРОГО ДРУГА; НЕ ОТКАЗЫВАЙТЕ В ЧАС СОМНЕНИЙ; ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛИТЬ ЭРФИКС ТАНЦА; ПОЦЕЛУЙ ПРЕКРАСНОГО НЕЗНАКОМЦА

— Правило всех врачей — не навреди, — произнес доктор Парэм. — Ну, немного шоколада вреда не нанесет. Я подпишусь под каждым рецептом сколько тебе угодно. — Ему было шестьдесят два года и он терял зрение, поэтому за операцию он принял должность в «Темной комнате». У семерых других докторов, которых я наняла работать в моем клубе, тоже были свои причины — самой важной их которых и разделяемой всеми являлась нужда в финансах. Какао можно использовать для лечения всего, от усталости до головной боли, от тревожности до тусклой кожи. Впрочем, негласная политика нашего клуба предписывала выдавать рецепты всем желающим старше восемнадцати. За эту услугу мы платили врачам и ожидали от них примирения с совестью. Я сообщила доктору Парэму, что он принят.

— Это озадачит мир, в котором мы живем, мисс Баланчина. — Он покачал головой. — Я помню времена, когда шоколад стал вне закона...

— Сожалею, доктор Парэм. Я с великим интересом обсужу это в следующий раз. — Клуб открывается завтра и мне многое надо успеть. Я встала и пожала ему руку. — Пожалуйста, сообщите Норико размер одежды.

Я спустилась в недавно смонтированный бар и прошлась по девственно чистой кухне. Нигде в Манхэттене такой блестящей кухни я не видела. Похоже на рекламу из двадцать первого века. Люси, барменша, и Брита, шоколатье из Парижа, хмурились над кипящей кастрюлей.

— Аня, сними пробу, — попросила Люси.

Я облизнула ложку.

— Все еще слишком горько.

Люси выругалась и вылила содержимое в раковину. Они разрабатывали наш фирменный напиток. Мы закончили составлять меню, и я чувствовала нужду в какой-то фишке. Я надеялась, что получатся они такими же особенными, как напитки в Мексике.

— Попытайся снова. На это раз больше похоже.

За ними виднелась кладовка, полки которой неделю назад заняли поставки из Гранья-Манана, какао-фермы, где я провела прошлую зиму. Оглядываясь назад, я пришла к выводу, что нужно было позвать бабушек или же самого Тео для обучения моих поваров.

Я вернулась в бар, где меня поджидал мистер Делакура.

— Хочешь почитать интервью в Дэйли? — поинтересовался он.

— Не очень. — Мистер Делакура настоял нанять пресс-секретаря и медиа-стратега. На протяжении последних двух недель я давала нескончаемые интервью и выяснила за это время, что Аргон не способен распространяться о себе. — Все так плохо?

— Послушай, нам некоторое время нужно общаться с газетчиками.

— Вы должны были от них отделаться. — Он внес в дело свою долю, но настоял, чтобы представительным лицом была я. — Идиотское ощущение из-за того, что я рассказываю о себе.

— У тебя неверное представление. Ты не рассказываешь о себе. Ты даешь людям понять, кто в этом грандиозном проекте хозяин.

— Они прикопались к той части моей жизни, обсуждать которую неудобно. — В чем заключалась сложность: репортеры не чувствовали рамок, а я была от природы скрытной и очерчивала границы. Ну не желаю я распространяться о прошлом: из-за убийства отца и матери, да и других родственников, заключения в «Свободе», исключения из школы, арестованного брата, отравления одного бывшего парня и ранения другого. — Мистер Делакура, они хотят раскопать древнюю историю, не имеющую отношения к клубу.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

- Так не обращай внимания на вопросы. Обсуждай то, что хочешь. Вот и весь секрет, Аня.
- Как считаете, клуб ждет фиаско из-за отвратительного интервью?
- Нет. Это вызовет обратный эффект. Люди так и повалят. Я верю в эту затею. Верю.

Я собралась провести пальцами по шевелюре, но затем вспомнила, что волос-то у меня нет. Медиа-стратег решил, что было бы неплохо обновить мой образ до открытия клуба. Пропали мои кудряшки, делавшие меня неопрятным ребенком, а отнюдь не хозяйкой собственного «самого горячего клуба в Нью-Йорке»! Но я поняла, что гладкий, неровный боб, химически укрощенный и прилизанный, на волосок от гибели. Я не собиралась вздохнуть, но все-таки это сделала.

- Подрастеряла свои косоньки, бедняжка.

— Издеваетесь, мистер Делакруа. Все равно они были короткими. Всего лишь волосы. — Всего лишь волосы, но я плакала, когда их отрезали. Парикмахер развернула кресло, чтобы показать результат. В зеркале я узрела пришельца, перенесшего тяготы выживания на враждебной планете, куда упал его корабль. Уязвимый видок на мой вкус не очень. Кто это такая? Ну точно не Аня Баланчина. Она точно не я. В отражении я настолько на себя не была похожа, что всполошилась, накрыла обстриженную голову руками и заплакала. Стыдно-то как. Одно дело лить слезы на похоронах, а другое над волосами.

- Вам не нравится, — произнесла ошарашенная парикмахерша.

— Нет. — Я уняла судорожные всхлипы и попыталась придумать оправдание для моего поведения. — Э... Шее ужасно холодно.

К счастью, о моей минутной слабости был осведомлен только стилист.

— Я и забыл. Девушки так трясутся над своими волосами. Вот когда моя дочь попала в госпиталь, — мистер Делакруа прервал себя ироничным кивком. — Это не та история, что я собирался рассказать. — Он уставился на меня. — Мне нравится новая прическа. Старая тоже нравилась, но и эта тоже ничего.

- Прекрасная поддержка. Надо же, ничего так.

— Сейчас у меня возник глупый, но возможно неловкий вопрос. — Он помолчал. — Бесконечно мудрый стратег думает, что на завтрашнее открытие было бы здорово назначить встречу.

- И моя сестра для этого не подходит, видимо?

- Полагаю, им есть кого подобрать, если тебе не с кем.

- А я-то думала, что Вин уехал в колледж, — пошутила я.

- Он уехал на прошлой неделе.

- И вдобавок он меня ненавидит.

— Что есть, то есть. Окружным прокурором я не стал, так хоть раздавил этот глупый школьный роман.

- Замечательно получилось.

По правде говоря, звать мне некого. Я по уши в работе, не до свиданий. А с бывшими я не в ладах. — Не надо мне никаких свиданий, — ответила я наконец. Я собираюсь взять сестру и думаю придерживаться только этого курса.

- Хорошо, Аня. Я передам твои слова команде, — мистер Делакруа направился к двери.

- Вы всегда считаете, что предугадываете мои действия.

Он вернулся ко мне.

— Ну нет. Не предугадываю. — Он обвел рукой пространство помещения, за последние недели ставшего больше похожим на клуб. Пол прилизан и натерт. Потолок с нарисованными облаками восстановлен. Серебристые шторы из бархата закрывали окна высотой от пола до потолка. Стены выкрашены в насыщенный шоколадно-коричневый цвет. К этому добавились

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

длинная барная стойка из красного дерева и эстрада. Во второй половине дня постелили красный ковер. Чего же нам не хватает? Платежеспособных клиентов. — Чудовищные размеры, — перевел он тему. — Не засиживайся допоздна, выпипись-ка лучше.

Вопреки инструкциям мистера Делакура, этой ночью я провалялась в кровати без сна. По своему обыкновению я истязала себя, перечисляя все, что могло пойти не так.

— Извиняюсь, что разбудил вас, мисс Баланчина. Тут напакостили. Вылили кислоту — мы только предполагаем, что кислоту — на запасы какао.

Когда я приехала, Джонс проводил меня к кладовой. Вся партия какао была облита жидкостью, похожей не то на хлорку, не то на кислоту. Она прожгла в мешках дыры, сквозь которые виднелись грязеподобные сгустки влажного какао.

— Нельзя здесь задерживаться, — предупредил Джонс. — Плохая вентиляция.

Глаза наполнились слезами. Я не знала что и думать. Не так-то просто отыскать двести пятьдесят фунтов сырого какао для сегодняшнего открытия.

Я уже собралась на выход, как вдруг заметила на полке «Особый темный». Не очень умно. Хотя так и задумано.

Я не виделась с Толстым, ставшим главой Семьи. Во время июльской подготовки он угрожал мне, что без последствий не обойдется. Кажется, он имел в виду это. Я понимала, что позже нам придется столкнуться. И в то же время расставила приоритеты. Я достала телефон, чтобы позвонить поставщику из Мексики.

— Аня, ты в такую рань. Еще не время говорить по-английски, — заявил Тео, подняв трубку.

— Тео, у меня беда.

— Я серьезен как могила, говоря, что убью ради тебя. Мал, да удал.

— Нет, шутник. Не надо убивать ради меня. — Я объяснила, что произошло. — Мне надо узнать, есть ли где-нибудь поблизости, скажем, двести пятьдесят фунтов какао к вечеру?

Несколько секунд Тео не отвечал.

— Катастрофа. Следующая поставка не прибудет раньше среды. В твоей стране больше нет какао в таком количестве, а если бы и было, то за качество я не ручаюсь. — Он окликнул свою сестру: — Luna, despiértate! Necesitamos un avión (Прим.пер. «Луна, подъем! Нам нужен самолет!»)

— Un avión? — Мой испанский атрофировался за месяцы, которые я провела вдали от Мексики. — Погоди, это случаем не самолет?

— Да, Аня, я мчусь к тебе. Не могу же я позволить тебе открыть бизнес с низкокачественного какао. В Чьяпасе сейчас пять утра, Луна прикинула, что к вечеру я прилечу. Ты вышлешь мне навстречу грузовик?

— Разумеется. Но Тео, грузовой самолет — это же очень дорого. Я не могу позволить тебе и твоей семье принять на себя расходы.

— Деньги у меня есть. В Мексике я богатый шокобарон. Я это сделаю в обмен на... — он сделал паузу, чтобы выдумать цену — пятьдесят процентов выручки с первой недели.

— Пятьдесят процентов неоправданно высоко, Тео. И кроме того, ты всегда так ведешь торг? Ты ведь уже сказал Луне готовить самолет, разве нет?

— Правду говоришь, Аня. Тогда пятнадцать процентов выручки до тех пор, пока расходы на самолет, топливо и какао не покроются?

— Тео, сейчас ты предлагаешь слишком мало. Мой бизнес может прогореть и тогда ты ничего не получишь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я в тебя верю. Кто научил тебя всему? Плюс это дает мне отличный шанс повидать Нью-Йорк. Я хочу помочь тебе. И не прочь увидеть тебя. Волосы отрасли?

Я ответила ему, что он увидит их когда приедет.

— Тео, buen viaje. (Прим.пер. «Удачно долететь.»)

— Хорошо, Аня. Ты не полностью забыла испанский.

Домой я не вернулась, потому что знала — не усну. Я уселась в кабинете в отцовском кресло, том самом, в котором его убили, и предалась размышлениям. Что, если все пойдет не так? Что, если я облажаюсь и выставлю себя посмешищем? Я задумалась о Софии Биттер, Юджи Оно, Саймоне Грине, и, разумеется, Толстом. А вдруг они посмеются и будут правы? Вдруг моя затея идиотская, а я дуручка, надеющаяся внести новое слово? А вдруг мистер Киплинг был прав? Что я знаю о ведении дел?

А если какао привезут, мы приготовим напитки, а никто не придет? А если придут, но какао-ненавистники откажутся принять его, как и шоколад? Придется уволить работников? А где они будут работать? Если на то пошло, то что я буду делать без работы? У меня есть аттестат и судимость, а перспектив в колледже нет. А если я в итоге потерплю крах? Кто оплатит Нетти колледж? Вдруг я потеряю квартиру? А если я в восемнадцать лет гроблю свою жизнь? Куда мне податься? Я совершенно одна и некрасива с этой дурацкой короткой прической.

А если мой любимый уедет и все закончится ничем?

Я не слишком сильно зацикливаюсь на Вине, несмотря на Скарлет, но все равно скучаю по нему. Конечно, скучаю. Во времена, подобные этим, я чувствую его отсутствие особенно сильно.

Целых три с половиной месяца прошло с нашего расставания. Только сейчас я поняла, что произошло.

Я не была чиста. И понимала, что делаю. Понимала, почему я была права (и он тоже). Мы повстречались в школе, поэтому шанс, что мы вместе надолго, был довольно мал, даже если мы изначально не были предназначены друг другу.

Да, я сделала выбор. А выбрать клуб означало не выбрать Вина. Я пожертвовала им ради того, что, как я верила, возвеличит меня. Но, Господи, если ты считаешь, что мысль бросить Вина меня не мучает, то ты заблуждаешься. Знаю я, что раздражающий персонаж, что имею склонность к сухости и выдаю мужественные речи. Такова моя природа — скрывать самое святое в сердце. Несмотря на то, что чувства мои сокрыты, это не значит, что я не переживаю.

Я отказалась от аромата Вина (сосны и цитруса), его рук (нежных ладоней, длинных пальцев), его рта (бархата и чистоты), и даже от его шляп. Мне хотелось поговорить с ним, поведать задумки, подурочиться и поцеловать его. Я отказалась от любви не от привязанности к другому человеку, а потому что он решил, что я чрезвычайно сильна, уникальна и стою свеч.

Это не давало мне покоя.

Какао привезли в два, а с ним и Тео.

— Уродливая прическа

— А я думала, тебе понравится.

— Я такое презираю. — Он закружил меня. — Зачем девушки терзают волосы?

— В моем случае это бизнес-решение. И если ты так и продолжишь, то рискуешь ранить мои чувства.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Видимо, за долгую разлуку ты позабыла, какой я дурной? Меня нужно игнорировать. С волосами не все так страшно. На мне же они растут. Надеюсь, у тебя тоже. — Он расцеловал меня в обе щеки. — Местечко не менее красивое. Веди оценить кухню.

Когда мы с Тео принесли в мешках какао, сотрудники повеселели, а Люси даже расцеловала Тео. Такой уж он привлекательный. Она заставила его подписаться под напитком, находившимся еще в стадии разработки. Тео попробовал его, медленно проглотил, вежливо улыбнулся Люси и поставил стакан на стойку. Затем отвел меня в сторонку и прошептал на ухо:

— Аня, так не пойдет. Ты не можешь такое подавать.

Я объяснила Тео, что ни у одного американского бармена нет опыта приготовления какао из-за его запрета. Мы делаем все, что можем в подобных обстоятельствах.

— Я серьезно. На вкус как грязь. Какао требует большей ловкости. Ее нужно раздражить, спровоцировать. Я здесь. Позволь помочь. — Он засучил рукава и надел фартук.

Он взглянул на Люси.

— Слушай, не прими за неуважение, но у нас в Мексике есть много рецептов какао. Не будешь возражать, если я покажу их тебе?

— Я бьюсь над ним вот уже несколько месяцев, — возмутилась Люси. — Я уж молчу, что диплом у меня специалиста по напиткам и пирожным из Кулинарного института. Сомневаюсь, что ты к полудню придумаешь лучший рецепт.

— Я лишь желаю помочь своей подруге, показав тебе рецепты. Я имею дело с какао всю свою жизнь, и смиренно скажу, что толк в этом я понимаю.

Люси отошла в сторонку, хоть и не была в восторге, позволив Тео вторгнуться на ее кухню.

— Так, замечательно. Грациас. Я очень ценю то, что ты уступила мне местечко на кухне. Мне необходима апельсиновая цедра, корица, коричневый сахар, ягоды шиповника, кокосовое молоко... — он выпалил длинный список, и помощник шеф-повара вскарабкался за ингредиентами.

Через двенадцать минут Тео закончил составлять напиток-фишку.

— Теоброма, — произнес он. — Лилового цвета.

Я пригубила. Вкус был шоколадный, но не очень сильный. Какао было фоновым ароматом. Я будто проглотила кокос и цитрусовые. Освежающе. Именно это я и искала.

— Знаешь ли, Тео, не так-то просто получить лиловый оттенок.

Тео посмотрел на меня.

— Но что ты думаешь о напитке?

— Вкусно. Потрясающе вкусно.

Люси была нерешительна, но когда она попробовала, то сняла свой колпак и передала Тео. Она кивнула в мою сторону. Я подняла свой стакан и произнесла:

— За Теоброма! За фишку «Темной комнаты»!

— Нам надо выйти через двадцать минут, иначе опоздаем, — позвала я, забежав в квартиру. Я зашла домой переодеться и забрать Нетти. Я уронила в фойе ключи, а когда вошла в гостиную, увидела, что Нетти сидит на диване вместе с взрослым парнем. Видимо, они не слышали моего прихода и виновато отпряли друг от друга, как только увидели меня — стараюсь не думать, чем они там занимались. Тем не менее, вид моей младшей сестры, обнимающейся с этим джентльменом, был, мягко говоря, возмутителен.

— Нетти, кто твой друг?

Парень встал и решительно представился.

— Я Пирс. Я учусь в Троице в выпускном классе. Мы с Нетти вместе занимаемся наукой. Я подняла на него глаза.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Приятно познакомиться, Пирс. — Парень был бесцеремонным и казался довольно дружелюбным. Однако... хоть он и был на класс старше Нетти, для моей сестры он оказался староват. Я обернулась к Нетти. — Через двадцать минут нам надо идти. Не можешь ли ты попросить Пирса уйти, пока мы готовимся?

Пирс только-только выскочил за дверь, а Нетти уже обернулась ко мне.

— Что это было? Почему ты так груба с ним?

— Чем ты думаешь? Ему как минимум восемнадцать.

— Девятнадцать. За последний семестр у него четверка.

— Тебе же четырнадцать. Он слишком для тебя стар, Нетти.

— Это совершенно несправедливо. Я младше. Он старше.

— Ты еще младшеклассница. — Она перешагнула два класса.

— Что поделать, раз уж я младшая в классе. А пять лет ничего страшного.

— Так он твой парень? — спросила я.

— Нет! — Она вздохнула. — Да.

— Нетти, я запрещаю. Ты не можешь встречаться с парнем, которому девятнадцать. Он мужчина, а ты еще ребенок. А мужчины хотят одного.

— Запрещаешь? — заорала она. — Оглянись. У тебя нет права запрещать мне.

— Тем не менее, я это делаю. Согласно нью-йоркскому законодательству я твой опекун, а значит, могу запрещать тебе все что угодно. И если ты нарушишь запрет, я переговорю с родителями Пирса, а если он попытается сделать с тобой хоть что-нибудь, выдвину против него обвинения. Ты же знаешь, что изнасилование карается законом?

— Ты этого не сделаешь!

— Сделаю, Нетти. Не пытайся это проверить. — Говоря это, я чувствовала себя нелепо.

Нетти заплакала.

— Почему ты стала такой злобной?

— Я не хочу такой быть. Мне нужно тебя защитить.

— Защитить от чего? От друзей? От жизни? А ты знаешь, что в школе у меня их нет? Я, типа, урод. Пирс мой единственный друг.

Я посмотрела на свою сестру и поняла, что не имею представления, что с ней происходит.

— Нетти, послушай. Нам нужно подготовиться к сегодняшнему вечеру. Поговорим об этом позже. Жаль, что я не смогла прийти пораньше. Мне правда хочется знать, что происходит в твоей жизни.

Нетти кивнула. Она ушла в свою комнату, а я в свою. Времени принять душ уже не было.

На открытие стилисты выбрали мне девственно-белое платье, плотно прилегающее к коже, сотканное из шелка и шерсти. Оно было с глубоким вырезом на спине в форме буквы V, стороны которой соединяли ремешки. Одежда не оставляла простора воображению. Мне сказали, что цвет символизирует невинность, а платье сообщит всем, что «Темная комната» самое захватывающее место в Нью-Йорке. Лично мне платье говорило только одно: я голая.

Я пригладила волосы, накрасила губы алой помадой и подвела темным карандашом глаза, натянула туфли с ремешками — выбор Скарлет, и направилась в комнату Нетти.

Нетти лежала в постели укрывшись с головой.

— Анни, я плохо себя чувствую.

— Готовься. Машина подъедет через две минуты, а ты моя предполагаемая напарница.

Она высунула голову.

— Ох, ты выглядишь замечательно.

— Спасибо, конечно, но правда, Нетти, тебе надо поторопиться. Я не могу опоздать.

Нетти не шевелилась.

— Если ты так делаешь из-за обиды на меня, то уж очень по-детски.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я и есть ребенок. Не ты ли так сказала? — Я начала стягивать с нее одеяло, но она вцепилась в него, усложняя мне задачу.

— Пожалуйста, Нетти. Пойдем.

— Не хочу.

— А я хочу видеть тебя там.

— Ты не хочешь, чтобы я здесь оставалась. Что, не так? Теперь я должна быть на виду? Твоя покорная маленькая сестренка? С твоим клубом у меня ничего общего, так пускай так все и останется.

На уговоры у меня времени не было.

— Отлично. Не ходи. — Я ушла.

Крыльцо клуба уже было забито людьми. Фотографы и журналисты выстроились вдоль красной ковровой дорожки в ожидании VIP-гостей. СМИ спланировали внезапную атаку. Сейчас мы могли оценить реальное количество посетителей. Один из журналистов окликнул меня.

— Аня Баланчина! У вас найдется минутка для интервью Нью-Йорк Дэйли?

После разговора с Нетти я была в отвратительном настроении, и ни о каких интервью и речи быть не могло. Но раз я взрослая, значит, должна заниматься тем, чем не хочу. Я стряхнула плохое настроение, улыбнулась и направилась к репортеру.

— Это фантастика! — репортер пылал энтузиазмом. — Оглушительный успех! Каково это быть девушкой, в одиночку вернувшей в Нью-Йорк шоколад?

— Я вас поправлю: не шоколад как таковой. Какао. Какао это...

Репортер прервал меня.

— За два коротких года вы выросли из известнейшего подростка города во владелицу клуба с самой дерзкой фишкой за последние десять лет. Как вам это удалось?

— Давайте вернемся к предыдущему вопросу. Я не могу не упомянуть, что в бизнес я пришла с кое-кем, благодаря чьей помощи мы собрались здесь. Тео Маркес и Чарльз Делакура оба этому поспособствовали. — Тео находился внутри, но Чарльз Делакура стоял у подножия крыльца. Он беседовал с другой группой репортеров. Что ж, в этом он опытнее меня.

Хоть этот альянс стоил мне отношений с Вином, мистер Делакура оказался подходящей кандидатурой на роль моего партнера. Он знал в городе каждую собаку и знал, как работает правительство. Мои надежды на то, что люди поверят в его слова о законности нашего предприятия, оправдались.

— Любопытно, — заметил репортер. — Делакура был вашим верным врагом, а теперь, кажется, станет еще более верным союзником.

Я воспользовалась советом мистера Делакура направить разговор в нужное мне русло.

— Как-нибудь вы попробуете напиток от Тео Маркеса и поймете, что самый мой верный союзник — какао, — выкрутилась я. Я ответила еще на несколько вопросов и поблагодарила журналиста за уделенное им время.

Зайдя внутрь, я вихрем промчалась к сидящим на своих местах врачам. Люстры светили. Большая толпа разгорячилась. Потолочные вентиляторы охлаждали помещение и распространяли нежный меланхоличный аромат шоколада — точнее какао — из зала в зал. Впервые в моей жизни все гармонировало с миром.

Я зашла в свой кабинет. Последние двадцать четыре часа я не спала, и уже намеревалась было вздремнуть, как ко мне заглянул мистер Делакура.

Миг он рассматривал меня.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Очень сонная. Встряхнись же, Аня Баланчина. Наши двери распахнуты целых десять минут. Нам предстоит еще многое сделать и многое рассмотреть.

— Что, например?

Он протянул мне руку, помогая встать с кресла. Я прошептала за ним до окна, из которого открывался вид на восточное крыльцо клуба.

Он раздернул бархатные занавески.

Каждую ступень крыльца заплотили тела. Цепочка желающих попасть внутрь растянулась до тротуара. Конца и края ей не было видно.

— Они ведь даже не попробовали, — прошептала я.

— Это не проблема.

Мистер Делакура улыбнулся, что само по себе было редким явлением. От улыбки он стал похож на своего сына и я не могла не пожелать, чтобы Вин тоже был здесь.

Он отошел от окна.

— Ты дашь им то, чего они были лишены. Они

хотят этого. Таким вот скромным образом ты объединяешь людей. Давным-давно я тоже хотел добиться того же самого. — Он помолчал. — Вероятно, не мне об этом говорить, но я уверен, что твои родители гордились бы тобой.

— Как вы можете быть в этом уверены? На основании чего сделали такой вывод?

Он посмеялся надо мной.

— О, так у тебя никогда не бывало таких славных моментов? В каждой бочке затычка. Ты будешь терзаться.

— Прощу. Мне приятно знать. Вы говорите исключительно под своим углом зрения, а где же разъяснения по поводу теоретической родительской гордости? Или это всего лишь лапша на уши? Такая же, которой напутствуют мелкие чиновники на церемонии перерезания ленты? — От недосыпа я стала раздражительной, и мой ответ прозвучал жестче, чем должен был.

— Тут я должен оскорбиться, — он приподнял бровь. — Так-с, доказательство гордости погибших родителей. Надо подумать. Твоя мать была же полицейской, верно?

Я кивнула.

— Она бы гордилась тем, что ты придумала, как сделать бизнес твоего отца законным. Не слишком притянута за уши?

— Не факт, что ей понравилось бы мое преклонение перед буквой закона.

Он продолжил.

— А твой отец? На исходе жизни он пытался направить «Шоколад Баланчина» в новую эру, так? И из-за это русские убили его. Ты же только вышла из средней школы и уже совершила то, чего не мог отец. И без кровопролития.

— Это пока что без кровопролития.

— У тебя приподнятое настроение. В любом случае, я считаю, что представил достаточно доказательств того, что твои родители порадовались бы вместе с тобой, коллега. — Он протянул мне руку и я пожала ее.

Стаканы разбиты. Напитки разлиты. Нечаянный взмах руки. В туалете рыдают девушки. Мужчины и женщины уходят с другими парами. Мы помчались за какао — нужно-таки увеличить поставки — и это при условии того, что внутрь попала только половина желающих. Здесь было грязно и шумно. Я полюбила это местечко больше, чем смела надеяться.

Маленькое чудо: я, которая всегда была беспокойной, беспокоиться перестала. Это свершилось ближе к рассвету. Люси потянула меня на танцпол, где уже отплясывала стайка работающих здесь девушек. Мне они нравились, хоть и были мои сотрудницами, а не

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

подружками. (А своей закадычной подруги я не видела — она ушла рано, поцеловав меня в щеку и бормоча извинения по поводу няни Феликса.)

— Я не танцую, — крикнула я Люси.

— Ты напялила платье, предназначенное для танцев, — завопила она. — Ну нельзя надеть такое и не потанцевать. Это просто преступно. Пошли уже, Аня.

На что Элизабет из пресс-службы замахала на меня руками и заметила:

— Если не потанцуешь с нами, мы решим, что ты сноб, и будем об этом сплетничать за твоей спиной.

Норико была с ними заодно.

— Аня! Открывать клуб без танцев как-то по-дурацки.

Это были весомые причины, поэтому я отправилась на танцпол. Норико обняла меня и поцеловала.

Год тому назад я и Скарлет, обожавшая танцы, ходили в «Маленький Египет» на окраине города. Я тогда сказала ей:

— Чем больше я размышляю о танцах, тем сильнее не понимаю, что в них особенного.

— Так прекрати грузиться, — ответила она. — Делов-то.

В «Темной комнате» я наконец поняла ее. Танец сродни отдаче чувств, звука и реальности.

Во время танца в мой круг втиснулся помятый тип с припухшими губами лет эдак двадцати.

— Ты замечательно танцуешь, — поведал мне он.

— Такого мне еще никто не говорил, — ответила я честно.

— Трудно поверить. Ничего, если я потанцую с тобой?

— У нас свободная страна.

— Правда интересное местечко?

— Да. — Он и понятия не имел, что я владелица, и меня это устраивало.

— Девушка, это платье легкомысленно-откровенное.

Я вспыхнула и уже было собралась сообщить ему, что оно не в моем вкусе и что вообще выбирала его не я, но передумала. Он решил, что я та, кем кажусь. Я сексапильная девушка в откровенном платье, пришедшая в клуб провести время с друзьями. Я положила руку ему шее и поцеловала его. Его губы были пухлыми и темными, как будто созданы для поцелуев.

— Оу. Позволишь узнать твое имя?

— Ты красавчик и невероятно мил, но встречаться я не хочу.

— Pour la liberté! — воскликнула Брита, потрясая кулаком. (Прим.пер. с франц. «За свободу!»)

— Свободу! Свободу! — подхватила Люси. Даже не знаю, ко мне они обратились или не ко мне.

— Ясное дело. Я так и подумал.

Мы протанцевали с ним несколько песен, затем он ушел.

Как странно целовать мужчину и знать, что у него нет к тебе чувств, знать наверняка, что вы не повстречаетесь снова. Я оступилась лишь раз. Это разительно отличалось от поцелуев с Вином — те казались закономерными и даже неуклюжими. Но когда я поцеловала этого типа, то была признательна настоящему. Я ведь всегда старалась строить из себя хорошую девочку, и до этой ночи мне даже в голову не приходило, что в сущности есть нечто прекрасное в поцелуях с мужчиной, не являющимся твоим парнем. Даже соблазнительное.

Я еще находилась на танцполе, как вдруг меня схватила чья-то рука. Оказалось, это Нетти.

— Я не упустила твою дивную ночь. Мне жаль. Не следовало мне рассказывать о Пирсе.

Я расцеловала ее в обе щеки.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Поговорим об этом позже. Рада твоему приходу. Пойдем танцевать со мной, лады?

Она улыбнулась в ответ, и мы протанцевали, как нам показалось, буквально часы. Я позабыла, что мое тело способно уставать. До следующего дня я бы и волдыри не заметила.

К тому времени, как мы с Нетти отправились домой, взойшло солнце. Она спросила, а не зайти ли в нашу церковь. Мы сменили маршрут.

В шестнадцать я верила, что благочестие способно защитить меня и моих близких от реалий жизни и от такого факта, что все живое обречено умереть. В восемнадцать, пережив всякое, я теперь ни во что не верю.

Тем не менее, я не возражаю против веры сестры. Я нахожу это утешающим.

В соборе Святого Патрика мы зажгли свечи за упокой мамы, папы, бабушки и Имоджен.

— Они наблюдают за нами, — убежденно произнесла Нетти.

— Ты правда в это веришь?

— Не знаю, но мне хотелось бы. А если нет, я не обижусь.

Я проснулась во второй половине дня. Моя работа приходилась на вампирские часы, а значит, с первого года управления «Темной комнатой» и до конца жизни, дни мои пролетят в чередке темных комнат. Я побрела в гостиную, где наткнулась на сидящего на диване и сверкающего глазами Тео. Я предложила ему старую бабушкину комнату, пока он находится в Нью-Йорке.

— Аня, я ждал тебя часы и часы. — Скорее всего, он не приукрашивает; работа на ферме требует подъема на рассвете. Избавиться от этой привычки ой как непросто. — Слушай, давай обсудим дела.

— Знаю, — я запахнула халат. — Но может сперва позавтракаем?

— Обед и то прошел. Твоя кухня представляет собой самой печальное зрелище, которое я когда-либо видел. — Он вынул из кармана апельсин. — Съешь. Привез из дома.

Я взяла апельсин и начала его чистить.

— Я уже организовал поставки какао на следующий месяц. Я посмотрел твой бухучет, когда пришел ночью, и решил, что ты оцениваешь спрос ниже реального примерно в половину.

— Я перепроверю. Спасибо за то, что ты сделал, Тео. — Я сложила апельсиновые корки в аккуратную стопку.

— Я это не из простого добра сделал, Аня! Я хочу работать в твоём клубе. Нет, вру. Я хочу работать с тобой. Я продвину успех клуба, и раз ты хочешь его сохранить, то тебе нужен кто-то, поставляющий какао. А на кухне нужен контролер с глубоким пониманием какао. Я могу работать за двоих.

— О чем ты говоришь, Тео?

— Я говорю, что хочу быть твоим партнером. Хочу остаться в Нью-Йорке и стать директором по эксплуатации в «Темной комнате».

— Тео, тебя не хватятся на ферме?

— Мы еще об этом не говорили. Представь, что ты ничего обо мне не знаешь. Представь, что мы незнакомцы. Нет, они не захотят расставаться со мной. На поставках какао я срублю тонну баксов, а Луна возьмет на себя управление фермой, ведь я в прошлом году лечился. — Он уставился на меня. — Послушай, Аня, ты нужна мне. И не потому что я красавчик. Прошлой ночью я огляделся. Делакруа вкладывает деньги. Ведет диалог с прессой. Печется о законности. Ты делаешь то же самое и кое-что сверх. Я тебя не критикую, но ты молодая, и кто-то должен помочь с кухней и прочими аспектами питания. Я буду проверять, что мы готовим вкусно, безопасно и в отменном качестве. Прошлой ночью свершилась бы катастрофа, если б не я...

— Как обычно, скромно.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я хочу организовать работу клуба так, чтобы не было дефицита в поставках. Не важно, что произойдет — a plaga, el apocalipsis, la guerra — «Темная комната» будет готовить напитки.

* чума, апокалипсис, война (исп.)

— Что ты получишь с этого?

— Поставки какао и услуги в обмен на десять процентов дела. Плюс я жажду стать частью клуба. Хочу построить его вот этими руками. Здесь интересно. Мое сердце забилося как сумасшедшее! — он схватил мою пропитавшуюся апельсиновым соком ладонь и поднес к сердцу. — Чувствуешь, Аня? Как оно бьется. Прошлой ночью я не мог уснуть. Всю свою жизнь мне хотелось стать частью чего-то такого.

Его предложение не представлялось разумным. Траты на какао были в нашем учете самыми большими, а Тео со времени своего приезда был попросту незаменим. (Он приехал только вчера?) Несмотря на нерешительность, очень мало людей были мне настоящими друзьями, и Тео был в их числе.

— Я не хочу испортить нашу дружбу, если дело прогорит.

— Аня, мы похожи. Не будем загадывать, я понимаю, какой риск беру на себя, и не буду винить тебя. Кроме того, нашу дружбу не испортишь. Не могу я ненавидеть тебя, как если бы ты была моей сестрой. Я о Луне. А не Изабель. Изабель я ненавижу Ну, ты знаешь, какая она приставучая.

Он протянул свою огрубевшую фермерскую руку, и я пожала ее.

— Я заставлю мистера Делакруа оформить все бумаги.

Это только на пользу. Тео Маркес передал мне все свои знания о какао, да и «Темной комнаты» без него бы не было.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

IV

ОТ ДУРНОЙ РЕПУТАЦИИ К ИЗВЕСТНОСТИ; ВРАГИ СТАНОВЯТСЯ ДРУЗЬЯМИ

В ночь перед моим днем рождения мистером Кипплингом мне было строго наказано не ожидать успеха сразу – или когда-либо вообще.

— Бары – штука ненадежная, — сказал мистер Кипплинг. — А ночные клубы и того хуже. Знаешь, какова нерентабельность клубов в условиях нынешней экономики?

Чай Пинтер, помнится, говорила, что 99 процентов? Но эта цифра казалась завышенной.

— Не уверена.

— Именно это меня и беспокоит, Анни. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься. Между тем вероятность некупаемости 87 процентов. Большинство людей не так глупы, чтобы первым делом открывать клуб.

Тем не менее, мистер Кипплинг оказался неправ. По какой-то причине эта идея выгорела. С ночи открытия все столики были забиты, а очереди становились длиннее с каждой ночью. Люди, о которых я ни сном, ни духом вот уже много лет, связывались со мной, пытаюсь забронировать столик. Миссис Кобравик, бывшей начальнице Свободы, исполнилось пятьдесят, и она хотела отметить свой юбилей в «Темной комнате». Она хоть и была ужасной женщиной, но когда-то оказала мне медвежью услугу. Я оставила ей столик у окна и отправила порцию Теобромы на дом.

Окружного прокурора Берту Синклер необходимо было проводить через заднюю дверь во избежание прессы, которая обычно караулила у парадной. Берта не самый приятный мне человек, но иметь в друзьях влиятельных людей неплохо. Я усадила ее за самый уединенный столик. Мне поступали просьбы от ребят, с которыми ходила в школу, учителей (некоторые из них проголосовали за мое исключение), друзей отца и даже полицейских, проверявших меня на причастность к отравлению Гейбла Арсли в 2082-м. Я никому не отказала. Мой отец не преминул бы заметить: «Великодушие, Аня, всегда хорошая инвестиция».

Я бы написала биографию из-за того, кем являлся мой отец, но пока что начала только рассказ. Вместо прозвища «шоколадная принцесса» меня называли меня «душой клуба», «смоляноволосым импресарио» и даже «какао-вундеркиндом». Люди интересовались, что я ношу, кто мой парикмахер, с кем я встречаюсь. (К слову, я ни с кем не встречаюсь.) Иногда на улице люди узнавали меня, махали и называли по имени.

А Семья в это время хранила молчание. Я внутренне настроилась на продолжение пакостей навреде порчи поставок какао, но ничего не произошло.

В конце октября со мной связался Толстый. Он попросился зайти в клуб, посидеть, и я согласилась.

У Толстого был «хвост», и им оказалась Мышка, девчонка, делившая со мной двухъярусную кровать в «Свободе».

— Мышка! Как ты?

— Очень хорошо. Спасибо за рекомендации Толстому.

— Она стала совершенно незаменимой, — вставил Толстый. — Я доверяю Мышке во всем. Лучший найм в моей жизни, если по правде. У тебя хорошее чутье, Аня.

Он сел в мое любимое кресло. Норико принесла напитки. Я спросила, чем обязана их приходу.

— Ну, у меня поменялись взгляды, и мне захотелось прекратить вражду между нами. Очевидно, у тебя тут успех, а я из тех людей, кто может признать неправоту.

Я села в отцовское кресло. Необходимости выбрасывать испорченную поставку какао я не видела. Я знала, что это он подстроил, и он знал, что я знала. Однако лучше двигаться дальше.

— Спасибо, — произнесла я.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— С этого времени ты получаешь мою стопроцентную поддержку. Но тебе нужно кое-что знать.

— Что это?

— Баланчики, русские Баланчины, разъярились из-за тебя.

— С чего?

— В твоём бизнесе они видят угрозу. Если народ валит за какао к тебе, то он потеряет вкус к шоколаду с черного рынка. А ты, дочь Леонида Баланчина, лицо нового бизнеса, угрожаешь им все сильнее.

— Они давят на меня, чтобы навредить тебе, но я не буду. Один раз я послушался, ты понимаешь, о чем я.

Я кивнула.

— С тех пор я прилагал усилия, чтобы оберегать тебя. Я и Мышка. И я буду придерживаться этого пути до гроба или пока кто-то еще не возглавит местную Семью. Я хочу сказать, что горжусь тобой, ребенок. Мне жаль, что я медлил выйти к свету. Надеюсь, это не прозвучит самонадеянно, ты набралась у меня немного знаний, перед тем как открыть свой клуб. Ты со своими друзьями много времени провела в моем баре.

— Быть может. — Я положила сцепленные руки на стол. — Что тебя от меня нужно?

— Ничего, Аня. Я только хочу, чтобы ты знала о том, что случилось, и что у тебя больше нет причин бояться меня.

Он встал, а затем поцеловал меня в обе щеки.

— Ты поступила правильно, ребенок.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

V

Я НАСТУПАЮ НА ТЕ ЖЕ ГРАБЛИ; ЭКСПЕРИМЕНТ С УСТАРЕЛЫМИ ФОРМАМИ ИКТ

Общепризнанная истина: жизнь – как зебра, за белой полосой всегда следует черная.

Я совещалась с Люси и Тео, когда мой телефон зазвонил. Он у меня сравнительно недавно, так как до совершеннолетия пользоваться мобильниками запрещалось – и я не привыкла выключать звук. Я взглянула на экран: школа Святой Троицы. На мгновение я даже подумала: что я натворила? Я обернулась к собеседникам.

— Извините. Это грубо, но звонят из школы моей сестры.

Я отошла к окну.

— Вам нужно забрать Нетти. Она отстранена от занятий, — произнес мистер Роуз, секретарь.

Я извинилась и выбежала на улицу в поисках такси. Пройдя по знакомому маршруту в директорский кабинет, я притормозила в дверях, чтобы рассмотреть сестру. На ней по-прежнему был фехтовальный костюм, но капелька крови на рукаве портила белоснежный цвет. Она сидела не особенно-то женственно. Ее ноги были расставлены широко и агрессивно, как бы создавая стену между нею и окружающими. Спина сгорблена, словно заносчивость много весила и тянула ее вниз. Щеку пересекала небрежная царапина. Глаза пылали гордостью и жестокостью. Думаю, вы догадываетесь, кого она мне напомнила.

Из кабинета вышла девушка с покрасневшим носом и запекшейся кровью. Ее мать положила руку на мое плечо.

— Твоя сестра животное.

Что произошло, я не знала, но не собиралась давать женщине оскорблять Нетти.

— Не смейте ее так называть. Похоже, они обе пострадали.

— Да все знают, какого вы сорта, — ответила мамаша.

Она удалилась. Я должна была позволить ей уйти, но в последнюю минуту обратилась к ней:

— О да, и какого же мы сорта?

— Отбросы общества.

Я собрала кисть в кулак, но вовремя опомнилась. Я ведь известная владелица клуба, взрослый человек и выше всяких насильственных действий. Я разжала кулак как распускающийся цветок лепестки. Пока я возвращалась в режим известной дамы, Нетти набросилась на женщину. Я едва удержала ее.

— Простой уйдите, — обратилась я к женщине. — Ну же.

— Прежде чем ты хоть слово скажешь – эта девица первая начала.

— Что случилось?

— Я в классе мистера Бири, и у него мы изучаем сухой закон.

Боже. Я как своими глазами увидела, что там было.

— А он тут как скажет: «Лучшие преступники это те, кто решает воспользоваться законом в своих интересах. Взять хотя бы сестру Нетти...» А я прокричала ему в лицо, что ты полная противоположность преступникам. А он отправил меня в кабинет директора.

И почему его еще не уволили?

— Нетти, ты не можешь драться с каждым, кто помянет мое имя.

Она закатила свои темно-зеленые глаза.

— Я знаю, Аня.

— Не понимаю. При чем тут эта девчонка?

— После Бири у меня обед, а после фехтование для новичков. На протяжении всего урока она отпускала шуточки, обзывая меня малолеткой, неспособной контролировать себя, а Пирса

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

любителем малолеток. Она его бывшая, поэтому у нее на меня зуб. А потом у нас был спарринг, она продолжала говорить гадости, и я сорвала с нее шлем и ударила в лицо. Она вцепилась в меня и вот, я с царапиной.

Секретарь высунул голову из кабинета.

— Баланчины. Вас хочет видеть директор.

Прежде я часто играла ведущую роль во встречах с директором. Нетти отстранили на неделю. Не будь ее оценки такими впечатляющими, вероятно, все обошлось бы гораздо хуже.

Я подбросила Нетти домой.

— Мне надо на работу. Поговорим об этом позже. Никуда не уходи. Поняла?

— Все равно.

— Я на твоей стороне, Нетти, как-никак, мы родня. Помнишь мой первый день в старшей школе?

— Ты вывалила целый поднос с лазаньей на башку Гейбла Арсли. — Он слегка рассмеялся. — Он это заслужил.

— Он-то заслужил, но делать мне этого не стоило. Я должна была подойти со своей обидой к бабушке, мистеру Кипплингу или его родителям. Пожалуйста, Нетти, посмотри на меня. Борьбой или насилием ничего не добьешься.

— Твои нотации мне нужны как мертвому припарка. — Нетти вздохнула. — Почему нам это нравится? Почему мы теряем контроль?

— Потому что отвратительные вещи происходят с нами, пока мы молоды. Но будь проще, Нетти, клянусь богом. Тебе будет легче, чем мне, ты ведь намного умнее меня. Я уж молчу о том, что твои волосы от природы прямые.

— Какое они имеют отношение?

— Ты хоть представляешь, сколько прилагается усилий по выпрямлению волос? Я в постоянной борьбе с кудряшками. Диву даюсь, как никого не поубивала. — Я расцеловала ее в щеки. — Все, что ни делается, все к лучшему, вот увидишь.

— Я устала, Аня. Думаю немного вздремнуть, если все в норме. — Я не была так уж уверена, что этот разговор так много для нее значит, но надеялась, что в будущем он поможет ей.

Когда ночью я вернулась домой (или правильно сказать «утром» — где-то около трех), Нетти не было. Она оставила сообщение на моей электродоске, которую, как она знала, я с собой больше не беру.

С ПИРСОМ.

Это шло вразрез с комендантским часом и моими инструкциями.

Я прохаживалась по фойе и пыталась решить, что делать. Телефона у Нетти не было — она же несовершеннолетняя, а если я позвоню в полицию, она попадет в неприятности. Я осмотрела ее комнату в поисках номера Пирса. В тумбочке оказались презервативы — так моя сестра, еще ребенок, занималась с ним сексом? Отчасти, знать мне этого не хотелось. Наконец, номер Пирса обнаружился в ящике ее стола.

Его голос звучал сонно.

— Пирс.

— Здравствуй, Пирс. Моя сестра с тобой?

— Да, она здесь. Сейчас позову ее к телефону.

— Что? — сказала Нетти.

— Издеваешься? Где ты? Как думаешь, сколько сейчас времени? — Я даже не пыталась говорить спокойно.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Расслабься, Аня. Я с Пирсом...

— Разумеется.

— Я заснула здесь. Не страшно. Ничего не случилось. Утром буду дома.

— Нет, ты издеваешься? Тебе четырнадцать! Ты не можешь ночевать со своим парнем.

Она отключилась. Я пришла в гостиную и бросила телефон на диван, не заметив, что на нем лежат.

— Ау! — взвыл Тео. — Что произошло?

— Не твое дело. — Вдаваться я не стала. — Когда ты съедешь в свой угол?

— Когда мой босс даст мне время.

— Почему ты здесь? Сегодня нет свиданий? — Тео был популярен в Нью-Йорке, мягко говоря. Не знаю, как он выкраивал время, но каждую ночь у него была новая девушка.

— Нет, я сегодня спящая красавица. — Тео протянул мне телефон.

— Счастливчик.

Я даже не пыталась уснуть. Какое-то время я глазела на потолок, надеясь, что трещины в штукатурке дадут мне представление о том, как быть. Я так же размышляла в шестнадцать лет, с того года, когда все пошло прахом. Что та Аня хотела сделать?

Я выждала до пяти и позвонила мистеру Киплингу.

— Нужна новая школа для Нетти. Строгая, но с хорошими преподавателями. Подальше отсюда.

Мистер Киплинг управился быстро. Несколько часов позже он сообщил, что отыскал в Бостоне школу при монастыре, готовую принять ее в середине семестра.

— Ты хорошо подумала, Аня? Это важное решение, не стоит спешить.

Я собрала чемодан Нетти и как раз его закрывала, когда она вошла. Не спуская с меня глаз, она спросила:

— Что такое?

— Слушай, мы обе знаем, я не была тебе хорошим опекуном. Я слишком занята клубом, чтобы приглядывать за тобой...

— За мной не нужно приглядывать!

— Нужно, Нетти. Ты ребенок, и я боюсь, что если не вмешаюсь прямо сейчас, твоя жизнь будет разрушена. Взгляни на Скарлет.

— Пирс не похож на Гейбла Арсли!

— Я вижу, как ты совершаешь ошибки, потому что он рядом. Я вижу, как ты становишься на скользкую дорожку. — Я перевела дыхание. — Я уже говорила, что не хочу, чтобы все закончилось как у Скарлет, а еще, — это было трудно признать — как я.

Сестра взглянула на меня с мольбой.

— Анни! Анни, не говори так! Посмотри на свой клуб.

— У меня не было выбора. Меня выгнали из школы. Со стороны, наверное, кажется, что моя жизнь обустроена, но я хочу для тебя больше возможностей, чем их было у меня. Я не хочу обременять тебя работой в клубе. Не хочу обременять тебя всем, что связано с шоколадом или нашей испорченной Семьей. Я искренне верю, что тебе уготовано лучшее.

Нетти вытерла глаза рукавом.

— Ты вынуждаешь меня плакать.

— Мне жаль. Мистер Киплинг выбрал эту школу из-за хорошей научной программы, которая там много лучше Троицы. — Я попыталась сделать голос оживленным. — Разве не здорово, что никто не будет там о тебе знать? Там не будет предубеждений.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Прекрати вешать лапшу на уши, Аня. Наверное, тебе хочется выдергать мне волосы. Или хочется скинуть меня, чтобы я была обузой для кого-то еще.

— Это не правда! Ты хоть понимаешь, как я без тебя буду одинока? Ты моя сестра, и во всей этой паршивой антиутопии сильнее тебя я никого не люблю. Но я боюсь, Нетти. Боюсь, что все порчу. Не знаю, как правильно поступить. Я едва понимаю, как ради себя самой поступить. Хочу, чтобы папа был жив. Или мама. Или бабушка. Мне ведь только восемнадцать и я понятия не имею, как с тобой разговаривать. Знаю одно: хочу, чтобы кое-кто уехал из города из-за тяжелого периода в Троице. Чтобы она уехала подальше от мистера Бири и людей, подобных ему, а также нашим родственникам.

Она сопротивлялась мне по дороге на станцию Пенн и у кассы (к развлечению молодежной спортивной команды – я видела сумку с мячами, но вид определить не смогла) и продолжала сопротивляться в зоне ожидания под знаком платформы. Попрошайка пихнул мою сестру и сказал: — Дай ты ей уже передышку. — Мы были примерно одинаковой комплекции, кстати, но бомжу пришло в голову, что я нуждаюсь в защите от четырнадцатилетней верещалки.

— Я сбегу, — сказала Нетти. — Независимо от того, что ты говоришь, я не сяду в этот поезд. — Она скрестила руки на груди и выпятила губу. Она выглядела той, кем является – подростком, обозленным на весь мир и каждого в нем. Я же подозревала, что выгляжу как ребенок, на спектакле притворяющийся взрослым.

— Не поедешь, если согласишься на то, о чем мы разговаривали дома. Ты справишься?

Громкоговоритель объявил о прибытии поезда на Бостон. Она плакала и всхлипывала. Я предложила ей платок. Нетти высморкалась и выпрямилась.

— Как ты заставишь меня сесть в поезд? — спросила она спокойно. — Ты физически не сможешь. Я выше тебя, может, даже сильнее.

Кондуктор уже был наверху. Львенок осознал серьезность служителя зоопарка.

— Не могу, Нетти. Могу только сказать, что люблю тебя, и думаю, что это к лучшему.

— Ну а я думаю, это ужасно. — Мы уставились друг на друга. Ни я, ни она не моргали. Секунду спустя она развернулась на каблуках и зашагала по лестнице, ведущей к поезду.

— До свиданья, Нетти! — окликнула я ее. — Я люблю тебя! Звони мне, если что-нибудь нужно.

Она не ответила и даже головы не повернула.

Через неделю она позвонила мне, рыдая.

— Пожалуйста, Аня. Пожалуйста, позволь мне вернуться домой.

— Что случилось?

— Я здесь больше не могу. Куча правил, пусть я и новенькая. Если ты заберешь меня домой, я стану послушной, клянусь. Признаю, я вела себя ужасно. Не следовало мне оставаться у Пирса. Не следовало грубить тебе и мистеру Бири.

Я – кремень.

— Протяни еще пару недель.

— Не могу, Аня! Я умру. Я правда умру.

— Они плохо с тобой обходятся? Если это так, ты должна мне сказать.

Она не отвечала.

— Это из-за Пирса? Ты скучаешь по нему?

— Нет! Это... ты ничего не знаешь. Ты не знаешь ничего!

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Потерпи до Дня благодарения. Приедешь и увидишься с Лео.

Она бросила трубку.

Мне хотелось ее повидать. Хотелось, чтобы школа была не так далеко или чтобы работы в клубе стало меньше. Иметь знакомых в Бостоне.

Мне не хотелось с ним говорить, но я это сделала. Не хотелось ни о чем его просить.

У меня и номера-то его не было.

Я достала из ящика электродоску. Ими пользовались только по учебе, но в отличие от меня, Вин продолжал учиться. Хотя мы особо не обменивались сообщениями (никто моего возраста; смс-ились когда-то наши деды, а может и прадеды), в этот момент я прибегла к этой допотопной технологии. Казалось, так общаться гораздо вежливее и проще, чем говорить вживую.

анечкабб: Ты тут? Пользуешься этим?

Где-то час он не отвечал.

вин-вин: Нечасто. Чего ты хочешь?

анечкабб: В колледже?

вин-вин: Да.

анечкабб: В Бостоне, правильно? Ну и как, нравится?

вин-вин: Да и да. И в ближайшее время мне нужно добраться до аудитории.

анечкабб: Ты мне ничего не должен, но я нуждаюсь в услуге. Нетти в новой бостонской школе, и мне бы хотелось, чтобы ты навестил ее. Во время последнего звонка у нее был расстроенный голос. Знаю, это слишком, просить тебя...

вин-вин: Ок, ради Нетти.* Ок, где это?

анечкабб: Святое сердце на Коммонвэлс.

(*ради Нетти – читать как не ради меня)

На следующий день он снова отписался.

вин-вин: Посетил в обед Н. Она определенно в порядке. Понравилась классу и другим девочкам. Может, и тоскует немного по дому, но она привыкнет. Я позволил ей стащить мою шляпу.

анечкабб: Спасибо. Огромное.

вин-вин: Без проблем. Мне надо идти.

анечкабб: Если приедешь на День благодарения, заходи в клуб. Можем наверстать. С меня напитки.

вин-вин: Я не приеду. Посещу семью моей девушки в Вермонте.*

анечкабб: Звучит здорово. Ни разу не была в Вермонте. Круто. Я счастлива это слышать.**

вин-вин: Папа говорит, ты преуспеваешь. Поздравляю, Анни. Ты получила все, чего хотела***.

анечкабб: Да. Ну, спасибо. За то, что навестил Нетти. Хорошо провести День благодарения, раз уж не увидимся. Полагаю, меня не будет.

вин-вин: Береги себя.

(* Вермонт? Вот дела. Хотя, может и нет. Мы расстались около пяти с половиной месяцев. Ну не монах же он, в самом деле?)

(** Вероятно, этим я поставила точку. Хорошо, что он не мог слышать мой голос или видеть лицо, когда я выразила радость)

(*** Хватит это повторять, не все)

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

VI

Я ВЫСКАЗЫВАЮ КРАТЧАЙШИЙ В МИРЕ ПАНЕГИРИК; ЗАКАТЫВАЮ ВЕЧЕРИНКУ; ПРАВИЛЬНО ЦЕЛЮЮСЬ

За два дня до Рождества мне позвонила Кейша, жена мистера Кипплинга.

— Аня, — сказала она со слезами в голосе, — мистер Кипплинг умер. — Ему было пятьдесят четыре. После моего первого года в старшей школе он получил инфаркт. Два года спустя второй приступ погубил его. В кругу моих близких уровень смертности всегда был высоким, но в этом году особенно. В январе я потеряла Имоджен, Микки в сентябре, и вот, мистера Кипплинга. Почти в каждом сезоне года.

Возможно, именно поэтому я не заплакала, когда Кейша сообщила мне эту новость.

— Мне искренне жаль.

— Я звоню спросить у тебя, можешь ли ты произнести несколько слов на похоронах?

— Это не самая сильная моя сторона. — Мне неудобно проявлять эмоции на публике.

— Для него это бы так много значило. Он невероятно гордился тобой и клубом. Собирал каждую статью о тебе.

Я была удивлена слышать это. Последние девять месяцев его жизни мы с мистером Кипплингом боролись, открывать клуб или нет, которым он был невероятно горд. (На то были другие причины.) Тем не менее, со смерти моего отца в 2075-м, до моего совершеннолетия мистер Кипплинг курировал каждое мое финансовое решение и некоторые личные. Не уверена, насколько временами его советы были хороши, но он делал все возможное, и ни разу не махнул на меня рукой, даже если казалось, что весь мир ополчился на меня. Я знала, что он меня любил. И я тоже его любила.

Норико; Лео, наконец-то вернувшийся из тюрьмы; и Нетти, приехавшая из Святого Сердца, сопровождали меня в собор святого Патрика. Я выступала третьей — после Саймона Грина и мужчины по имени Джо Бёрнс, партнера мистера Кипплинга по сквошу, но перед его дочерью, Грейс, и его братом, Питером. Когда подошел мой черед, подмышки и ладони стали мокрыми. Несмотря на зиму, я пожалела о решении надеть черное вязаное платье.

С доской в руках я вышла на подиум.

— Здравствуйте, — начала я. — Я набросала заметок. — Мне показалось, что включается доска целую вечность. Я посмотрела свои наброски:

1. М-р К. = лучший друг отца. Пошутить о сложностях друзей босса мафиози?
2. М-р К., рассказать смешную историю о его лысине?
3. М-р К. может не самый лучший юрист, но верный. Историю об этом?
4. М-р К. чтит обязательства.

Вот что я припасла. Написала это, придя домой поздней ночью. На тот момент они показались уместными, но сейчас, стоя в соборе, я решила, что они не подходят. И выключила доску. Надо говорить от сердца, чего я обычно избегала.

— Я не знаю, о чем говорить. Он был... — в моей голове пронеслись идиотские замечания: лысым? лучшим другом отца? заурядным адвокатом? — хорошим человеком. — Ноги затряслись, дыхание стало громким. — Спасибо.

Идя по проходу, смотреть Кейше Кипплинг в глаза я не осмелилась. Я села на свое место, и Нетти накрыла своей ладонью мою.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

После похорон к нам подошел Саймон Грин, которого я старалась избегать. Нетти обняла его.

— Он был как отец тебе, — сказала она с сочувствием. — Твое сердце, должно быть, безутешно.

— Да. Спасибо, Нетти. — Саймон снял очки и протер их рубашкой. — Аня, — он кивнул головой в сторону. — У тебя найдется минутка поговорить со мной?

Я бы предпочла, чтобы ее не было, но разве у меня есть выбор?

— Трудно начать, — сказал Саймон на улице.

Я скрестила руки. Тон его мне не понравился.

— Мистер Киплинг оставил контору мне, но, к сожалению, число клиентов сильно снизилось. Не знаю, сколько смогу держать ее на плаву. Ты можешь отказаться, но я бы попросил тебя подобрать мне работу в «Темной комнате».

— Там уже есть юрист. — Мне не нужен был Саймон под боком.

— Знаю. Просто отметил, что бизнес разросся. Может, если он еще укрупнится, тебе понадобится еще один юрист. А такой человек как Чарльз Делакруа не засидится в ночном клубе.

— Бесполезно строить догадки о его планах.

— Ладно, Анни. Я понимаю, ты расстроена. Но ты не можешь осуждать человека за просьбу.

Я знаю, что жестка с ним.

— Послушай, Саймон, ничего личного, просто бизнес.

— Конечно, Анни. Я понимаю. — Он сделал паузу. — Я смотрю, Лео вернулся из тюрьмы.

Это не замечание вскользь, а напоминание о долге, связанное с обстоятельствами возвращения моего брата из Японии на прошлую Пасху, намек его вернуть. Если бы Саймон говорил без обиняков, я бы уважала его больше.

— Если моя ситуация изменится, я тебе сообщу.

Вот так я дожила до конца 2084 года. Было заманчиво застопориться на черной полосе (смерти, потеря Вина, распри с сестрой, и т.д. и т.п.), но впервые я решила этого не делать. Доля трагедии сделала мои триумфы так или иначе слаще. Мой бизнес процветал, я урегулировала отношения с Толстым и Семей; впервые в жизни была на правой стороне закона; у меня было более чем достаточно денег; я стала крестной; и я стала более опытной в хождении на каблуках.

И возможно это объясняет, почему ваша бросающая вызов удовольствия героиня решила вести себя не так, как обычно: в канун Нового года я устроила вечеринку в «Темной комнате».

Я повесила объявление, которое гласило: «ЗАКРЫТО ИЗ-ЗА ПРОВЕДЕНИЯ ЧАСТНОГО МЕРОПРИЯТИЯ». Потом открыла двери клуба пошире и включила музыку погромче.

В ту ночь Лео первый раз побывал в клубе.

— Что думаешь? — спросила его я.

Он схватил мою голову руками и поцеловал меня в лоб, щеки и макушку.

— Я, честно говоря, не могу поверить, что моя маленькая сестренка сделала это сама!

— Мне помогали, — сказала я. — Норико. И Тео. И мистер Делакруа.

— Ты самая замечательная сестра. Эй, Анни, а я могу тоже прийти сюда работать?

— Конечно, — отвечаю я. — Чем бы ты хотел заняться?

— Не знаю. Я хочу быть полезным.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я придумаю что-нибудь. Возможно, объединю его в команду с дотошной Норико. Я все еще думала об этом, когда Нетти схватила меня за руку.

— Вин здесь! Я попросила его прийти. Мы должны пойти поздороваться.

— Что? Кто здесь? — Я не была уверена, что правильно расслышала ее из-за громкой музыки.

— Когда мы ехали сюда в поезде из Бостона, я сказала ему, что он должен увидеть твой клуб, потому что он удивительный. Я мотивировала его тем, что клуб — основная причина, по которой вы расстались, и он не прекратит прения по этому поводу, если не придет.

— Нетти, тебе действительно не стоило этого делать, — сказала я.

— Честно говоря, я не думала, что он придет, но вот он здесь.

Я пробежалась пальцами по волосам. Он не видел меня с тех пор, как я их подрезала.

Нетти повела меня к столику возле окна. Вин действительно был там вместе со своей матерью, мистером Делакруа и девушкой примерно моего возраста. Я и без объяснений догадалась, что это та самая девушка из Вермонта. Она была худой-прехудой и высокой-превысокой, со светлыми волосами до талии. Мистер Делакруа и Вин стояли. Я любезно улыбнулась (надеясь, что так оно и было) всему столу и заговорила голосом самой гостеприимной хозяйки:

— Мистер Делакруа, миссис Делакруа, так приятно снова видеть вас. Вин, какой сюрприз. А ты, должно быть, девушка Вина? — Я протянула руку скандинавке, чтобы пожать ее.

— Астрид, — представилась она.

— Аня. Рада познакомиться с тобой.

— Это место такое очаровательное, — сказала она. — Мне очень нравится. — Ее рука покоилась на его бедре. Он убрал несколько длинных белокурых прядей с ее лица.

— Очаровательное — не то слово, — согласилась миссис Делакруа. В последний раз я разговаривала с ней, когда она пребывала в замешательстве насчет клуба и роли ее мужа в этом, но она, похоже, заключила мир с нами обоими. — Вы проделали замечательную работу. Ты и Чарли. — Она посмотрела на мужа. Выражение лица мистера Делакруа было загадочным. Я не знала его достаточно хорошо, чтобы расшифровать. Он даже не поприветствовал меня, неотрывно глядя в сторону окна, как если бы вечеринка проходила на улице.

— Спасибо, — сказала я. — Мы гордимся им.

— Здорово, — сказал Вин без особого энтузиазма. — Я рад, что мне довелось увидеть его.

— Он сделал паузу. — Ты изменила прическу.

— Да. — Я положила ладонь за затылок.

— Ну, она подходит этому клубу, по крайней мере, — сказал Вин.

— Наслаждайтесь, — сказала я столу. — И счастливого Нового Года!

Я пошла к бару.

— Извини насчет этого, — сказала Нетти. — Так неловко. Я не знала, что его подруга приедет в город.

— Все в порядке. Я счастлива, что он увидел клуб, да и знала уже, что у него есть девушка.

Нетти хотела что-то сказать, но затем покачала головой. Она заказала нам две Теобромы.

— Хотя я была удивлена, увидев здесь миссис Делакруа. Вин говорил, что его родители разводятся.

— О, я не слышала об этом. — Мистер Делакруа был довольно скрытен и не рассказывал о своей личной жизни.

— Да. Вин не так уж и расстроен. Он говорит, что это происходит уже долгое время. Я думаю, это было решение его матери.

— Ты с Вином много общаешься?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Ну, так. Мне он всегда нравился, как ты знаешь, — сказала она. — Встреча с ним в Бостоне ослабила тоску по дому. — Она отпила из стакана. — Спасибо тебе, кстати, что послала его ко мне.

— Нетти, я не знаю, в состоянии ли ты даже ответить на этот вопрос. Но как ты думаешь, Вин сейчас понял? Он понял, почему я должна была это сделать?

— Я думаю так, — медленно ответила она. — Он, очевидно, двигается дальше, и кажется менее ожесточенным. — Она опустила подбородок на руки. — Я думала, ты будешь с ним вечно.

— Ну, это потому что ты была маленьким ребенком, когда мы с ним встретились, — сказала я. — Я много думала об этом. Правда в том, что иногда слишком многое может произойти в отношениях, и тогда никто не сможет ничего сделать или сказать. Они разрушаются.

— Ты не предполагаешь, что это может когда-нибудь произойти с нами? — спросила Нетти.

— Конечно нет, дуреха. Ты можешь вечно быть ужасной, но я все равно буду любить тебя. В новой школе все хорошо?

Она сделала большой глоток, а затем рассмеялась.

— Я ненавижу это говорить, но ты была права. Ситуация с Пирсом становилась слишком серьезной. Как только я уехала, то смогла понять, что он стал казаться гораздо менее важным.

— Забавно, — сказал я. — Может, если бы кто-то отослал меня в школу, произошло бы то же самое с Вином.

Нетти покачала головой.

— Все же, скорее всего, нет. Вин, он, вроде как, замечательный, а Пирс — просто какой-то глупый парень.

Я посмеялась над Нетти.

— Ты не получишь Вина, — сказала я. — Он слишком стар для тебя. Плюс, он встречается со скандинавкой.

— Она похожа на настоящую викингшу. В любом случае, Вин мне ни к чему. Я бы никогда не стала встречаться с парнем, который разбил сердце моей сестры.

Он не разбивал его. Теперь я это понимаю. Если быть честной, я сделала это сама. (Примечание: кому вообще нужно сердце?) Ей было важно знать это, поэтому я произнесла вслух:

— А он и не разбивал. Никто не может разбить твое сердце, кроме тебя самого.

— Может быть, она больше смахивает на исландскую принцессу, — предположила Нетти. Тео присоединился к нам в баре.

— Кто смахивает на исландскую принцессу? — поинтересовался он.

Нетти указала на столик Делакруа.

— Прекрати, — сказала я. — Мы же не хотим, чтобы они поняли, что мы говорим о них. Нетти помахала.

— Все в порядке. Они нас не слышат. Привет, исландская принцесса!

— Очень красивая девушка, — отметил Тео, — но вы обе неправы. Она похожа на русалку.

— Нет свиданий? — спросила его я.

Он кивнул.

— Что? Ты уже поматросил каждую девушку в Нью-Йорке? Тео — такая шлюха, — проинформировала я Нетти.

— Si* (исп. «Да»). Тебе придется открыть филиал в другом городе, чтобы я нашел новых девушек для свидания.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

- Эх, займусь этим прямо сейчас.
- Может в Канаде. Я хочу увидеть Канаду перед тем, как умру.
- Или в Париже! — сказала Нетти с диким восторгом.
- К сожалению, там шоколад легален. Какой в этом смысл?

Я отлучилась, чтобы переговорить с ди-джем. Она играла слишком много медленных, романтических песен. Все же это вечеринка, и мне хотелось танцевальной музыки. На обратном пути я столкнулась с Вином, который был сам по себе.

Не похоже, что он жаждал поговорить со мной, но это было неважно. Я до сих пор не поблагодарила его лично за то, что он навестил Нетти.

— Эй, незнакомец, — сказала я.

— Эй. — Он едва взглянул на меня. Вместо этого он посмотрел на стол, где по-прежнему сидели его родители и скандинавка.

— Я хотела бы поблагодарить тебя лично за визит к Нетти.

— Ничего страшного, — сказал он. — Ее школа не так далеко от колледжа.

— Это кое-что да значит, — настаиваю я. — У нас с тобой точно бы не кончилось по-хорошему, так что я ценю, что ты делаешь.

— Помогать тебе — моя вредная привычка. Мне нужно вернуться.

— Подожди. — Я старалась придумать повод, чтобы продлить наш разговор. — Вин, как тебе колледж?

— Хорошо.

Односложно, но я все равно продолжаю.

— Астрид очень красивая. Я рада, что ты встретил ее. Надеюсь, что мы останемся друзьями.

Тишина.

— Мне не нужен такой друг, как ты, — сказал он, наконец. Гораздо более зло, чем во время нашего расставания. — Мне не следовало приходить сюда сегодня.

— Почему ты до сих пор так злишься на меня? Я не злюсь на тебя.

Я услышала его глубокий вдох.

— А что насчет развода моих родителей?

— Это же не из-за меня, Вин. Твои родители были несчастливы в течение многих лет. Ты же сам мне так говорил.

— Их отношения улучшились после того, как он проиграл выборы. Но все пошло наперекосяк после того как случилась ты и твоя большая идея.

— Ты не серьезно.

— Мне жаль, что я встретил тебя, Аня. Мне жаль, что я преследовал тебя, что не оставил тебя в покое, когда ты просила. Я жалею, что пришлось переехать из Олбани. Ты не стояла той пули. Ты не стояла того, чтобы ждать. Ты не стояла всех этих проблем. Ты — худшее, что случилось со мной. Ты была ураганом в моей жизни, уносившим меня не в лучшую сторону! — Он почти кричал на меня, но, возможно, это было из-за громкой музыки. Ди-джей удовлетворил мою просьбу играть танцевальную музыку, и бас был в буквальном смысле оглушительным. — Не сказать, что я не был предупрежден. Мой отец только и говорил мне — я не знаю, — примерно один миллион раз, чтобы я держался от тебя подальше. Так что нет, я не хочу дружить с тобой. Самым лучшим в нашем расставании было то, что мы не должны быть друзьями.

А потом он ушел. Бежать за ним и настаивать на том, чтобы он принял мою дружбу, когда он явно думал, что она ничего не стоила, было жалко. Несмотря на свои чувства, я не могла покинуть вечеринку, которую устроила. Я не могла пойти домой, лечь в постель, укрыться одеялом с головой и плакать. Я натянула улыбку и пошла обратно в бар к друзьям.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Ди-джей объявила о том, что осталось две минуты до 2085 года.

Лео и Норико подошли к нашей группе. Нетти болтала с ними о том, должна ли у них быть теперь еще одна свадьба, настоящая, когда Лео вышел из тюрьмы.

За тридцать секунд до наступления Нового Года Тео взял меня за руку и посмотрел на меня пылающими и слегка опьяненными глазами.

— Бабушка говорит, что это плохая примета, не целоваться на Новый Год.

— Ты такой лжец, — сказала я. — Уверена, твоя бабушка не говорит ничего подобного.

— Это правда, — сказал Тео. — Она переживает, что в Нью-Йорке у меня нехватка поцелуев.

Я закатила глаза.

— Значит, ты не рассказываешь ей обо всем.

— 12... 11... 10...

Он взял мою руку и развернул мой табурет к нему.

— Жизнь коротка, Аня. Ты действительно хочешь умереть, зная, что у тебя был шанс поцеловать сексуального латиноса, но ты его упустила?

— Какого сексуального латиноса ты имеешь в виду?

— 9... 8... 7...

Он положил руку на мое колено.

— Хоть раз в жизни, детка, ты должна поцеловать человека, который знает, как правильно это делать.

— 6... 5... 4...

Тео посмотрел на меня взглядом пылающего Иисуса, и католическая школьница во мне скрестила ноги.

— 3... 2...

Я бы солгала, сказав, что это мне не приходило в голову, когда на другом конце зала бывший парень был занят поцелуем с Викингомрусалкойисландскойпринцессой.

— И 1! Счастливого Нового Года! С 2085-м!

— Все в порядке, Тео, — сказала я. — Поскольку это новый год, покажи мне, что подразумеваешь под словом «правильно».

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

VII

У МЕНЯ ВОЗНИКАЕТ ИДЕЯ; ВСТУПАЮ В ДЕЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО НЕПОНЯТНЫМ ПРИЧИНАМ

В первый день нового года я проснулась еще до рассвета. Меня озарила идея, и как только это случилось, мысли перестали давать мне покоя.

Мы с Тео уснули на диване. Я выскользнула из его рук и вышла, чтобы позвонить мистеру Делакруа.

— Аня, ты хоть представляешь, сколько сейчас времени?

— Около шести утра?

— Сейчас 5:13.

— Вы никогда не спите, поэтому я подумала, что это приемлемо.

— В первый день нового года я могу немного поспать. По крайней мере, я бы предпочел этот вариант.

— Мы можем сегодня встретиться? Я хочу обсудить с вами бизнес-идею.

— Конечно. Увидимся в десять часов утра.

— Вы уже, так или иначе, проснулись, — сказала я. — Давайте в семь?

— Из тебя вышел знатный командир с тех пор, как ты стала успешной, — прокомментировал он.

— Тео тоже придет, — я повесила трубку.

Я вернулась в гостиную и стала трясти Тео, будя его. — С Новым годом, mamacita* (прим.пер. исп. «Красотка»), — произнес он сонно. Он собрал губы для поцелуя, но не открыл глаза.

— На это нет времени. У нас намечается встреча.

Мы встретились втроем в «Темной Комнате», где творился беспорядок из-за ночной гулянки.

— Ты смотришь ужасающе осмысленным взглядом, — сказал мне мистер Делакруа. — Я видел этот взгляд прежде, и он, как правило, сулит неприятности.

— Так о чем пойдет речь, Аня? — спросил Тео.

— Ну, я поразмышляла над тем, где будет размещаться франшиза.

— Снова сбегашь из Бруклина? — поинтересовался мистер Делакруа. — Мы некоторое время назад уже обсуждали возможность второй «Темной Комнаты».

— Нет. Но вчера вечером мой брат сказал мне, что ему бы хотелось работать в клубе, а за день до этого, на похоронах мистера Киплинга, Саймон Грин выступил с аналогичной просьбой. — Я посмотрела на мистера Делакруа. — Вообще-то он хотел вашу должность.

— Тогда ему следовало бы иметь ее, — сказал мистер Делакруа. — Время беспощадно. А босс требователен.

— Иногда, — продолжила я, — Толстый тоже спрашивает меня о рабочих местах для парней из Семьи. Дела на черном рынке шоколада последние пару месяцев идут из рук вон плохо.

— Кто может сказать, почему? — спросил мистер Делакруа. — Это не твоя забота.

— Может, и нет, но я думаю об этом. И потом, прошлой ночью, я разговаривала с тобой, — я указала на Тео, — и с моей сестрой, мы шутили о «Темных Комнатах» в Канаде и Париже — в основном, в тех местах, которые хотят посетить Тео и Нетти. Мы от души посмеялись. Но сегодня утром я подумала, а почему бы и нет? Зачем открывать еще одно место, когда мы можем открыть десять?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— О, дорогая, — сказал мистер Делакруа.

— Мы можем сделать это, мистер Делакруа? Мы можем позволить себе франшизы?

— Ты как будто выпрашиваешь у меня щенка.

— Я не спрашиваю вашего разрешения, — холодно отозвалась я.

— Я этого и не думаю. Но ей Богу, я не хочу представлять твое лицо, когда на Рождество ты не получаешь желаемого.

— Я никогда не получала то, чего хотела, мистер Делакруа. Я привыкла к разочарованию.

— А что насчет того года, когда я подарил тебе мачете? — спросил Тео.

— За исключением этого, — сказала я. — Так вот что я хочу знать, мистер Делакруа, это есть ли у нас возможность наскрести достаточно денег.

— Да, но дело тут не только в деньгах. Дело в организации — особенностях региональной власти и законов, региональной нехватки определенных ресурсов и расходных материалов, в частности вкусы и привычки местных жителей, и многое другое, — сказал мистер Делакруа. — Что бы ты ни делала, ты определенно не должна выходить за рубеж. Только внутри страны. И технически ты не должна говорить о «франчайзинге». Мы говорим о филиалах.

Филиал звучит менее гламурно.

— Вот, что я хочу спросить тебя, Тео: мы можем применять то же меню во всех наших заведениях, а также, хватит ли нам поставок какао?

— Если ты хочешь, чтобы Гранья поставляла его, нам понадобится больше земли, хотя я могу разузнать про других поставщиков, — сказал Тео. — Что касается меню? Да, оно усовершенствовано, и я полагаю, что его можно предоставлять в других заведениях.

— Аня, — сказал мистер Делакруа. — Это смелый проект, и как таковой, я его одобряю. Но ты должна знать, что это чрезвычайно рискованно... слишком.

Я пожала плечами.

— Я не планировала останавливаться на достигнутом. Однажды вы сказали мне, что единственный реальный способ изменить этот мир — стать гигантом.

— Разве?

— Ага.

— Похоже на спесь.

Тео сказал, что нам надо выпить. Он отправился за напитками, оставив нас с мистером Делакруа одних за столом.

— Мы можем сделать это, — сказал мистер Делакруа. — И я помогу тебе. Но почему бы не посидеть сложа руки и не расслабиться на некоторое время?

— И в чем тогда веселье? — сказала я.

— Я не знаю. Некоторым девушкам нравятся хобби, бойфренды и развлечения подобного характера.

— Мистер Делакруа, вы должны понимать. Я чувствую ответственность перед Семей и близкими. Более того, я верю в то, что мы сделали здесь. Я хочу, чтобы мой бизнес стал достаточно большим, чтобы привлечь как можно больше народу. Разве это не было бы великим достижением?

— Великим. Да, конечно, это было бы прекрасно. — Он рассмеялся. — Ты иногда похожа на меня. Молодая, — ну, это очевидно, — более самонадеянная, миловидная версия меня.

Я заметила темные круги под глазами, но вряд ли они появились только из-за одной ночи потерянного сна. Хотя этот жест мне не нравился, но я накрыла своей рукой его руку.

— Я знаю, что мы обычно не обсуждаем такие вопросы, но мне было очень жаль услышать о вашем разводе, — сказала я.

В его глазах мелькнул гнев. Он отдернул руку.

— Теперь мое грязное белье вытащили на публику? — спросил он.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я сожалею. Вин сказал Нетти. А она мне.

— Честно говоря, Аня, я бы предпочел не... — сказал он.

— Чудесно, — сказала я. — Вы имеете право давать мне советы. Вам разрешено высказывать свое мнение обо всем происходящем в моей жизни, но мы не можем говорить о том, что связано с вами.

Он не отвечал.

— Это смешно, мистер Делакруа. Вы — мой друг.

— Ты уверена в этом? Я согласен на коллегу. У меня их много. Но на друга? Ты не можешь быть моим другом, потому что у меня нет друзей.

— Да! Это не обычная дружба, но это она. И не делайте вид, что это не так. Я сирота, одна на свете, и я очень хорошо знаю, кто мои друзья. Так что, да, мы друзья, мистер Делакруа, и я, как ваша подруга, имею право посочувствовать вам, когда ясно вижу, что мой друг расстроен.

Он встал.

— Если это все, я пойду. Начну искать инвесторов.

На обратном пути Тео прошел мимо мистера Делакруа.

— До свидания, Делакруа, — сказал Тео, но мистер Делакруа ничего не ответил. — Куда это он собрался?

— Искать инвесторов.

— Прямо сейчас? В первый день нового года?

Я пожала плечами.

Тео поставил напитки на стол.

— Тогда мы приступим? — Тео чокнулся со мной бокалом, а потом наклонился через стол, чтобы поцеловать меня.

— Э-э-э-эй, Тео, — сказала я, отстраняясь.

— Что?

— Прошедшая ночь осталось прошедшей ночью, а утро — это утро.

Тео отпил.

— Как тебе угодно, — сказал он. — Давай поедим. Клуб еще несколько часов не откроется, а я до смерти устал от макарон и гороха.

Ресто-клуб «Торо» располагался на первом этаже апартаментов в жилом комплексе в Вашингтон Хайтс. Джентльмен со смуглой кожей и с иссиня-черными выющимися усами высунулся в окно и крикнул:

— Тео, мужик! Рад тебя видеть!

— Дали, я привел Аню с собой! — проорал Тео с улицы.

— Холодно там, — сказал Дали. — Заходите вовнутрь.

Дали, встретив Тео, расцеловал его в обе щеки.

— Аня, — сказал Дали, — я поклонник твоего клуба, но Тео не говорил, что ты такая красавица.

На новый год в ресто-клубе подавали завтрак, поздний завтрак, а может, поздний ужин для тех, кто еще не добрался до дома с предшествующих гулянок. Запах, исходящий из кухни, был знаком. Потребовалось всего мгновение, чтобы определить его.

— Тео, как ты выяснил, где достать моле на Манхэттене? — спросила я.

— В моле есть какао, а Гранья поставляет его, — сказал Тео. — Кроме того, я очень популярен в этом городе.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

В ресторане было всего три столика, два из которых уже заняли. На столах были синие-белые скатерти и церковные свечи в подсвечниках из синего стекла. Засохшая роза с склоненным цветком стояла в вазе у камина.

Моле, возможно, и близко не лежало с подаваемым в Гранья-Манане, но оно было похоже. Вкусный и пряный аромат. Глаза заслезались.

— Аня, — сказал Тео, — ты плачешь. Ничего себе проголодалась.

— Это из-за жары. Я буду в порядке. — Я обмахнулась рукой. — Люблю жару.

Я съела еще три тарелки, не понимая, насколько проголодалась. Тео смеялся над моими рассуждениями о том, идти или нет за четвертой тарелкой.

— Больше не могу, — сказала я наконец. Я отодвинула тарелку подальше и постаралась не оторвать. Мне было так тепло и радостно, что я едва знала, что с собой делать.

Мы не смогли взять такси, так что пошли длинной дорогой обратно в клуб. Это заняло несколько часов, но мы были молоды и сильны, да и свободное время у нас было в запасе.

— Это не самая безопасная прогулка, — предупредила я его. — Но сейчас день, у меня при себе мачете.

Когда мы добрались до самой южной части Центрального парка, пошел снег. Мне было немного холодно, поэтому, когда Тео положил руку на мое плечо, я позволила ему это.

— Тео, — сказал я виновато, — разве не лучше оставаться друзьями?

— Кто сказал, что мы не останемся друзьями, поцеловавшись сейчас в парке и далее снова и снова?

Я наклонилась, чтобы поцеловать его, но затем остановилась.

— Ты должен знать: я не люблю тебя.

— Какое это имеет значение? Я тоже не люблю тебя. Давай улыбнемся друг другу. Ты нравишься мне. Я нравлюсь тебе. Никто не скажет А-М-О-Р* (* исп. «Любовь») или что-нибудь estúpido** (** исп. «Глупое»). Мы оба хорошо выглядим и одинокими. Так почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет?

Мое дыхание, наверное, отдавало вонючей стряпней, но какое это имело значение? Тео не поклонялся мне. Он не думал, что я принцесса. То есть, он знал, что мое дыхание не всегда на вкус как мятная жевательная резинка и корица. Я наклонилась и крепко поцеловала его. Здорово иметь возможность целоваться с кем-то привлекательным, потому что это утешающее и приятно.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

VIII

У МЕНЯ ПОЯВИЛИСЬ ДВА НОВЫХ СОСЕДА

После родов Скарлет я виделась с ней всего несколько раз. Хотя она и присутствовала на открытии моего клуба, но рано ушла, еще до того, как началось все веселье. Она пропустила мою вечеринку по случаю Нового года, потому что провела праздник с родителями Гейбла. Пытаясь быть хорошей крестной мамой, я сходила с ней и Феликсом на Всенощную службу. Но на этом все. Школа не сближала нас, как раньше, да и жила она гораздо дальше – в 62-х кварталах отсюда.

Через несколько дней после Пасхи она сидела на диване в моей гостиной с Феликсом на руках. Была такой же красивой, что и всегда, хотя выглядела более худой, чем до рождения ребенка. Между её бровями пролегла небольшая морщинка.

— Гейбл ушел, — сказала она. — Его родители обвиняют меня. Я не могу там больше оставаться.

— Куда он ушел? — спросила я.

— Я не знаю. Мы постоянно ссорились. Он ненавидел работу в больнице. Его родители давили на нас по поводу женитьбы, но мы не хотели этого делать. А сейчас его нет.

— Скарлет, мне так жаль. — Мне было жаль Феликса даже больше, чем Скарлет. Обидно из-за сложившейся ситуации, но я не была удивлена. За достаточный период времени Гейбл Арсли оправдал свою фамилию.

— Можно мы останемся здесь на какое-то время? Я не хочу жить со своими родителями, и не могу оставаться у родителей Гейбла, пока его мать меня так ненавидит.

— Конечно, вы можете здесь остаться. — Хотя, честно говоря, в моей квартире уже и так проживало много людей: Норико, Лео и Нетти, которая редко появлялась дома. — Ты можешь жить в комнате Нетти, пока ее нет.

— Еще мне нужно найти работу. Я ходила на несколько кастингов. Меня практически брали на роль пару раз.

— Скарлет! Это же прекрасно.

— Но с уходом Гейбла я не могу больше выжидать. Нужно найти способ зарабатывать деньги. — У нее поменялось выражение лица. — Мне неудобно просить, но ты не могла бы дать мне работу в клубе? Администратор, официантка, что угодно. Я знаю, что больше ничего не умею. Будь у меня работа с чаевыми и гибким графиком, я бы еще могла ходить на кастинги.

Я присела рядом со Скарлет. Мне все еще было неловко находиться рядом с Феликсом, но он все равно забрался мне на колени.

— Хорошо, — сказала Скарлет. — Садись к крестной маме. Ты уже слишком тяжелый для меня, Феликс.

— Привет, Феликс, — сказала я.

Он ответил:

— Привет.

— Он уже разговаривает, — сказала я. — Привет.

Он помахал ручкой и засмеялся.

— В клубе определенно нужна еще одна официантка, но ты не будешь чувствовать себя странно? Мне хотелось бы предложить тебе что-то получше.

— В этом городе не так уж много вакансий, я не гордая – не могу себе этого позволить.

— Кто будет присматривать за Феликсом, пока ты работаешь? Меня часто не бывает дома.

— Нет, я не смею просить тебя о таком. Мой отец посидит с ним. Он всегда пытается помочь. Это мать всегда мной недовольна, поэтому я не могу там жить.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я съезжу с тобой в квартиру Гейбла, чтобы забрать ваши вещи, если хочешь.

Она засмеялась.

— Я не хочу казаться неблагодарной. Я знаю, что уже о многом тебя просила. Но ты... могла бы ты съездить одна? Я не хочу брать с собой Феликса к родителям Гейбла. Все так расстроены. Я не хочу, чтобы он все это видел.

В этот момент в гостиную вошел Тео.

— Я присмотрю за ребенком, — сказал он. — И вы обе сможете поехать. — Он, должно быть, подслушивал.

Он подошел к дивану и поднял Феликса с моих колен.

— Видишь. Дети обожают меня. — Феликс трогал усы Тео, которые он отрастил за те месяцы, как переехал в Нью-Йорк.

Он протянул Скарлет руку.

— Мы не встречались. Я Тео.

— Скарлет, — представилась она. — А это Феликс.

— О, та самая лучшая подружка. Я парень Ани.

Скарлет посмотрела на меня.

— Что? С каких пор у тебя есть парень?

— Он не мой парень, — ответила я.

— У меня не идеальный английский, — сказал Тео. — Я просто имею в виду, что я парень и ее друг.

— Я не понимаю, — сказала Скарлет. — Он твой парень или нет?

Я вздохнула.

— Кому нужны эти ярлыки? Нам нужно идти, если ты хочешь это сделать сегодня. — Я повернулась к Тео. — К тому же, Скарлет будет твоей новой официанткой.

— Подожди. Что? — сказал Тео. — Ты неплохо выглядишь, но у тебя вообще есть опыт?

— Я быстро учусь, — с улыбкой ответила она.

Скарлет открыла дверь квартиры родителей Гейбла. — Может их не будет дома, — сказала она.

Мы вошли. Там никого не оказалось. Скарлет сказала мне упаковать вещи в спальне, пока она занималась детской. Я положила ее одежду в чемодан, а косметику и украшения — в коробку. Я почти закончила, когда услышала, как открылась дверь квартиры.

— Скарлет? — позвал женский голос. Я узнала голос матери Гейбла.

— Я в детской, — ответила Скарлет.

Я оставила чемодан и коробку у двери и осталась ждать у двери в детскую. Я чужая беду и хотела быть поближе.

— Ты не можешь забрать нашего внука, — кричала мама Гейбла.

— Я не забираю его. Я бы никогда так не поступила. Но мы не можем здесь больше жить. Это никому не пойдет на пользу. И в этом нет смысла, так как Гейбл ушел.

— Гейбл вернется, — сказала его мать. — Он расстроен.

— Нет, — отрезала Скарлет. — Он не вернется. Он мне сам это сказал, и я ему верю.

— Он хороший парень, — настаивала его мать. — Он не бросил бы мать своего ребенка.

— Он уже это сделал, — сказала Скарлет. — Целый месяц прошел.

Я была слегка шокирована тем, что Скарлет ждала целый месяц перед тем, как сообщить мне об уходе Гейбла.

— Что ж, ты не можешь забрать моего внука, — повторила мать Гейбла. — Я тебе не позволю. Я позвоню в полицию.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я зашла в детскую.

— Вообще-то, у нее есть полное право забрать вашего внука.

— Что она здесь делает?— Мать Гейбла уж точно не была моей фанаткой.

— Скарлет его мать, а город не признает права бабушек и дедушек, — заметила я.

— Почему я должна тебе верить? — спросила мать Гейбла. — Ты не юрист. Ты просто дрянная девчонка, которая владеет клубом.

— Вам следует мне верить, потому что у дрянных девчонок вроде меня трудная жизнь.— Я приблизилась вплотную к свиноподобному лицу матери Гейбла. — Я бегала по семейным судам и судам для несовершеннолетних с самого детства, и знаю все, что касается прав опеки.

— Это ты во всем виновата, — заорала на меня мать Гейбла. — Если бы ты его не отравила...

— Я его не травила. Он съел просроченный шоколад. И ваш сын был ужасным парнем, поэтому не удивительно, что он ужасный отец и жених. Пойдем, Скарлет. Мы уходим.— Мать Гейбла загородила проход, поэтому я отпихнула ее в сторону.

Мы очень долго не могли поймать такси и почти столько же потратили времени, чтобы впихнуть вещи Скарлет в багажник машины и на задние сидения. Ехали мы молча. — Спасибо, — сказала она, когда машина проезжала мимо парка. — Я очень ценю, что ты поехала со мной.

— Я рада, что ты позвонила, хотя поверить не могу, что ты ждала целый месяц, чтобы рассказать об уходе Гейбла.

— Честно говоря, я злилась на тебя.

— Почему?

— Конечно, в этом не только твоя вина, но мы редко виделись, и я прочла о твоём клубе в газете, и о том, как хорошо шли дела. Мне было слегка обидно. Я всегда пыталась быть хорошим человеком и другом, и смотри, как сложилась моя жизнь.

— Ты так не считаешь.

— Обычно я так не считаю, лишь иногда. А затем я злилась, потому что чувствовала, будто ты оставила меня в прошлом. Мне казалось, будто у тебя отличные друзья и тебе не хотелось, чтобы я была рядом.

— Скарлет, я была занята, вот и все. Я знаю, что тебе сложно строить планы с ребенком. Если понадобится, я буду рядом.

Скарлет вздохнула.

— Я знаю, но именно поэтому с тобой трудно дружить. Иногда хотелось бы чувствовать себя нужной. Ты вообще скучала по мне? Мы разговаривали раза три за последний год.

Я обняла ее.

— Скарлет, прости, что я не... Прости, что я не проявляю свои эмоции в открытую.

— Определенно нет. Однажды я даже пообещала себе, что не буду тебе звонить, пока ты этого не сделаешь. Знаешь, как долго это продолжалось?

Я не хотела узнать.

— Четыре месяца.

— Прости. Я плохая подруга.

— Неправда. Ты лучшая подруга. Ты моя лучшая подруга. Но у тебя есть свои недостатки.

— Я знаю.

— Не обижайся. На самом деле, я хотела сказать, что была глупой раньше. Может мы и не видимся так часто, как раньше, но я бы не хотела видеть рядом никого другого сегодня. Разве это не смешно? Ты можешь потерять мужчину... Одному Богу известно, мы упустили парочку. Но даже если бы я и хотела, я знаю, что никогда тебя не потеряю.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

IX

Я РАСШИРЯЮСЬ; МЕНЯЮ МНЕНИЕ О БРАТЕ; СЛУШАЮ ТЕО, ТОЛКУЮЩЕГО О ТРУДНОСТЯХ ДОЛГОСРОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ С... КАКАО

Первые шесть месяцев 2085-го мистер Делакура ублажал новых инвесторов, а мы с Тео путешествовали по США в поисках идеальных мест для «Темной Комнаты». Когда мы были в отъезде, нью-йоркским клубом управляли Норико и Лео. Хотя я ездила за границу, в Америке, кроме Манхэттена и семидесяти пяти квадратных миль вокруг, я нигде не бывала, и мне было интересно посмотреть, как живут люди в других местах. В частности, из-за ошибок молодости у меня сложилось впечатление, что все жили так, как это делала я: проживали в квартирах, ездили на автобусах и торговали на рынке в субботу.

На самом деле все было не так. В штате Иллинойс все еще были продуктовые магазины. В Калифорнии фрукты и цветы росли везде. (Моя бабушка была бы в восторге.) В Техасе все воняло костром. В Пенсильвании мы с Тео посетили город-призрак с девизом «Самое сладкое место на земле». В Херши, в штате Пенсильвания, когда-то была шоколадная фабрика и шоколадный тематический парк развлечений. Я бы в это не поверила, если бы не увидела собственными глазами древнюю, очеловеченную статую в баре молочного шоколада. У него были глаза, как у неваляшки, маниакальный смех, а одет он был в белые перчатки и атласные туфли. Я думаю, что он был предназначен для того, чтобы обращаться к детям, но мне он показался довольно страшным. Однако, шоколадный парк аттракционов! Читатель, ты можешь себе представить?

В июле мы с мистером Делакура заработали достаточно денег для расширения клуба в пяти точках страны: в Сан-Франциско, Сиэтле, Бруклине, Чикаго и Филадельфии.

— Поздравляю, Аня, — сказал мистер Делакура после того, как были заключены договора. — Ты официально открываешь сеть, которая скоро будет в пяти точках нашей великой страны. Это все, на что ты надеялась? Действительно ли ты современная женщина?

— Что-то в этом роде, — сказала я. — Хотя я желаю, чтобы точек было десять.

— Я предполагал, что ты так скажешь. Мне вот интересно, что заставляет Аню Баланчину продолжать с таким усердием? — спросил он.

— Все обыденно, — беспечно сказала я. — Пытаюсь стряхнуть этот огромный груз с плеч, вызванный смертью родителей. Чувствую нехватку любви. Желаю доказать неправоту всех, кто пытался остановить меня или кто вставал у меня на пути. А именно: учителям, бойфрендам, Семье, копам, окружным прокурорам. Так многим людям надо сказать спасибо.

— Окружным прокурорам, — повторил он. — Постарайся быть немного счастливее, сможешь? Постарайся насладиться этим моментом.

— Это не в моем характере, коллега, — заметила я с улыбкой.

Ночью, после последнего закрытого заказа, Норико и Лео устроили небольшой званый обед, чтобы отпраздновать расширение бизнеса. Я не знаю, было ли это его недолгое пребывание в психиатрической тюрьме или влияние Норико, но Лео стал другим человеком, с тех пор как вышел на свободу. Для начала у него вдруг появились способности: он знал, как открыть бутылку вина, как поджарить рыбу, как повесить шторы, как закрепить раковину. Он подружился с другими людьми, которые жили в нашем доме, — возможно, я асоциальна, кроме ворчливого приветствия, я никогда даже не разговаривала ни с одним из наших соседей за восемнадцать с половиной лет проживания там. Лео казался мне более способным (способнее меня в некоторых аспектах) и меньше ребенком, который нуждался в моей помощи и присмотре. Когда он был расстроен, что случалось редко, Норико клала руку ему на спину, и

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

через мгновение, он снова становился спокоен. (Нетти шутила, что Норико была серым кардиналом Лео.) Между нами с братом всегда существовал конфликт, но впервые в жизни я чувствовала, что могу оценить его как личность.

Еще одно: Норико и Лео понравилось обустраивать дом. Я, вернувшись, обнаружила, что они покрасили стены в темно-фиолетовый цвет и поменяли обивку старого дивана на серую шерсть. Наша квартира впервые со смерти родителей стала домом.

На вечеринке в числе гостей были Люси, Скарлет, Феликс, Тео, мистер Делакруа и новая подружка мистера Делакруа – Пенелопа, обладавшая таким пронзительным голосом, что любое ее слово раздражало. У Пенелопы была своя очень успешная фирма по связям с общественностью, как она рассказывала мне не менее десяти раз за эту ночь. Она была совсем как мать Вина – красивая темноволосая фермерша.

Все думали, что Тео и я были парой, но я никогда не называла его своим парнем. Помимо того раза со Скарлет, он не считал себя таковым. Мне нравилась его компания, нравилось его дразнить, нравилось, что от него пахло корицей. Он мне нравился, и я нравилась себе, когда была с ним. По своей природе я всегда была сдержана, а Тео был моей противоположностью. Людям, казалось, нравилась я больше, когда они знакомились с нами обоими; его тепло и хорошее настроение поддерживали меня. Однако, мне не нужно, чтобы он принадлежал мне; я даже не ожидала от него, что он перестанет встречаться с другими (я знала, что это имело место быть). Мое сердце не разбивалось, когда мы разделялись, хотя я всегда была рада его видеть, когда мы воссоединялись.

Однако, я понимала, почему люди могли прийти к выводу, что Тео был моим парнем. Мы были вместе на работе, и мы даже – бабушка пришла бы в ужас – жили вместе. Я не подразумеваю, что жили мы в грехе, мне не нравится эта мысль. Но, в общем, Тео приехал в Нью-Йорк посреди чрезвычайной ситуации, и съезжать он не планировал.

(Примечание: оглядываясь назад, могу сказать, что мне следовало заставить его.)

После званого обеда я сказала Норико и Лео ложиться спать, а уборкой займусь я сама. Норико ушла, но Лео остался, чтобы помочь мне.

— Анни, — сказал Лео, когда мы вытирали посуду, — что подумаешь, если мы с Норико отправимся в Сан-Франциско открывать новый клуб?

— Тебе плохо в Нью-Йорке?

— Конечно, нет, Анни. Я люблю этот город. Нью-Йорк мой дом. Но мне очень хочется сделать это.

— Почему? — я аккуратно повесила кухонное полотенце на спинку стула.

— Я хочу оставить свой след, какой есть у тебя в Нью-Йорке. Я могу сделать это в Сан-Франциско, если ты позволишь. Я знаю, что наделал громадных ошибок в прошлом, и что ты должна была исправлять их за меня. Но теперь я умнее, Анни. Такого больше не будет.

— А как Норико? — спросила я. — Что она думает по поводу этого плана?

— Она взволнована, Анни. Она такая умная, у нее столько классных идей. Она заставляет меня тоже чувствовать себя умнее. — Мне стыдно в этом признаться, но я действительно беспокоилась из-за того, что однажды, когда английский Норико усовершенствуется, она потеряет интерес и, возможно, даже бросит брата.

Я посмотрела на Лео. Его лицо, которое я так хорошо знала, было лицом маленького мальчика и взрослого мужчины одновременно. Я знала, как тяжело ему было каждый раз просить меня о чем-нибудь.

— Если я соглашусь, то мне придется относиться к тебе, как и к любому другому работнику. Если это не работает, я уволю и тебя и Норико, обоих.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я знаю, Анни! Я бы не стал ожидать особого отношения. Но ничего не случится.

— Хорошо, — сказала я, — Я думаю, проблема только в том, как сильно я буду скучать по тебе. — Мне нравилось возвращаться и встречать там его и Норико.

Лео крепко обнял меня.

— Спасибо, что доверяешь мне! Я не позволю тебе провалиться. Клянусь, не позволю. — Лео снова обнял меня. — Подожди, у меня есть одна мысль. Что, если мы возьмем с собой в Сан-Франциско Саймона Грина? Нам нужен адвокат, и я знаю, что Саймон может быть полезен в работе.

Лео был явно лучше меня. Честно говоря, это казалось не худшей идеей, которую я когда-либо слышала, и она разделит меня и Саймона Грина на расстояние шириной в континент. — На твое усмотрение, Лео, — сказала я. — Сан-Франциско — это ваше шоу, вы с Норико можете нанять кого хотите.

Все трое уехали примерно через неделю после моего девятнадцатого дня рождения. Я плакала в аэропорту, не зная почему. Я не знала, что буду это делать, но потом взгляд моего брата и его жены, которых я очень люблю, наполнил меня неожиданной эмоцией. Лео так сильно напоминал мне отца. Все, чем я пожертвовала, чтобы постараться держать его в безопасности, оказалось, стоило этого.

— Я буду в порядке, Анни, — сказал Лео.

— Я знаю.

— Ты никогда не прекратишь беспокоиться обо мне, не так ли?

Вот в чем дело, Лео. Я уже прекратила. Вот почему я плачу. От облегчения. Я действительно считаю, что ты будешь в порядке.

Когда Лео и Норико уехали, мы с Тео не могли отсутствовать в городе в одно то же время — мне пришлось следить за нью-йоркским клубом, который был штаб-квартирой бизнеса, а Тео был занят созданием меню в других точках. Следовательно, я видела Тео реже во втором полугодии 2085 года, чем в первом. Однажды октябрьской ночью он позвонил мне из гостиничного номера в Чикаго.

— Аня, я скучаю по тебе. Скажи, что ты тоже скучаешь по мне.

— Я скучаю по тебе, — сказала я зевая.

— По твоему голосу не скажешь, что хоть чуть-чуть скучаешь, — сказал он.

— Я очень устала, Тео. Конечно, я скучаю по тебе.

— Хорошо, тогда ты должна поехать со мной домой на Рождество.

— Я не знаю. Мы с Нетти всегда проводим праздники в Нью-Йорке.

— Она тоже поедет.

— Авиаперелет — это дорого.

— Ты богатая девушка. Мы в любом случае с тобой постоянно летаем по работе.

— Не все в твоей семье меня ненавидят за воровство их ненаглядного Тео?

— Нет. Они будут рады увидеть тебя. Ты не была в штате Чьяпас почти два года. Кроме того, моле, которое мы едим у Дали, хорошее, но оно не дотягивает до стандарта бабули.

— Ты неисправим.

— Вот так бывает, когда ты возвращаешь какао. Какао — это требовательное растение, как ты хорошо знаешь. Слишком много воды — начнет плесневеть. Мало воды — оно высохнет и погибнет. Нельзя его просто задушить любовью. Ему нужно иногда побыть одному, чтобы расти. Если ты создашь для него тепличные условия, урожай будет мал. Иногда ты все делаешь как надо, а его все равно что-то не устраивает. Ты напоминаешь себе не ранить его самолюбие — ибо именно такое оно. Но оно стоит усилий — я говорю тебе, Аня, стоит. Делай все правильно

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

и будешь вознагражден необычной сладостью, богатым вкусом, который ты не найдешь больше нигде. Выращивание какао сделало меня беспощадным, как ты говоришь, но также терпеливым и неторопливым. Все стоящее трудно любить. Но я отошел от темы. Поедешь со мной в Чьяпас на Рождество, а? Моя бабуля не становится моложе, и ты часто говорила, что хочешь показать Нетти мою ферму.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Х

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ В ЧЬЯПАС; РОЖДЕСТВО В ГРАНЬЯ-МАНАНЕ; ПРЕДЛОЖЕНИЕ, КАК ВТОРАЯ ХУДШАЯ ВЕЩЬ, КОГДА-ЛИБО ПРОИЗОШЕДШАЯ СО МНОЙ НА ПОЛЕ КАКАО

Год прошел быстро, безболезненно и без слез, крови, трагедии, ожидаемых мною от этой жизни. Худшее, что можно сказать об 2085 годе, так это то, что после работы я с ног валилась от усталости. (А ошибка встречаться с Тео – самое худшее, что я не желала признать касательно своих поступков в этом году.) В последнюю неделю декабря я оставила свой клуб в умелых руках моего персонала и вместе с Тео и Нетти на борту самолета отправилась в штат Чьяпас.

Первый раз я отправилась в Мексику усатым пассажиром под вымышленным именем на грузовом судне. Излишне говорить, что на этот раз путешествие было мягче. Долгие годы я мечтала съездить в Чьяпас с Нетти. Забавно было увидеть его ее глазами. Она отметила чистый воздух и лазурные небеса, цветы сюрреалистических форм и цветов, открытые, не запрещенные шоколадные магазины. Было приятно представлять ее семье Тео: его матери Лиз, сестре Луне, брату Кастильо, священнику и, конечно, его двум бабулям. (Другая сестра, Изабель, проводила праздники в Мехико.) Единственная печаль была в том, что старшая из двух бабуль, его прабабушка, не смогла покинуть свою комнату. Ей было девяносто семь лет, и они думали, что долго она не протянет.

Когда я приехала, Луна миновала брата, чтобы обнять меня

— Почему ты так долго не приезжала в гости? — спросила она. — Мы соскучились по тебе.

— Привет, Луна, — сказал Тео. — Кстати, твой обожаемый брат тоже здесь.

Луна проигнорировала его.

— А это, должно быть, Нетти? Умница, да?

— В большинстве своем, — ответила Нетти.

Луна заговорщически шепнула моей сестре:

— Я тоже самая умная в своей семье. Это страшное бремя, разве нет? — Луна повернулась к брату и ко мне. — Мило с вашей стороны явиться после большого урожая какао. Мне могла бы понадобиться ваша помощь неделю назад.

Мы с Нетти поставили багаж в нашу комнату, и тут мне передали, что прабабушка хочет увидеть меня. Я переоделась в платье и пошла в ее комнату, где рядом с ней уже находился Тео.

— Агх-агх, — произнесла она скрипучим голосом. Затем она сказала что-то по-испански, что я не смогла понять. Мой испанский ухудшился. Она пригрозила мне сморщенным пальцем, взглядом прося у Тео помощи.

— Она говорит, что счастлива видеть тебя, — перевел Тео. — Что ты выглядишь очень хорошо, не слишком толстая и не слишком худая. Ей грустно, что тебе потребовалось так много времени, чтобы вернуться на ферму. Она вновь передает, что сожалеет о том, что произошло по вине Софии Биттер. Она... Бабушка, я не буду этого говорить!

— Что? — спросила я.

Тео с прабабушкой обменялись парой фраз.

— Хорошо. Она говорит, что мы оба примерные католические дети, и ей не нравится, что мы живем во грехе. И Богу тоже это не нравится. — Щеки Тео горели, как красная, переспелая клубника.

— Скажи ей, что она неправильно понимает, — сказала я. — Что мы с тобой только друзья. Скажи ей, что у нас очень большая квартира.

Тео покачал головой и вышел из комнаты. Я взяла руку бабушки.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Он только мой друг. Мы не грешим. — Я понимала, что это не совсем правда, но ложь была бальзамом на душу, а также хотелось сделать приятное старушке, чтобы той полегчало.

Прабабушка покачала головой.

— El te ama* (исп. «Он любит тебя»), агх-агх. El te ama. — Она протянула руку к сердцу, а затем указала на дверь, куда только что вышел Тео.

Я поцеловала ее в морщинистую щеку и притворилась, что не поняла ничего из того, что она сказала.

Я была слишком обеспокоена, чтобы по-настоящему оценить последнее Рождество в Гранье. Тогда я находилась в бегах и рвалась к тем, кого любила. Но в это Рождество вместе с Нетти меня особо ничего не беспокоило, и я позволила себе выпить с семьей Тео.

Утром мы обменялись памятными подарками. Мы с Нетти привезли шелковые шарфы для женщин Маркес. Для Тео я купила новый кожаный чемодан, который отдала ему перед отъездом. Он часто путешествовал по делам «Темной Комнаты», и я подумала, что он ему будет полезен. Мне Тео подарил ножны для мачете с выжженным именем АНЯ БАРНУМ, моим старым псевдонимом.

— Смешно каждый раз видеть, как ты вытаскиваешь мачете из рюкзака, — сказал он.

На рождественский ужин было моле из индейки и торт «Три молока». Нетти столько съела, что уснула – сиеста была священной традицией в Гранье. Пока моя сестра дремала, Тео спросил, не хочу ли я прогуляться по плантации какао.

Последний раз, когда мы с Тео гуляли по этим полям, на нас напал убийца, пришедший по мою душу. (Как бы абсурдно это не звучало, такой инцидент имел место быть в моей жизни.) Тео был серьезно ранен, я отрубила чью-то руку. И два года спустя я помню ощущение прохождения лезвия через плоть и кости.

Все-таки у меня с плантацией были не только плохие ассоциации. Тут Тео научил меня всему, что я знаю о какао. Не приехав сюда, я никогда бы не открыла «Темную Комнату».

Я увидела какао-бобы с признаками гнили. По привычке вытащила мачете и срубила их.

— Ты не потеряла свою хватку, — отметил Тео.

— Думаю, нет. — Я вложила в ножны мой мачете.

— Я заточу его перед отъездом, — сказал Тео. Он переплел пальцы с моими, и дальше мы пошли молча. Близился закат, но я была рада находиться на улице и ощутить кожей последние лучи теплого мексиканского солнца.

— Ты рада, что приехала сюда? — спросил Тео.

— Ага. Спасибо, что осуществил это. Мне надо было выбраться из города.

— Я знаю, Аня, — сказал он. — Я знаю тебя лучше, чем ты себя.

Мы прошли немного дальше, постоянно останавливаясь и ухаживая за какао. Когда мы подошли к концу поля, Тео остановился.

— Нам следует повернуть обратно, — сказала я.

— Не могу. Я должен сказать. — Но тут он умолк.

— В чем дело, Тео? Давай уже. Мне холодно. — В декабре мексиканская погода резко меняется от комфортной до холодной. Он схватил меня за кожаный ремень, где были пристегнуты к талии мои новые ножны с мачете и расстегнул пряжку.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Он вынул мой мачете из ножен.

— Убери руки от моего мачете, — я шутливо шлепнула его по запястью.

— Протяни руку, — сказал он.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Он повернул ножны и маленькое колечко — серебряный ободочек с белым жемчугом — выпало из ножен на мою ладонь.

— Ты не достаточно хорошо посмотрела.

Меня как мешком ударили. Я искренне надеялась, что это не то, на что похоже.

— Тео, что это?

Он схватил меня за руку и заставил надеть колечко на руку.

— Я люблю тебя, Аня.

— Нет, ты не можешь! Ты считаешь меня уродиной. Мы постоянно ругаемся. Ты меня не любишь.

— Я дразню тебя, дразню. Ты знаешь, что это так. Я люблю тебя. Я никогда не встречал человека, которого люблю так же, как тебя.

Я начала пятиться от него.

— Я думаю, нам следует пожениться. Мы одинаковые, бабуля права. Неправильно проводить нашу жизнь вместе, как прошлый год, не женясь.

— Тео, мы не можем пожениться только потому, что оскорбили твою прабабушку.

— Это не единственная причина. И ты это знаешь. Я люблю тебя. Моя семья очень любит тебя. И никто, никогда не будет иметь больше общего с тобой, чем я.

— Но Тео, я не люблю тебя. Я никогда не утверждала этого.

— Какое это имеет значение? Ты лжешь себе о любви. Я знаю тебя, Аня. Ты боишься, что попадешь под ее влияние или тебе будет больно. Так ты убеждаешь себя, что ты не любишь. Ты боишься счастья, поэтому уничтожаешь и досаждаешь ему каждый раз, когда оно приходит. — Он взял меня за руку. — Разве мы не были счастливы последний год?

— Да, но...

— Есть кто-то, кого ты предпочтешь мне?

— Нет, Тео, нет никого.

— Конечно, нет. Так выходи за меня замуж, Аня. Отдайся счастью. — Он обнял меня.

— Тео, — сказала я, — Я не хочу выходить замуж за тебя. Я не хочу выходить замуж ни за кого. Посмотри на моих родителей. Посмотри на родителей Вина.

— Мы не будем им уподобляться. Я вижу тебя старушкой и себя старичком. Мы готовим и дразним друг друга весь день. И мы счастливы, Аня. Клянусь тебе, мы счастливы.

Он меня не слушал. Я не знала, как заставить его понять. Я чувствовала себя пойманной в ловушку, обманутой и одураченной им. Но и потерять маленького изменника мне не хотелось. Я взглянула на него. Да что со мной не так, почему этого красивого, забавного парня мне не было достаточно?

— Тео, давайте подождем.

— Ты имеешь в виду с помолвкой перед свадьбой?

— Я еще очень молода. Мне надо время подумать.

— Ты не молода, — сказал он. — Ты никогда не была молодой. Ты родилась старой и познала собственный ум давно, с тех пор как я знаю тебя.

— Тео, даже если бы я действительно любила тебя, я не верю, что любовь — это достаточная причина, чтобы пожениться.

Тео рассмеялся.

— Тогда что достаточная причина? Скажи мне.

Я пыталась придумать одну.

— Я не знаю. — Кольцо жало, палец заныл. Когда я сняла его, оно выскользнуло из моих рук и упало где-то в посадки в грязь. Я упала на колени и, разыскивая его, разгребла почву.

— Тео, прости меня. Кажется, я потеряла твое кольцо!

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Успокойся, — сказал он. — Я его вижу. — У него было острое зрение после стольких лет выращивания какао. Спустя секунду он отыскал кольцо.

— Не трудно найти жемчужину в грязи, — сказал он.

Он попытался вернуть его, но я не приняла его на этот раз. Я держала кулаки сжатыми.

— Тео, пожалуйста, — сказала я. — Я умоляю тебя. Спроси меня в другой раз.

— Признай, что любишь меня. Я знаю, ты любишь меня.

— Тео, я не люблю тебя.

— Тогда, что мы делали весь прошедший год?

— Я не знаю, — сказала я. — Это была ужасная ошибка. Ты мне очень нравишься. Мне нравится тебя целовать, но я не могу быть более благодарной тебе. И я знаю, что я не люблю тебя.

— Как ты можешь знать?

— Потому что я... я была влюблена. И не чувствую к тебе подобного.

— Ты имеешь в виду Вина? Почему тогда ты все еще не с ним, если так сильно любишь?

— Я хотела бы чего-то другого, Тео. Некоторым девушкам достаточно любви, но недостаточно для меня.

— Ты бросила Вина, а мальчик клялся тебе в любви, потому что, как ты говоришь, любовь — это не достаточная причина. У тебя есть дружба, работа, а также развлечения со мной, но этого же тебе не хватает. Любви ты не хочешь. Тогда чего? Тебе не приходило в голову, что ничто и никогда не удовлетворит тебя?

— Тео, мне всего девятнадцать. Я не знаю, чего я хочу.

Тео опустил кольцо на ладонь и мгновение созерцал его.

— Может, нам расстаться? Ты этого хочешь?

— Нет. Я говорю... я говорю, что я не могу выйти за тебя прямо сейчас. Вот и все. — Он слаб и эгоистичен, но мне не хотелось его потерять. — Давай забудем, что это вообще случилось. Давай вернемся в Нью-Йорк и к прежним отношениям.

Тео долго смотрел на меня, а затем кивнул и положил кольцо в карман.

— Однажды, Аня, ты будешь старой, такой же старой, как твоя бабушка и как моя бабуля. Ты будешь больна и тебе нужно будет положиться на кого-то кроме себя. Тогда-то ты почувствуешь сожаление о том, что послала подальше всех, кто пытался любить тебя. — Он протянул мне руку и помог подняться с земли. Я отряхнула платье от грязи, однако влажную почву так просто не отчистить.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XI

Я ПРАКТИЧЕСКИ ИДУ ПО СТОПАМ ОТЦА

Когда мне было двенадцать, я обсуждала со Скарлет, что произойдет, если мальчик (возможно, принц) предложит мне брак, и своим отказом я поставлю себя в неловкое положение.

— Он, наверное, исчезнет на следующий день, — сказала Скарлет. В любом случае, обсуждение подало мне ложную идею, что ничто не в силах передать мощь силу магического исчезновения. Разве это не лучший вариант? Да как мальчик мог подумывать остаться после того, как он предложил тебе свое сердце, а ты сказала: «Благодарю, но я бы предпочла другое». Если честно, я бы предпочла не иметь сердца вообще.

Когда мы вернулись в Нью-Йорк, я ожидала что такой гордец как Тео уедет или даже покинет страну. Конечно, это было бы непрактично — он жил в моей квартире, мы вместе вели бизнес. Отнюдь, мы стали жить так, как будто ничего не изменилось. Это было ужасно. Он не припоминал о предложении, хотя я чувствовала, что оно висит в воздухе над нами, как дождевая туча в августе. Быть может, он был терпелив. Быть может, он считал, что я передумаю. Меня так подмывало сказать ему: «Пожалуйста, друг мой, иди и будь свободным. Я освобождаю тебя. Я так много тебе задолжала и приношу одно лишь горе. Ты заслуживаешь большей любви, чем я могу тебе дать». Но я, наверное, была слишком трусливой.

Иногда его насмешки казались менее игривыми и более обидными, чем раньше. Однажды, когда мы спорили о минимальном объеме какао, требовавшемся в напиток, он сказал мне, что мое «уродливое сердце под стать волосам». В такие моменты я чувствовала, что мы были на грани последнего спора, который приведет нас к заключительному акту.

К марту первый клуб из новой волны «Темных комнат» был готов к открытию. Он располагался в Вильямсбурге, в Бруклине, и мы довольно легко нашли для него место, раз у нас имелись деньги — законы и многие пути снабжения были теми же, что и для клуба на Манхэттене, и поездки в метро на поезде, который ходил раз в час, не напрягали. Новый клуб располагался в здании, где когда-то был русский православный собор. Хотя мой кузен Толстый содержал бар в церкви в течение многих лет, это было мое первое «святое» место.

Возможно, мне стоило уделить больше внимания духовным вопросам, но я не стала — вера это не мое, и как я уже говорила, я так или иначе за мою жизнь разочаровалась в религиозной организации. Здание с желтыми кирпичными стенами и медными куполами в русском стиле имело благоприятное расположение — оно находилось в центре, в живописном месте. По правде говоря, меня волновало скорее то, что здание русское, а не то, что оно являлось собором, потому что я до сих пор не желала ассоциировать клуб с русской мафиозной семьей. Но «Темная Комната» была настолько популярна в Манхэттене, и я решила, что потенциальная ассоциация не будет большим ударом. Плюс, цена была хорошая.

Я оделась на открытие нового клуба, когда мой сотовый телефон зазвонил. Это был Джонс.

— Мисс Баланчина, обнаружено тело у дверей клуба на Манхэттене. Полицию уже вызвали, но я думаю, вам тоже придется приехать.

Полиция работала медленно в эти дни, поэтому я не удивилась, обнаружив, что к моему приезду о теле не позаботились. Плотный мужчина лежал на ступенях лицом вниз. Я не видела никаких явных травм на теле. Даже со спины он показался мне знакомым. Я знала, что не

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

следует трогать тело на месте преступления, но ничего не могла с собой поделаться. Я нагнулась и приподняла большую луковообразную голову, которая напомнила мне купола Бруклинского клуба. Голова была все еще неестественно теплой в моих руках.

Это был мой двоюродный брат Толстый, глава Семьи.

Я уже не была ревностной католичкой, но перекрестилась.

Я поручила Джонсу накрыть Толстого, а затем обнести место бархатными канатами, направляя клиентов в обход тела моего кузена. Ожидая прибытия полиции, я вошла внутрь, чтобы позвонить Мышке, которой за относительно короткое время удалось стать второй после Толстого.

— Мышь, Толстый мертв.

Мышка, как и я, плаксой не была. Несколько минут она молчала. Таков был ее способ справляться с трудностями.

— Ты все еще здесь?

— Да, я думаю, — сказала она, спокойная как танк. — Должно быть, это были Баланчики. Посмотри на время. Они знали, что ты открываешь вторую «Темную Комнату». Должно быть, они решили сделать заявление, убив Толстого. Это только теория, но Толстый боролся с ними несколько месяцев. Он пытался защитить твой бизнес.

— Почему он не пришел ко мне?

— Он хотел держать тебя подальше от этого всего, Анни, — сказала она. — Теперь будет борьба, которая даст понять, кто возглавит Семью, когда Толстый мертв. Мне вот интересно...

— Да?

— Может, это будешь ты? В Семье тебя очень сильно уважают.

— Я не могу этого сделать, Мышь. У меня есть работа и я не заинтересована в управлении Семьей.

— Нет, ты не будешь. Почему ты звонишь мне?

— Я знаю, вы с Толстым были близки, — сказала я. — Ты в порядке?

— Я всегда в порядке, — ответила она.

До восьми вечера полиция не приезжала за телом Толстого, то есть целых три часа после того, как Джонс сообщил мне о смерти. Они запаковали Толстого в черный мешок, и сказали мне, что расследование закончено.

— Вы собираетесь искать свидетелей? — спросила я одного из полицейских. — Может быть зададите мне пару вопросов?

— Вы будете учить меня, как делать мою работу, мисс? — заявил сотрудник полиции. — Смотрите, Толстый Медовуха из бандитской верхушки. Здесь нет никакого преступления. Это только вопрос времени, когда он закончит с тремя пулевыми отверстиями в груди. У нас есть реальные происшествия, а сил на их расследования где-то около сорока процентов от необходимого.

Я чувствовала злость. Я знала, что такие же мнения высказывались, когда умер мой отец. Мой двоюродный брат не виноват, что был рожден Баланчиным, также как и я.

— Он мой кузен, — сказала я. — Люди заботились об этом человеке.

— Ах, так вы знали покойного, не так ли? Может быть, вы хотите, что мы провели расследования на ваш счет? — предложил сотрудник полиции. — Жертва, как правило, находится недалеко от преступника.

— У меня есть друзья, и вы знаете это. Берта Синклер приходит в мой клуб каждую неделю.

Полицейский рассмеялся.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Вы думаете, она не в курсе, что ваш брат убит? Она единственная велела нам отвезти тело в морг, и будем считать, что этот вопрос закрыт.

Я опоздала на четыре часа на открытие клуба в Бруклине. Когда я, наконец, прибыла, вечеринка заканчивалась. Казалось, что это была хорошая вечеринка, но я в любом случае была не в том настроении.

— Что случилось? — спросил меня Тео.

Я покачала головой и сказала ему, что объясню позже.

Я отправилась в бар, чтобы выпить. Мне нужно было проветрить свою голову. Мистер Делакура сел рядом со мной.

— Где ты была? — спросил он.

Я рассказала про вечер. В конце я спросила:

— Если бы это произошло, когда вы были окружным прокурором, вы бы действовали как Берта Синклер? Вы бы тоже запихнули тело Толстого в мешок и сказали бы мне, что расследования не будет, потому что мой двоюродный брат был плохим парнем из плохой семьи?

— Мне хочется сказать тебе, что я наверняка бы расследовал, но это не соответствует действительности, — произнес мистер Делакура после паузы. — Решение бы зависело от того, что еще происходило бы в городе в это время.

— А что насчет меня? Если бы я умерла, кто-нибудь удосужился бы расследовать?

— Аня, ты сейчас важная персона. У тебя собственный бизнес, ты приносишь много денег этому городу. Твоя смерть не осталась бы незамеченной.

Я почувствовала себя немного лучше.

— У города проблема не в смерти твоего двоюродного брата, а кто станет его преемником. Мы хотим знать, с кем будем иметь дело. Может у твоих друзей есть мысли по этому поводу?

Я пожала плечами.

— Ну, кто-то да будет управлять Семей и, вероятно, было бы мудро с твоей стороны поинтересоваться. Ты не захочешь, чтобы они выбрали кого-то, чьи интересы противоречат твоим собственным.

Я не думала об этом.

— Аня, — сказал мистер Делакура, — если Мышь права и нападение было предостережением, то, возможно, тебе стоит пересмотреть свое решение о личной охране.

— Мистер Делакура, мы уже обсуждали этот вопрос раньше, и моя позиция не изменилась. Я скорее умру, зная, что хожу по этому городу и по этой планете, как свободный человек. Мне нечего скрывать и я не нуждаюсь в охране.

Мистер Делакура улыбнулся мне.

— Это кажется благородным, но неправильным. Как ты и говоришь, ты действительно свободный человек. Я не могу контролировать твои действия, лишь советовать тебе. Я не думаю, что найм охранников что-то отнимет у тебя или у твоего успеха. Но давай не будем это обсуждать. — Он чокнулся со мной. — С Бруклин вышло неплохо, ты так не думаешь?

На следующий день я была вызвана на совещание в Бассейн, штаб-квартиру семьи Баланчиных. Знак уважения, который мне оказывали, хотя технически я не состояла в Семей. Я пыталась избежать контакта с Семей несколько лет, с тех пор, как открыла свой клуб. Однако

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

со смертью Толстого иных вариантов не оставалось. Мистер Делакура был прав, сказав, что я должна поинтересоваться человеком, которого изберут главой семьи Баланчиных.

Когда я добралась до Бассейна, Мышь уже ждала меня в холле.

— Все внизу.

— Я опоздала? — спросила я. — В сообщении говорилось о четырех.

— Нет. Ты вовремя. Пойдем.

Место показалось мне неестественно тихим. Я задалась вопросом, должна ли я была прийти с охраной. В прошлом мистер Киплинг, как правило, сопровождал меня на важные семейные встречи. Наверное, безрассудно идти в одиночку, никому не сказав, куда я отправилась. Я остановился на вершине лестницы.

— Мышь, я же не попаду в западню, да? — спросила я.

Она покачала головой.

— Ты думаешь, что я не прикрою твою спину?

В бассейне Баланчины сидели вокруг стола. Я узнала только половину из них. Здесь всегда были новые лица. Текучесть кадров была высокой среди Баланчиных — некоторые всегда умирали или попадали в тюрьму.

Все встали, когда я вошла, и я заметила, что единственное оставшееся место было во главе стола. Я посмотрела на пустое кресло и спросила себя, что подразумевается под этим.

Что мне еще оставалось делать? Я села.

Третий или четвертый мой двоюродный брат по имени Пип Баланчин был назначен представителем семьи. (У меня было много двоюродных братьев, но я вспомнила Пипа, потому что он был с усами.)

— Спасибо, Аня. Два года назад ты дала свое одобрение, чтобы Толстый Медовуха возглавил Семейю. В то время многие из нас считали, что ты должна была стать главой Семейи. Как ты помнишь, я был одним из тех людей.

— Да, — сказала я.

— Мы глубоко опечалены потерей Толстого. На момент его смерти у него был спор с Иваном Баланчиком. Мы считаем, что из-за этого он был убит. Спор был из-за «Темной комнаты».

— Мне очень жаль.

— Толстый Медовуха верил в тебя и в твоё дело. Он был готов умереть за то и другое. После смерти Толстого мы обсуждали ситуацию. Мы считаем, что Баланчидзе Иван и русская часть семьи — это прошлое. Ты, Аня — наше будущее. Мы считаем, что не что иное, как легализация — это ключ к нашему выживанию.

Мужчина в фиолетовом костюме произнес:

— У многих из нас есть жены и дети. Мы устали действовать с оглядкой и думать о том, когда правосудие настигнет нас.

Пип Баланчин продолжил:

— Мы спрашиваем тебя о том же, что надо было спросить у тебя два года назад. Аня, ты будешь управлять Семейей Баланчиных в двадцать втором веке?

Я не хотела быть главой этой Семейи.

И еще...

Когда я посмотрела на длинный каменный стол, на бледные лица и светлые глаза, которые напоминали лицо моего отца, моего брата, и мое собственное, незнакомое чувство начало шевелиться во мне.

Обязательства.

Я почувствовала себя обязанной этим мужчинам (и женщинам, хотя в основном там были мужчины). Что мое рождение Баланчиной было определяющим обстоятельством моей жизни.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Фамилия Баланчина была привязана ко мне и определяла меня как буйную, дикую, плохую, ленивую, злую, и трудную. Эти мужчины Семьи были такими же безупречными, как и я была перед лицом этого неотъемлемого права. Я знала, что должна им помочь. Если в моих силах помочь им, я не могу отказаться.

Я оглянулась через плечо на Мышь, которая стояла за мной, как верный советник. Ее глаза светились надеждой и будущим.

— Я не могу официально возглавить Семью и управлять моим бизнесом, — сказала я. — Я бы хотела, но я не могу. Однако, я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы помочь вам. Ваши слова, Пип, дошли до меня, и я вас не покину. Я хочу дать еще больше вакансий Баланчинам для работы в клубах. Я хочу отрезать нашу зависимость от запасов шоколада Баланчидзе в целом. Мы можем оставить черный рынок шоколадного бизнеса другой семье, и вместе направить наши усилия на законные источники дохода, такие как какао и лекарственных шоколад.

Баланчины одобрительно закивали.

— Но кто возглавит Семью? — спросил мужчина в фиолетовом костюме. — Кто будет гарантировать, что ваши планы исполнятся?

— Возможно, один из вас, — начала я, но, как я уже говорила это, у меня появилась идея получше. Почему бы не узкоплечая, жизнерадостная девушка, стоящая позади меня? Мышь была моей единственной наперсницей в «Свободе», и, при значительных личных затратах она даже помогла мне сбежать. Она была немой задирой, бездомной изгнанницей из собственной семьи. Никто не преодолевал больше, чем она. Никто не был ко мне более лоялен. Я доверяла ей как сестре. Конечно, это должна быть Мышь. Надо было только убедить Семью в моем выборе. — Мне вот интересно, как вы рассмотрите вопрос о назначении Мыши возглавить Семью в мое отсутствие. Я могу советоваться с ней по любому поводу. Я знаю, что она не Баланчина, но она была правой рукой Толстого и моим верным другом в тюрьме, и я поверяю ей стать моими глазами и ушами. Поверьте тому, что я скажу — никто не был лучшим слушателем или более надежным другом, чем Мышь.

Я повернулась, чтобы посмотреть на Мышь. Ее глаза светились.

— Это ведь так? — изрекла я.

Она потянулась за блокнотом, висевшим на ее шее. Когда-то ранее блокнот был единственным способом, которым она могла общаться.

— Да, — подтвердила она.

— Это очень интересное предложение, — сказал Пип. — Мы будем голосовать.

— Я предполагала это, — ответила я. — Но независимо от результата, я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам. Я Баланчина и дочь своего отца.

Я встала и Семья встала со мной.

Следующим днем Мышь пришла в манхэттенский клуб вместе с Пипом Баланчиным и женщиной, которой я не знала. Мышь сообщила мне, что голосование было единогласным. Невероятно, что некогда немая девушка из Лонг-Айленда стала главой криминальной семьи Баланчиных. Она склонила голову, когда вошла в мой кабинет.

— Я жду твоих указаний, — сказала она.

В течение ближайших двух месяцев мы сократили количество запасов шоколада, поступавших в Америку. Мы перенаправили дилеров на новые позиции для отправки грузовиков или обеспечения безопасности. Тем, кто не захотел там работать, были назначены пенсии, что было в значительной степени неслыханным в организованной преступности. (В Семье смерть, как правило, была единственным выходом на пенсию.) Мы использовали существующие рабочие силы Баланчиных для перевозки какао и других поставок по стране в новые места.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

В этот период Баланчики молчали. Возможно, они считали, что мы еще не оправились от смерти Толстого.

— Мы не должны принимать их молчание как согласие, — проинформировала Мышь. — Они ударят, когда будут к этому готовы. И я буду бдительной.

— Выпей со мной, — сказал мистер Делакруа однажды вечером в клубе. — Тебя нет рядом последние дни. У меня такое чувство, будто я увидел Лохнесское чудовище.

Я пожала плечами. Я еще ему не рассказала о своих новых обязанностях. Думала, что моя жизнь была полной, когда я просто управляла клубом, но это было смехотворно теперь, когда я стала теневым управляющим организованной группировки.

— Я не знаю, слышала ли ты, но поговаривают, что Кейт Бонэм стала новой главой Баланчинской преступной группировки.

— О?

— Ну, это интересный выбор по многим параметрам. Она не Баланчина. Она девушка. Ей всего двадцать лет, и она сидела в «Свободе». Ты ее знаешь, Аня?

Я ничего не отвечаю.

— Я, конечно, узнал ее имя. Я может и старый, но память у меня хорошая. И у меня был зуб на тебя летом 2083-го года. Кейт Бонэм проходила тогда по псевдонимом Мышь. Думаю, она даже была твоей соседкой по камере в «Свободе». Какое невероятное совпадение, что сокамерница Ани Баланчиной смогла какимто невероятным образом стать главой Баланчинской преступной группировки.

Мне не одурачить его. Никогда.

— Я предполагаю, ты знаешь, что делаешь. Полагаю, тебе не нужна ничья помощь. Я мог бы повторить просьбу о найме телохранителей, но думаю, что ты поступишь именно так, как хочешь, и неважно, что я говорю.

— Как там Вин? — спросила я. Я не произносила имя бывшего парня несколько месяцев, и его уменьшительное имя ощущалось как-то странно на языке, как если бы я произносила его на иностранном языке.

— Его день рождения был неделю или две недели назад, так?

— Меняем тему. Ты думаешь, путь к моему сердцу лежит через расспросы о моем мальчике. Это дешевый трюк, хотя я тебя прощаю. — Он скрестил руки на коленях. — Гудвин говорит, что он хочет пойти в медицинскую школу. Эта профессия ему подходит, правда же?

— В этом нет ничего нового. В выпускном классе он хотел стать врачом.

— Ну, я полагаю, что знаешь моего сына лучше, чем я.

— Раньше знала, мистер Делакруа. Давным-давно, я считалась экспертом в этой области, но потом расширила свои интересы.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XII

Я ПРИНИМАЮ НЕОЖИДАННОГО ПОСЕТИТЕЛЯ; ИСТОРИЯ РАССКАЗАНА; ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСТУПАЕТ СНОВА

Апрель в Нью-Йорке не самый жестокий месяц. Снег тает, тяжелые пальто и сапоги возвращаются в шкафы. А лучшее в нем то, что я снова могу прогуливаться с работы домой. Иногда мы со Скарлет идем вместе, и это почти похоже на то время, когда мы учились в Святой Троице.

Тео был в Сан-Франциско, помогал там моему брату с кухней. Мы всю зиму вздорили по разным пустякам, в том числе из-за замороженного горошка, его заигрываний с Люси, барменшей, зимнего пальто, его сестры Изабель, и даже из-за температуры, которую я поддерживала в квартире. Я хотела, чтобы он съехал, хотя не знала, как заставить его сделать это. Печально говорить, но я начала ожидать его отсутствия. Может быть, это не его вина. Может быть, я по натуре одиночка.

Я вышла из «Темной Комнаты» рано, около одиннадцати часов вечера, когда к обочине подъехал черный автомобиль. Не в первый раз я подумала, что если я бы была застрелена, это так бы все и закончилось. (Но мы только на странице 133 из третьего тома моей жизни, поэтому, конечно, это не может быть концом. За исключением, если ты, читатель, веришь в рай – я вот не всегда уверена в его существовании.)

Дверь машины распахнулась, и оттуда высунулся мужчина в темном костюме.

— Подвезти, Аня? — спросил Юджи Оно. Его тон был бесцеремонным, будто прошло несколько дней, а не лет с нашей последней встречи.

Я заколебалась. Медленно (надеясь, что незаметно) достала свое мачете.

Юджи Оно рассмеялся. Когда он заговорил, его голос был скрипучим, не таким, каким я помнила.

— Думаешь, я пришел тебя убить? Я не привез никакого оружия, кроме Кадзуо. Он спит в отеле и, по правде говоря, он пацифист. Кроме того, если бы я хотел тебя убить, я бы не пришел к тебе лично. Послал кого-нибудь выполнить работу. Подумай, даже зеленый глава преступной семьи понял бы, как такие акты происходят.

— Что ты хочешь от меня?

— Поговорить. Я думаю, ты мне задолжала. Однажды ты от меня отказалась, и поэтому ты все еще у меня в долгу.

Несмотря на дружбу Юджи с Софией Биттер, на данный момент у меня не было особых причин думать, что он желает мне смерти. Я действительно отклонила его предложение о браке (бизнесе?) три года назад, и хотя я до сих пор не совсем поняла его поведение, я не могла с уверенностью сказать, что он мой враг. Кроме того, мне было любопытно.

— Пройдем в мой кабинет, — сказала я, указывая в сторону клуба.

Он высунулся из машины на свет, и я заметила у него темные круги под глазами. Он казался стройнее, чем в последний раз, когда я его видела. Мне показалось, или он рассматривал четыре лестничных пролета, которые вели к входу в мой клуб?

— Я бы очень хотел увидеть «Темную комнату», но из-за путешествия, — сказал он после паузы, — устал. Мы можем заглянуть в клуб завтра после нашего разговора? Это предполагает сохранность твоей жизни. — Он немного злобно улыбнулся мне.

На самом деле, желай Юджи меня убить, я бы давно умерла. Кроме того, удача поворачивалась ко мне лицом в последние два года, так что я действительно начала верить, что я ее приворожила и все пойдет как надо. (Примечание: известные последние слова.)

Так я очутилась в его машине.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я велела водителю отвезти нас в мой дом. Когда мы приехали, Юджи с трудом вылез из автомобиля, дорога с улицы в холл утомила его. Хотя он пытался скрыть это от меня, его выдало неглубокое и тяжелое дыхание.

Я стала рассматривать его в свете ламп лифта. Он все еще был красив, но его тело, всегда худое, стало похоже на скелет. Кожа лица была почти прозрачной, что можно разглядеть тревожную синь вен под ней. Глаза его были яркими, даже чересчур.

Последней весточкой от Юджи было письмо, сопровождающее прах, который, как оказалось, не принадлежал моему брату. В нем он упомянул, что здоровье у него слабое, но это было несколько лет назад. Как по мне, он не выглядел здоровым или просто приболевшим. Я наблюдала за угасанием бабушки и знала, как выглядит умирающий.

— Юджи, ты умираешь, — сказала я неосторожно.

— Я думал, что я скрываю это довольно хорошо, — сказал он со смехом. — Ты все такая же прямолинейная. Рад, что это так. Я волновался, что теперь, когда ты выросла, твои углы пообтесались. Но да, это правда. Правда как слон в лифте — я умираю. Как и мы все, хоть это и клише.

— Но как? Почему?

— Все расскажу. Давай сначала присядем. Теперь, когда моя тайна раскрыта, я не обязан притворяться, как мне нелегко в эти дни, мой старый друг.

Я не была уверена, что мы друзья.

Я разместила его на диване в гостиной, а потом пошла на кухню, чтобы принести ему стакан воды.

— Сколько тебе осталось?

— Врачи говорят, пара месяцев, возможно, год. Я могу протянуть и дольше. Хотя я бы предпочел не задерживаться.

— Нет. Моя бабушка умирала медленно.

— Подойди ко мне.

Я послушалась. Он взял меня за руку. Его пальцы были длинными, костлявыми и холодными. Он потерял палец несколько лет назад, но больше не возился с протезом. Не уверена, почему это меня обеспокоило, но что есть, то есть.

У меня накопилось столько вопросов к нему. Почему он умирает? Почему раньше он утверждал, что это прах моего брата? Каковы же были его отношения с Софией Биттер? Почему он сейчас здесь? Но время было неподходящее. Было большим шоком увидеть Юджи Оно в состоянии физического истощения. Когда-то давно я думала о нем практически как о супермене.

— Аня, я хочу начать с того, что наблюдал за твоей карьерой с большим интересом. В открытии «Темной комнаты» и ее сестер на новых местах ты сделала все, что могла и даже больше, чем я когда-либо мечтал. Я не приписываю себе тебя, но я удовлетворен маленькими тропами, которыми я, возможно, направлял тебя на путь к этому успеху.

Я знала, что Юджи не отпустит такую похвалу необдуманно.

— Спасибо. Я не совсем поняла, что произошло между нами. Но я знаю, что ты спас жизнь моего брата, возможно даже два раза. И однажды ты спас жизнь мне. Ты отослал меня на какао-ферму. Если бы я не отправилась туда, я бы никогда не построила бизнес. Ты всегда был строг со мной. Ты был первым человеком, который настаивал на том, что я обязана изучить это дело. Тогда я не понимала этого, но ты был настоящим наставником. И я часто сожалею о том, как мы расстались в Чьяпасе, — сказала я. — Ты... я верю теперь... пытался защитить меня, моего брата и сестру, когда предложил жениться на мне.

— Ты перескочила историю, Аня. Она начинается задолго до этого.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Тогда Расскажи мне.

— Расскажу. Но знай, что я пришел сюда не только для повествования. Мой сказ закончится просьбой. Хотя однажды ты дала мне обещание, ты свободный человек и сама решишь, уважить мою просьбу либо нет. Ты отплатишь мне своими достижениями. Если откажешь, тебе не придется опасаться за свою жизнь. Я уеду из Нью-Йорка, и смею заверить тебя, что ты никогда не увидишь меня снова.

ИСТОРИЯ ЮДЖИ

С чего обычно начинается история, Аня? Если ты эгоистичный человек, я предполагаю, что она начинается с твоего рождения. Если у тебя иные приоритеты, возможно, она начинается с твоей первой любви.

Я всегда пытался предстать перед тобой сильным человеком. Ты не сможешь признать того мальчика, которого я собираюсь описать.

Когда мне было двенадцать, мой отец послал меня в международную школу в Бельгии.

Школьная жизнь была для меня несчастливой. Я был слишком робок, и — осмелюсь сказать — слишком японским для одноклассников. Я не понимал, как реагировать на поддразнивания, как-то так. Это усугубляло положение. Я плохо понимал язык и начал заикаться из-за нервов. И это тоже внесло свою лепту. Я был расстроен невозможностью понравиться одноклассникам. Я нравился в моей школе в Японии. Если ты был всем симпатичен, то трудно понять, почему, ничего не меняя в себе, ты вдруг становишься малопривлекательным. Одинаково трудно переломить ситуацию в свою пользу, когда те, кто вокруг тебя, находят тебя несовершенным.

Я ел в одиночестве в обеденном зале или в библиотеке. Однажды — я учился там около двух месяцев — напротив меня села девочка и заговорила со мной.

— Выглядишь неплохо, — сказала она прямо, с легким немецким акцентом. — Ты должен воспользоваться этим. Высокий. Могу поспорить, ты мог бы заняться спортом, если он тебе нравится. Присоединяйся и тогда они оставят тебя в покое. За тебя будет команда.

— У-у-уходи, — сказал я.

Она не двинулась.

— Я только пытаюсь помочь тебе. Твой английский плох, но это не навсегда. Тебе нужно разговаривать с людьми. Можешь поговорить со мной. Есть много причин, из-за которых я думаю, что мы должны быть друзьями. Я София, кстати. — Она посмотрела на меня. — Тут ты можешь представиться. София Биттер. Юджи Оно. — Она протянула большие, потные руки. Ногти были обгрызены под корень.

Я посмотрел на нее. В этом возрасте она была высоким, нескладным, лохматым существом. Включая брови, конечности, нос, прыщи и сальные волосы. В ее внешности красивыми были лишь большие умные карие глаза.

— Как ты потерял свой палец, кстати? — Я надел кожаные перчатки, чтобы скрыть протез, даже вообразить не мог, что кто-то об этом узнает. Она коснулась металлического пальца своей рукой.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросил я.

Она подняла бровь, похожую на гусеницу.

— Я прочитала твое школьное досье.

— Это личное.

Она пожала плечами. София совсем не беспокоилась о приватности.

Я рассказал ей историю. Возможно, ты знаешь ее, возможно и нет. Меня похитили, когда я был мальчиком. Они послали моему отцу мизинец с правой руки, как доказательство того, что я жив.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Перчатки это ошибка, — сказала София. — Они создают впечатление, что ты страдаешь. Никто не будет высмеивать протез, поверь мне. Эти люди фальшивы насквозь.

— Если ты так много знаешь, почему у тебя нет друзей? — Я знал, что София Биттер была таким же изгоем, как и я.

— Моя проблема в том, что я некрасивая, — сказала она. — Но ты, вероятно, и так это заметил. А еще я груба и умнее всех здесь. Людям нравится, когда ты умный, но не слишком. Моя семья тоже занимается шоколадом. Я думаю, нас обоих отправили в эту школу залакировать грязь.

Я никогда не встречал никого похожего на нее. Она была язвительной и дерзкой. Ей было все равно, что думают люди. Она могла быть жестока, но я сначала не очень возражал против этого. Я вырос рядом с людьми, которые были вежливы даже когда втыкали нож тебе в спину. Она стала моим самым близким и единственным другом. Не было ничего в моей жизни, чего я не хотел бы с ней обсудить.

Я взял ее советы на вооружение во многих областях, и моя школьная жизнь наладилась. Я занялся футболом, завел других друзей, перестал носить перчатки. Мой английский усовершенствовался. Когда я пошел в старшие классы, другие девушки стали обращать на меня внимание. Меня позвала на танцы девушка, которую звали Филиппа Роуз. Фил была очень популярная и очень красивая. Я был взволнован и согласился, не поговорив сначала с Софией.

Я сообщил Софии об этом ночью, когда мы занимались. Она стала очень тихой.

— Что случилось? — спросил я.

— Филиппа Роуз — грязная Schlampe* (нем. «Неряха»). — Ее слова сочились ядом.

— О чем ты говоришь?

— Ты понял, о чем я.

Я смиренно сказал, что Фил показалась мне очень хорошей.

— У тебя есть причина говорить о ней такое?

София фыркнула, как будто это очевидно. Ты должна понять, София думала, что все ополчились против нее.

— София, я не звал ее. Это она пригласила меня. — Я посмотрел на свои руки. — Ты хотела, чтобы я позвал тебя?

— Нет. Зачем мне это? Я разочарована, что ты решил пообщаться с такой фальшивкой. Я думала, ты лучше. — Она встала и ушла.

В следующий раз, когда я увидел ее, она не упомянула о Фил, и я подумал, что дело было забыто.

За день до танцев, в классах Софии не оказалось. Я пошел в общежитие, чтобы найти ее. Девушка, жившая напротив ее комнаты, сказала мне, что она попала в лазарет с пищевым отравлением.

Я пошел в лазарет, чтобы провести ее, но Софии там тоже не оказалось. Отравление было настолько серьезным, что ее перевезли в больницу.

А больница была за пределами кампуса, школа мне не позволила посетить ее до следующего вечера. Когда я добрался туда, она была подключена к капельнице. У нее была рвота всю ночь. Она выглядела очень бледной, была очень слаба, но глаза ее оставались пронцательными.

— София, — сказал я, — я беспокоился о тебе.

— Хорошо. В этом и был смысл.

— Для меня нет никого важнее тебя, за исключением семьи, — сказал я. Ты должна помнить, я был мальчиком, находившимся далеко от дома, а когда мы далеко от дома, дружеская близость кажется значительнее.

Она ухмыльнулась мне.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Глупый мальчишка, — сказала она. — Твои танцульки сегодня вечером, не так ли? Ты все пропустишь.

— Меня это не заботит.

Ее отец был мелким производителем шоколада в Германии — ты это знаешь, я полагаю. Но он попал в бизнес в качестве производителя химикатов. София Биттер с детства многое знала о ядах.

Юджи начал кашлять. Лицо его посинело.

— Может мне следует позвонить врачу?

Он покачал головой. Через минуту или две, показавшихся долгими, он был в порядке.

— Что именно с тобой не так? — спросила я.

— Мы перейдем к этой части истории в ближайшее время.

— Разве София не отравилась ради того, чтобы ты не пошел на танцы с другой девушкой?

— Да, довольно основательно.

— Ты был зол? — спросила я.

— Нет. Я понял ее. Я был молод, и в то время воспринял это как знак великой любви, которую она ко мне испытывала. Я чувствовал... и до сих пор в некоторой степени чувствую... что такая преданность должна признаваться.

Не могу сказать, что у меня «подгибались ноги» от любви к Софии. Возможно, я не способен на такую любовь. Но я знаю, что мы бы все сделали друг для друга и что она знает мои секреты и страхи, а я ее. Мы были очень близки, как только могут два человека.

Мы выпустились из школы. Мой отец умер, я уехал, чтобы принять на себя «Компанию сладостей Оно». Она уехала, чтобы сделать себе имя на фабрике Биттеров. Причиной, по которой Биттеры выбивались из всех сил, был привкус гнили у шоколада. Синтезированные химические вещества не всегда являлись оптимальным условием для изготовления качественного шоколада. Она разработала план для обособления Биттеров, совершая набеги на американскую территорию. После смерти Леонида Баланчина стало известно, что американский шоколадный бизнес ослаб, и Иван Баланчик, преомерзительнейший тип, имел все, но грел руки на происходящем в Америке. Твой отец с моим были друзьями, так что София попросила моего совета. Я предложил ей организовать встречу с Микки Баланчиным, который был на несколько лет старше нас. Кажется, они поладили, и в следующий раз она позвонила мне сообщить, что они помолвлены.

Это был, как мне кажется, политический брак с обеих сторон. Твой двоюродный брат, вероятно, считал, что он укрепляет свое положение в твоей семье, вступая в стратегический альянс.

— У меня есть мысль, Юджи, — сказала она мне однажды ночью, когда я был в Германии.

— А что, если я создам небольшое происшествие в Америке?

— Происшествие?

— Во время моего прибытия туда может возникнуть проблема с поставкой у американских Баланчиных. Я торжественно выступаю, как невеста Микки, и предлагаю им заменить поставку Баланчиных шоколадом Биттеров.

— А что за проблема? — спросил я.

— Ну типа такой, которая у меня хорошо получается.

— Могут пострадать невинные люди, — заметил я.

— Никто не умрет. Мы предупредим всех прежде, чем до этого дойдет.

Я счел это слишком рискованным. И как я уже говорил, твой отец и мой были друзьями. У меня не было особого интереса в том, чтобы американские Баланчины сдулись.

— Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, meine Süßer* (нем. «Мой сладкий»). Я не могу сделать это в одиночку. Это будет твой свадебный подарок мне.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я не отказал ей.

Она позвонила мне через месяц или чуть позже.

— Дело сделано, Юджи.

Я приехал в Нью-Йорк на свадьбу.

— Это смешно, — сказала София. — Микки — идиот. Я терпеть не могу этих людей. Я ненавижу эту страну. Пройдет пара лет, я с ним разведусь и выйду за тебя замуж. Я возглавлю Баланчиных и Биттеров. Мы будем иметь все, чего хотели.

Может, тебе интересно, было ли мне грустно смотреть, как моя лучшая подруга выходит замуж за другого мужчину.

Я предполагаю, так и должно было быть.

Но мне довелось познакомиться с дочерью Леонида Баланчина в тот день. И я говорю о тебе.

Однажды мы уже встречались, но ты была маленькой девочкой. На свадьбе ты была почти взрослая — по крайней мере, взрослая молодая девушка. Очень упрямая. Ты понравилась мне. И отравление Софией поставок Баланчиных возымело неучтенный эффект. Оно сделало тебя звездой американских Баланчиных. Все в тот день наблюдали за тобой. Может ты почувствовала это в их глазах?

В ту ночь я размышлял. Не лучше ли сделать тебя главой шоколада Баланчиных в Америке? Пусть Микки и София управляют Семейей пару лет на временной основе, а потом, когда ты подрастешь, то возьмешь это на себя. Мое чутье говорило, что ты будешь сильным деловым партнером. Более сильным, чем даже София — хотя она была умной, но также слишком безжалостной и эгоистичной. Это слабые места в бизнесе.

Я не высказал это Софии. Догадывался, какая будет у нее реакция.

Я пытался высказать это тебе, но ты, конечно, была очень молода. У тебя был парень — он все еще твой парень? Ты училась в старшей школе, у тебя была непростая семейная жизнь.

София дразнила меня из-за интереса к тебе, но меня это не сильно волновало. Я решил, что помогу тебе как смогу. Я принял твоего брата. Я помог тебе выбраться из Нью-Йорка.

И вот здесь ситуация стала сложнее.

София была недовольна тем, как долго умирал Юрий Баланчин. Она хотела ускорить данный процесс. Она хотела расчистить путь для Микки, чтобы он возглавил Семейю. Тем не менее, многие в вашей Семейе были заинтересованы в том, чтобы ты стала главой «Шоколада Баланчиных». Я был не единственным, кто видел в тебе твоего отца. София чувствовала, что Микки совершил ошибку, когда пришел к тебе попросить заняться бизнесом вместе с ним. Я не уверен, знала ли она, что это было моим предложением.

Ты взбесила Софию, когда она увидела в тебе конкурента не только в Семейе, но, и как я считаю, в моей и Микки симпатии к тебе. Ты, вероятно, не подозревала об этом. В этом вся София. Она затаивает обиды.

Я думал, что знал способ держать тебя от греха подальше, а Софию в рамках.

Я решил сделать предложение о браке.

Я долгое время думал об этом дне.

Оглянувшись назад, я понял, что все делал неправильно.

Я пытался заключить с тобой сделку, но желал говорить с тобой от своего сердца. Я желал сказать, что хоть ты и молода, но в тебе есть потенциал. Я верю в тебя. Я хочу сделать все, что смогу, чтобы держать тебя в безопасности. Я знаю, что прошу много, но я много чего могу дать взамен. Я считаю, что мы могли бы стать отличными партнерами. Я считаю, что мы могли бы полюбить друг друга. Наверное, твой ответ был бы все тем же, но мне хотелось быть более откровенным.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я не сказал Софии о предложении, но она все равно узнала. Она стала подружкой старшей сестры Теоброма Маркеса, думаю, этим путем новости и разнеслись. Я никогда не видел ее такой взбешенной.

— Как ты можешь предать меня? — кричала она. — Я скажу полицейским о том, что ты сделал для Лео и Ани. Я сделаю так, что ты никогда не сможешь вернуться в Америку. Ты никогда не увидишь Аню Баланчину, слабоумный идиот.

Прости меня, Аня, если я не достаточно заступится за тебя. Мне было больно из-за твоего ответа мне. Возможно, я лгал, когда сказал, что не испытываю к тебе чувств.

Но давай вернемся обратно. Кое-что произошло, пока твой брат был в Японии. Он влюбился в мою сестру.

Норико на самом деле моя сводная сестра, дочь папиной любовницы. Не могу сказать, знает ли она об этом. Мы никогда не говорим об этом, а люди ошибочно полагают, что она моя двоюродная сестра и даже племянница. Но мой отец дал мне понять, что она под моей ответственностью. Из-за ярости Софии я волновался о том, что она может причинить Лео и Норико. Я решил спрятать их и связался с Саймоном Грином. Я знал о его прошлом и знал, что он поможет мне и будет осмотрительным.

Самым лучшим вариантом было позволить Софии думать, что у нее все получилось. Так я и поступил. Я послал тебе прах. Я написал тебе письмо, что видел тело твоего брата.

Ты в том же году прогнала ее из страны. Она уехала в Германию. И тогда она приехала ко мне в Японию.

Она сказала, что простила меня, но я считаю, что она заплатила одному из моих служащих за отравление. Она хотела заставить меня страдать, потому что я недостаточно любил ее. Никто бы не смог, Аня.

Я очень сильно заболел. Решил, что подцепил инфекцию во время моих путешествий.

У меня был сердечный приступ. Потом еще один. Органы стали отказывать.

Я выжил, но с трудом.

Между тем ты открыла «Темную Комнату» в Нью-Йорке. Я надеялся, что выздоровею достаточно, чтобы самому увидеть твой клуб, и теперь я здесь. Я рад, что могу сказать тебе лично, как я горжусь тобой, Аня. Ты сделала то, что никто из нас не смог. Ты сделала шоколад легальным.

У меня еще оставалось так много вопросов к Юджи.

— Аня, я не жалею о том, что я когда-либо сделал, помогая тебе, даже если это будет стоить мне жизни. Мое единственное сожаление – это то, что я не сделал для тебя больше. Ты – будущее нашей отрасли. И именно поэтому я приехал.

Я умру, Аня, и это будет скоро. Когда это произойдет, я хочу, чтобы ты взяла на себя «Компанию сладостей Оно». Я хочу, чтобы ты открыла легальные какао-бары по всей Японии.

— Но как, Юджи?

— Сожалею, что не могу опуститься на одно колено. Мне жаль, что я не молод и здоров. Я собираюсь задать тебе вопрос, который задавал уже очень давно. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж прежде, чем я умру. У меня есть шесть месяцев, возможно год, и когда я уйду, все будет твоё. Тогда ты сможешь превратить мою компанию в компанию завтрашнего дня. В нашем мире есть много людей, которым угрожают твои действия, Аня, включая русскую ветвь твоей Семьи. Эти люди могут работать только в мире, где шоколад является незаконным. Они боятся перемен. Если ты станешь во главе «Компании сладостей Оно», тебе будет проще бороться с ними.

— Юджи, я... — я не знала, как сказать об этом.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Построй империю со мной, — сказал Юджи. — Все ресурсы, что у меня есть: мои сотрудники, мои деньги — будут в твоём распоряжении. Каждый твой враг станет моим, покуда я жив. Каждый враг семьи Баланчиных станет врагом семьи Оно даже после того, как я умру.

— Много лет назад, когда твой отец привез тебя и твою сестру в поместье моей семьи в Японии, он хотел заключить союз между нашими семьями. Мой отец не согласился на это. У него были свои причины, но я верю, что он сожалел об этом.

— Юджи, что это были за причины?

— Русские Баланчины считали, что твой отец принял неверные решения. Он пытался вырулить бизнес в более этическое направление — меня поставщиков какао, улучшая условия на фабриках и заводах. Из-за чего у твоего отца появилось много врагов.

— Вот почему он был убит? — Я потеряла отца из-за конфликта поставщиков какао.

— Да, я так считаю, хотя это только теория и я не могу сказать наверняка. Но я беспокоюсь за тебя, Аня. Баланчики безжалостны, а ты их враг.

— Ты думаешь, я в опасности?

— Я знаю это. Но как только у тебя будет мое влияние и ресурсы, они станут более осторожными, когда дело будет касаться тебя. — Он взял меня за руку. — Я так горжусь тобой. Сожалею, что не могу быть здесь, чтобы передать мою компанию. Я мог бы просто поставить тебя во главе и не жениться, но мой бизнес — семейный, и только так они будут уважать тебя, если ты будешь считаться Оно.

— Юджи, я не люблю тебя. Не так.

— Но ты не любишь же никого другого?

Я подумала о Тео, но в такой ситуации упоминать о нем было неуместно.

— Я прав? Вин Делакура в прошлом, и больше никого нет, ведь так?

— Если ты знал, что он в прошлом, почему ты спрашивал о нем до этого?

— Хотел увидеть твои глаза. Хотел быть уверенным.

Последний раз, когда Юджи просил моей руки, я была уверена, что могу любить только Вина.

Юджи протянул мне руку.

— Мы оба идем на это с открытыми глазами. Есть много худших причин для брака. — Он посмотрел на меня. — Кроме того, у меня очень мало времени осталось на этой земле. Я был бы не против провести его с тобой.

Я сказала ему, что мне надо подумать и проводила его до машины.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XIII

У МЕНЯ ЕСТЬ МЫСЛИ; Я В ОСНОВНОМ НЕ ПРАВА

Этой ночью я не могла заснуть.

Я думала о Вине, как сильно я любила его и как сильно, по его утверждениям, он любил меня. Этого было недостаточно, чтобы заставить его понять, почему я была вынуждена открыть клуб.

Я думала о Тео и о том, насколько хорошо он понимал мой бизнес и меня. Я думала о том, как он очень сильно мне нравился. Я думала о том, как он заставлял меня чувствовать себя униженной и что я не могла любить его так, как он любил меня, а я любила Вина. — Что в тебе такого особенного, раз ты отвергаешь любовь вполне хорошего парня? — Спросила я себя.

Я думала о том, как я пыталась всю зиму прекратить свои отношения с Тео. Я думала, что брак, безусловно, будет одним из способов прекращения их.

В основном я думала о Юджи, который спас мою жизнь и жизнь моего брата. Я думала о том, какую пользу принесет этот союз моему бизнесу и многим людям, за которых я была ответственна.

Я думала о том, что жить Юджи осталось недолго.

Когда он умрет, мне не будет так больно, потому что я его не люблю.

Я думала о многих людях, живших в браке и в итоге разведившихся или чувствовавших себя несчастными. Я думала о родителях Вина и моих родителях.

Я думала о том, что романтическая любовь — это не самый лучший повод для женитьбы. Люди меняются, любовь умирает. Можно, например, обнаружить себя в ночном клубе в новогоднюю ночь с любимым парнем, который скажет, что он хотел бы никогда не встретить тебя. Такое иногда случается.

Семья. Обязательства. Наследие. Чем больше я думала об этом, тем более весомыми они казались, а также вполне практическими соображениями, по которым следовало выйти замуж.

Я подумала, что я выросла.

Я подумала, что я знаю, что делаю.

Это лишь часть той лжи, которую что я себе внушила.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XIV

Я ПРИСУТСТВУЮ НА ВЫПУСКНОМ

— Как ты даже могла об этом подумать? — кричал Тео. Это было три недели спустя, когда он вернулся из Сан-Франциско и обнаружил, что я упаковываю чемоданы и готовлюсь отправиться в Японию, остановившись по пути в Бостоне. Как бы трудно не было поверить, Нетти окончила среднюю школу и собиралась выступить с прощальной речью в школе Святого сердца.

Тео вытащил одежду из чемодана и швырнул через всю комнату.

— Прекрати, — сказала я.

— И не подумаю. Я пойду еще дальше. Мне придется связать тебя или запереть в шкафу. Ты совершаешь ужасную ошибку.

— Тео, пожалуйста, ты мой лучший друг.

— Тогда, как твой друг, я несчастен из-за тебя. Ты не должна покидать меня из-за того, кого ты не любишь.

— Любовь тут не причем.

— Так в чем причина-то? Ты богаче, чем твой отец. Ты выполнила все, что планировала. Ты не обязана этому человеку отдавать свое сердце.

— Я не отдаю ему свое сердце. Только руку.

— Мы счастливы, Аня. Мы были счастливы целый год. Почему ты хочешь сделать кого-то другого своим мужем?

— Мы не были счастливы. Мы месяцами ругались. И с нашим несчастьем больше некуда деваться. Я выхожу замуж за Юджи Оно, потому что я должна. Нет, потому что я хочу.

— Юджи Оно разбил сердце моей кузины Софии.

— Это неправда.

Он сменил тон.

— Аня, por favor* (исп. «пожалуйста»). Мы должны обсудить это. Если ты все еще хочешь выйти замуж за Юджи Оно, то сделай это. Но не спеши. Куда тебе торопиться?

— Он умирает, Тео. И он хочет, чтобы я унаследовала его бизнес, так я могу сделать со «Сладостями Оно» то же самое, что мы сделали в Нью-Йорке.

— Puta*(исп. «Шлюха»), — сплюнул Тео.

— Что?

— Это означает «шлюха».

— Я знаю, что это означает. Ты называешь меня шлюхой?

— Я так называю человека, который выбирает деньги, а не любовь. Такой человек — шлюха.

— Я не люблю тебя, Тео. Я не знаю, сколько и как долго повторять это. Да даже если бы я любила тебя, то без уверенности, что достаточно сильно.

Тео пробормотал что-то на испанском.

— Что?

— Ты жалкая, Аня. Мне жаль тебя.

У меня зазвонил телефон.

— Это моя машина, — сказала я. — Я ухожу.

Он не ответил.

— Поздравь меня. Я бы поздравила тебя.

— Ты не можешь действительно так думать. Иногда мне кажется, что я совсем тебя не знаю. — Он вышел из комнаты и после я услышала, как он покинул квартиру.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я собрала свою помятую одежду и засунула ее обратно в чемодан. Я бы солгала, если бы сказала вам, что мое настроение не было также слегка помято от слов Тео.

Как только я вышла в коридор, Скарлет выскочила из своей спальни – они с Феликсом теперь жили в старой комнате Норико и Лео. Скарлет все еще была в униформе «Темной комнаты», видимо со вчерашнего вечера. Она, должно быть, заснула в ней. Около месяца назад Скарлет прошла кастинг. Что-то экспериментальное в неизвестном театре. Что-то за бесплатно. Ее героиня называлась Истиной. Между работой и игрой в театре я едва видела ее, несмотря на тот факт, что мы жили вместе.

— Аня! — сказала она. — Подожди.

— Ты собираешься остановить меня и также сказать, что я ужасный человек? — спросила я.

— Конечно же нет. Как я могу осуждать, особенно тебя, моя дорогая? Я хотела сказать: береги себя и звони мне, когда сможешь. — Она обняла меня. — А еще поздравь от меня Нетти с окончанием школы.

Два года назад я выпускалась из школы в комнате с раздолбанным кондиционером. Нетти же, напротив, выпускалась в саду, в мае, в самый прекрасный день. Темно-синие и белые ленты свисали с навесов и деревьев. Цвели розы и наполняли воздух своим ароматом. Церковь держала павлинов, их перья были разбросаны по земле, что показалось мне странным, но очаровательным. Нетти подстригла волосы, превратя их в короткий боб, она была высокой и красивой в своей бледно-желтой шапочке и мантии. На следующий год она поедет в Массачусетский технологический институт. Ее прощальная речь была посвящена воде и важности разработки новой технологии будущего. Мне нравилось наблюдать за слушателями. Моя сестра собиралась занять место в жизни.

Люди сгрудились вокруг нее после окончания церемонии выпуска. Я слонялась с краю толпы, когда почувствовала руку на своем плече.

— Анни, — произнес Вин. — Как дела?

Я знала, что Нетти пригласила его – они дружили в Бостоне, и от моего внимания не ускользнуло, что их дружба пережила мои отношения с Вином – и поэтому не удивилась, увидев его. Он был одет в светло-серый костюм-тройку. Узкие брюки хорошо на нем сидели, он был красив, как всегда. Я протянула ему руку, и он пожал ее.

— Здорово увидеть тебя, — сказала я.

Он держал в руках перо павлина, от него пахло цитрусом и мускусом.

— Как ты? — спросили мы одновременно.

Я засмеялась.

— Ты первый. Твой отец говорил, что ты все еще думаешь о медицинской школе?

— Могу представить, какой именно разговор у нас с тобой будет. Да. Да, так.

— О чем бы ты предпочел поговорить?

— Обо всем. О погоде.

— Сегодня прекрасный день для выпуска из школы.

— О твоих волосах.

— Подумываю дать им отрасти.

— Хотя у меня нет права голоса, но я одобряю такое дело.

Я забрала перо павлина.

— Зачем тебе оно? — спросила я.

— Не уверен. Может быть, я напишу им роман.

— О, да? — снова спросила я. — И о чем же он будет?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Хм. Плохая девушка встречает хорошего парня. Амбициозный отец встает между ними. Девушка выбирает бизнес вместо парня. Чтото типа того.

— Мне кажется, я уже где-то такое читала.

— Что ж, возможно, потому что это штамп.

— И что случится в конце?

— Девушка выходит замуж за другого. Так я слышал. — Он замолчал. — Это правда?

— Да, — я отвела взгляд. — Но это не то, чем кажется.

— Окажется, ты пройдешь по проходу?

— Да.

Он прочистил горло.

— Ну, ты всегда знала, чего ты хочешь. Ты всегда знала свое сердце.

— Знала ли?

— Я так думаю, — сказал он. — Я... я совершил ошибку два года назад, пытаюсь указать тебе, что делать. Я до сих пор считаю, что был прав, но причина, по которой ты мне нравилась, в первую очередь состояла в том, что ты была такая независимая, упрямая — в этом ты вся. Нельзя поменять мнение Ани Баланчины ни в чем. Я был не прав, что даже пытался. — Он посмотрел на сестру, которая разговаривала с одним из учителей на сцене. — Должно быть, ты очень гордишься.

— Да.

— Ты все сделала правильно, Аня. Я знаю, она тоже так считает.

— Я сделала все возможное, но уверена, что наделала ошибок. Я рада, что мы наконец-то разговариваем. Я скучала по тебе.

— Правда? Я бы не предположил, что ты по кому-то скучаешь. Ты смотришь прямо перед собою, в будущее, и не оглядываешься назад. Кроме того, я знаю, ты не оставалась без компании последние два года. Тео Маркес, Юджи Оно.

— Ты тоже! Нетти говорила, что когда видела тебя, у тебя каждый раз была другая девушка.

— Это должно сделать тебя важной. Я ни к кому не отношусь серьезно. — Он посмотрел на меня. — Ты сломала меня, — сказал он игриво, насколько это было можно сделать после такой фразы. — Я надеялся, что увижу тебя сегодня. У меня есть кое-что, что я хотел бы сказать, пока не прошли годы, и это не осталось невысказанным. Дело в том, что я иногда читаю о твоём клубе.

— Ты?

— Мне нравится следить за новостями. Но это в контексте, а суть не в этом. Я собирался сказать тебе, как сильно я горжусь тобой. — Он взял меня за руку. — Я не знаю, имеет ли это для тебя значение, но мне хотелось так сказать.

Я собиралась ответить, что это, конечно, важно для меня, но в тот момент к нам присоединилась Нетти.

— Вин, — сказала она, — пойдём с нами обедать!

— Я не могу, — ответил он. — Твоя речь была великолепна, малышка. — Он вытащил небольшую коробочку из кармана и протянул ей. — Это тебе, Нетти. Еще раз поздравляю.

Он обнял Нетти, а затем пожал мне руку. Мы с Нетти смотрели ему вслед. Я все еще держала перо павлина. Я чуть не окликнула его, но решила не делать этого.

На обеде Нетти развернула подарок Вина. Это был маленький серебряный медальон в форме сердца.

— Он по-прежнему видит во мне маленького ребенка, — сказала она. Она сунула коробочку в сумочку. — О чем вы разговаривали сегодня?

— О старых временах.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Хорошо. Не рассказывай мне. Ты уверена, что не хочешь, чтобы я поехала с тобой в Японию? Ты выходишь замуж.

— Это будет больше похоже на деловую встречу.

— Это самое грустное, что я когда-либо слышала.

— Нетти. Я так решила. — Я вынула ежедневник. — Ты будешь в лагере, — она была вожатой, — а затем отправишься колледж. Я вернусь в сентябре, чтобы помочь тебе обустроить комнату в общежитии, хорошо?

— Анни, я беспокоюсь о тебе. Кажется, ты не понимаешь, во что ввязываешься.

— Я понимаю, Нетти. Слушай, люди женятся по разным причинам. Есть только две вещи, которые меня волнуют в этом мире, и первая — это моя семья: ты и Лео — а вторая — это моя работа. Я не романтик, так что выходить ли замуж без любви, или же по иной причине, для меня не имеет такого значения, как для других. Меня расстраивает, когда ты смотришь на меня с таким трагическим выражением на лице.

— Ты романтик. Ты любила Вина.

— Я была подростком. Это другое.

— Ты все еще подросток до августа, — напомнила она мне.

— Технически.

Нетти закатила глаза.

— Даже если это притворство, сфотографируйся, хорошо? Дела обстоят так, что это может быть мой единственный шанс увидеть тебя в свадебном платье.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XV

**Я ПРОДОЛЖАЮ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАТЬ С УСТАРЕЛЫМИ ФОРМАМИ ИКТ;
ОБСУЖДАЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И СМЫСЛ LOL**

В Токио меня встретила свита из десяти представителей «Компании сладостей Оно». Все были одеты в темные костюмы. Две женщины несли табличку с надписью «БАЛАНЧИНА». После грандиозного поклона я получила в подарок букет розовых тюльпанов, корзину с апельсинами, коробку конфет Оно и шелковую сумочку, внутри которой обнаружили несколько пар вышитых носков.

— Дом Оно-сана неподалеку? — спросила я одну из женщин.

— Нет, Аня-сан, нам придется ехать до Токио. Там мы пересядем на скоростной поезд до Осаки.

В детстве я бывала в Японии, но ничего не помню. Облицовка городская застройка не отличалась от Нью-Йорка, хотя поезд (и воздух) были намного чище. На первый взгляд, город состоял из привычного серого с неоновыми вспышками высотного города: красные цвета указывали на магазины, бары или девочек; впечатляли балконы из стали и стекла с неожиданно старомодными бельевыми веревками, натянутыми между ними. Я находила такие виды расслабляющими, потому что они напоминали мне о моем доме, и от этого я задремала. Когда же проснулась, мы мчались сквозь зеленый лесной водоворот. Избыток природы породил во мне тревогу, я снова заснула. С пробуждением вид опять сменился на океан и скромные по размерам небоскребы. Это была Осака.

До усадьбы Оно мы ехали в длинных черных машинах с затонированными стеклами. Я не могла избавиться от ощущения, что нахожусь в похоронной процессии.

Наконец мы подъехали к воротам с двумя железными дверями, установленными в каменных стенах. Нам помахал охранник.

Дом Оно был в два этажа, с темной, цвета ореха облицовкой и серой черепичной крышей. Он низко прижимался к земле, как что-то мускулистое. Один из сопровождающих пояснил, что дом выстроен в традиционном японском стиле. По периметру дома были каналы с несколькими прудами и ухоженными деревьями. Я знала, что у входа надо снять обувь. Возможно, этим и объяснялись подаренные носки.

Кадзуо, телохранитель Юджи, сообщил, что мой багаж будет доставлен в комнату, там же ждет ужин, если я проголодаюсь — но есть мне не хотелось.

— Можно поздороваться с Юджи? — спросила я. Мне ответили, что он уже ушел на ночной покой.

Женщина — домашняя прислуга, одетая в бордовое кимоно, повела меня по коридору. Коридоры тут располагались по периметру здания. Горничная отодвинула дверь, которая в то же время была стеной-ширмой.

Я вошла в спальню с татами на полу и на стенах, но с кроватью в западном стиле. Из комнаты открывался вид на пруд. По территории бродила кошка, и мне подумалось, вдруг она потомок котенка Нетти и я встречала ее во время нашего визита более десяти лет назад. А может, это та же кошка? Кошки живут долго, иногда дольше, чем люди.

Я распаковала чемодан и легла на кровать. Глупо, но мне стало важно, какая будет погода завтра, в день моей свадьбы. Я включила телефон, но это ничего не дало. Я включила свою электродоску; бытовало мнение, что в путешествиях они более надежны, чем телефоны. На экране выскочило сообщение.

Вин-вин: Аня?

анечкабб: Я здесь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

вин-вин: Я надеялся, что ты сможешь воспользоваться доской, поскольку путешествуешь за границей. Ты в Японии, да?

анечкабб: Да.

вин-вин: Это означает, что завтра ты выходишь замуж.

анечкабб: Собираешься остановить меня?

вин-вин: Я больше не буду пытаться останавливать тебя ни в чем и никогда. Я тормоз, но урок свой выучил.

анечкабб: Смышленный мальчик.

вин-вин: Впрочем, я подумал, что мне было приятно повидать тебя на выпускном Нетти.

анечкабб: Да.

вин-вин: Это утомительно. Почему нашим дедам и бабушкам когда-то нравилось этим пользоваться? Почему люди просто не брали телефоны?

анечкабб: У них было гораздо больше сокращений, чем у нас. Моя бабушка рассказывала о них иногда. Она выиграла соревнование по набиранию текста смс-ки, когда ей было не то пятнадцать, не то шестнадцать. OMG* (OMG — аббревиатура: Oh My God! С англ. «О Боже мой!»). LOL (*LOL – Laughing Out Loud).

вин-вин: Я знаю, что такое OMG, но что такое LOL?

анечкабб: Умираю от смеха.

вин-вин: Это тебе не особо нужно.

анечкабб: Что это значит?

вин-вин: Ты из разряда серьезных. Вроде как замогильная девочка.

анечкабб: Я веселая.

вин-вин: LOL. Не веселая.

анечкабб: LOL.

вин-вин: Стой, ты действительно умираешь от смеха?

анечкабб: Я не умираю от смеха. Наверное, никто и не смеется вслух, когда пишет LOL. На самом деле я ROTFL* (Rolling On the Floor Laughing Out Loud – катаюсь по полу и хохочу.).

вин-вин: А это что такое?

анечкабб: Расскажу в следующий раз, когда увижусь с тобой.

вин-вин: А когда это будет?

анечкабб: Может и скоро. Я буду в Японии как минимум ближайшие несколько месяцев, хотя собираюсь ездить по другим клубам. Ненадолго задержусь в Бостоне, когда Нетти отправится на первый курс в МТИ.

вин-вин: Найди меня, если у тебя будет время. Я поздравлю тебя с браком и смогу помочь вам с Нетти, вдруг вам понадобится крупный сильный мужчина, чтобы перевезти коробки или что бы там ни было.

анечкабб: Кто этот крупный сильный мужчина, о ком ты упомянул?

вин-вин: LOL.

анечкабб: Мне надо идти. Я выхожу замуж утром.

вин-вин: OMG.

анечкабб: Смотрю, используешь эти модные аббревиатуры.

вин-вин: DDT YLRPANG IS IMY INTYMYO IKIDHARBIDWAETHY ITIMSLY IDHMR.

анечкабб: Теперь ты все выдумываешь.

вин-вин: Все это обозначает кое-что, я тебя уверяю.

анечкабб: Я не думаю, что одна из этих аббревиатур имеет какой-либо шанс быть понятой.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

вин-вин: Поздравляю, Анни. Поздравляю, мой старый друг. Я серьезно. Будь здорова и будь в безопасности и не важно, что происходит с нами в жизни, давай пообещаем, никогда не уезжать надолго, не поговорив друг с другом снова. LOL.

анечка66: Я думаю, ты злоупотребляешь LOL, Вин. Если ты не имел в виду, что последняя часть – шутка.

Должно быть, он уже выключил свою электродоску, потому что не ответил. Я выключила свою и легла в постель.

Павлинье перо лежало на чемодане напротив меня. Словно на меня уставился глаз. Я встала с кровати и засунула перо в ножны мачете.

Этой ночью я не спала. Возможно из-за смены часовых поясов.

Возможно лишь из-за смены часовых поясов.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XVI

**Я СЧИТАЮ, ЧТО Я ПРИНИМАЮ ТЩАТЕЛЬНО ПРОДУМАННОЕ И ВЗВЕШЕННОЕ
РЕШЕНИЕ; НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО РАСКАИВАЮСЬ; Я ПРЕДПРИНИМАЮ ВСЕ, ЧТОБЫ
ЕГО ИГНОРИРОВАТЬ**

Я не проспала и часу. Тело затекло, зрение расплывалось, руки вспотели, а голова пульсировала.

Женщина из обслуживающего персонала Юджи нарядила меня в кимоно, сшитое из кремового шелка со светло-розовой вишней на подоле и рукавах. Мои волосы достаточно отрасли, чтобы сделать из них прическу в традиционном японском стиле. Золотыми украшениями – на удивление острыми кинжалами – проткнули пучок. Лицо покрыли белой пудрой, на щеки положили розовые румяна, а губы покрасили в кроваво-красный. Наконец, на меня накинута тяжелый шелковый капюшон. Я чувствовала себя как в платье, но вдруг каждая невеста чувствует себя так, независимо от обстоятельств ее бракосочетания.

Сандалии с ремешками вынуждали меня шагать очень маленькими шажками. Я поплелась в ванную. Там сняла кимоно и привязала мачете под него. Лучше быть в безопасности, чем потом сокрушаться. Я посмотрела в зеркало, одернула кимоно, сделав его свободнее.

Мы поженились в синтоистском храме. Я не понимала большинство из сказанного. Лишь кивала, когда меня спрашивали, произносила какое-то «хай», когда это представлялось целесообразным. Мы выпили сакэ из небольшой керамической чашки в сопровождении атональной гитары, провели торжественный обряд с ветками, а потом служба закончилась. Я бы сказала, меньше чем за полчаса.

Я посмотрела в глаза своего мужа.

— О чем ты думаешь? — прошептал он.

— Не могу поверить, что я... мы сделали это. — Я была на грани обморока. Они завернули меня в кимоно слишком туго и ткань заставляла мачете врезаться в бедро.

Он тихо засмеялся и стал казаться менее больным, чем до этого.

— Ты выглядишь лучше, — сказала я.

— Боишься, что я останусь в живых?

— Юджи, конечно, нет. — Но, честно говоря, мне не приходило в голову, что он может поправиться.

Мне поплохело. Хотелось вернуться в Нью-Йорк. Я сказала своему мужу, что мне нужно прилечь. Он забронировал номер для молодоженов, что был рядом храмом.

Кадзуо шел за нами. Он окликнул Юджи на японском языке.

— Кадзуо хотел узнать, плохо ли мне, — перевел Юджи. — На этот раз Ане, — весело ответил он Кадзуо.

Мы с Юджи отправились в семейный люкс. Я легла на кровать. Юджи сел рядом, наблюдая за мной.

О чем я думала? С чего я решила, что это имело смысл?

Я вышла замуж за мужчину, которого едва знаю.

Я вышла замуж за него!

Но не выйти было нельзя.

Вот оно. Это случилось. Мое первое замужество.

Нетти, Тео и все прочие, кто пытался меня предупредить, были правы.

Я задыхалась.

— Успокойся, — сказал вежливо Юджи. — Я умру, обещаю.

Я заплакала.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я не хочу, чтобы ты умирал.

Я все еще задыхалась.

— Может, я ослаблю твой пояс? — спросил он.

Я кивнула. Он развязал мое кимоно, и мне стало легче. Он лег рядом, посмотрел на меня, а затем коснулся моего лица.

— Юджи, ты думаешь, что я отвратительна?

— Почему?

— Потому что ты знаешь, что я не люблю тебя. В смысле, я вышла за тебя из-за твоих денег.

— То же самое можно сказать и обо мне. Ты находишься на грани того, чтобы стать богаче меня, разве нет? Правда в том, что я не думаю о тебе в плане хорошо это или плохо.

— И что же ты обо мне думаешь?

— Я помню тебя в детстве, играющей в саду с сестрой. Я помню, тебя девочкой-подростком, злой и дерзкой. Я вижу тебя теперь, женщину, всегда такую стойкую и сильную. Больше всего мне нравишься ты теперешняя. Стыд и срам, что мы должны были сделать все в неправильном порядке, но такая у нас с тобой жизнь. Было бы здорово, будь я молод и силен, долго добиваться тебя, заставить тебя полюбить меня больше всех остальных, ухаживать за тобой и завоевать. Я бы хотел знать, что когда умру, ты, Аня будешь безутешна.

— Юджи. — Я повернулась на бок так, что чуть не столкнула его. Мое кимоно распахнулось и я подтянула его, прикрывая себя.

Он схватил пояс и намотал его конец на руку.

— Я хотел бы заняться с тобой любовью. — Он притянул меня к себе за пояс.

Мои глаза расширились. Я не была столь падшим созданием, которое захотело бы заняться любовью с мужчиной, которого едва знало, даже если он приходился мне мужем.

— Но я не могу. Я слишком слаб. Сегодняшний день был очень утомительным. — Он посмотрел на меня. — Меня накачали лекарствами и ничего не работает как надо.

Он был невероятно красивым мужчиной, но болезнь сделалась почти невыносимой. Он был похож на набросок углем. А после смерти стал черно-белым...

— Думаю, я могла бы полюбить тебя, если бы мы встретились, будь я на несколько лет старше, — сказала я ему.

— Жаль.

Я притянула его к себе. Его кости двигались и скрипели рядышком. Он весил меньше меня, и ему было ужасно холодно. Мы оба устали, поэтому я распахнула кимоно и накинула на него так, чтобы мы оба оказались внутри.

— Такова жизнь, — сказал он, когда мы прижались друг к другу. — Такова жизнь, — повторил он. — У меня больше причин скучать по ней, чем я думал.

Утром он ушел. Кадзуо пояснил, что Юджи пришлось вернуться к себе в комнату по причине своего здоровья и что мы должны будем встретиться с ним на фабрике «Сладостей Оно» позже.

Вернувшись в дом, я сняла свадебное кимоно, которое носила почти двадцать четыре часа, и переоделась в обычную одежду. Слуги стали еще более почтительными со мной, чем прежде, но я не понимала, к кому обращаются, когда меня называют Аня Оно-сан. Я не брала его фамилию, если это вам интересно, но моего японского было недостаточно, чтобы объяснить слугам, что как бы это не выглядело, я оставалась Аней Баланчиной.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Юджи в сопровождении еще большего антуража бизнесменов, чем в аэропорту, ждал меня на фабрике «Сладостей Оно» в Осаке. Впервые с момента моего приезда Юджи надел темный костюм. Он ассоциировался у меня с этим костюмом и мне было отраднo видеть его в нем снова. Он познакомил меня со своими коллегами и затем мы осмотрели фабрику, которая оказалась чистой, хорошо освещенной и слаженно работающей. Там не было особенного запаха, который указывал бы, что здесь производится шоколад. Главным продуктом фабрики оказался мочи – клейкий, готовящийся из риса десерт.

— А где шоколад? — прошептала я Юджи. — Или ты импортировал его моей Семье?

— В Японии шоколаде вне закона. Ты же знаешь, — ответил он. — Следуй за мной.

Мы отделились от основной группы и спустились на лифте в помещение, в котором находились печи. Он нажал кнопку на стене. Стены исчезли, и мы вошли в тайный проход, который вел в помещение, отчетливо пахнущее теплым шоколадом. Он нажал другую кнопку и дверь закрылась.

— Я потратил 200 миллионов иен на строительство этого подземного завода, — сказал мне Юджи, — но, если намечается прогресс, то, надеюсь, скоро нужда в нем отпадет.

Когда он повел меня по секретной фабрике, я заметила, что рабочие были одеты в комбинезоны, санитарно-технические маски и перчатки, стараясь обезопасить себя, чтобы ничего не попало в глаза. На фабрике были современные печи и термометры, массивные металлические котлы и весы, вдоль стен находились ящики с необработанным какао. Благодаря полученной от Тео информации, я догадалась, что это какао было не должного качества. Что включало в себя плохой цвет, запах и консистенцию.

— Ты не можешь выпускать продукцию из этого, — сказала ему я. — Можно спрятать его в обычный шоколад с достаточным количеством сахара или молока, но ты не можешь изготавливать из этого сладости с высоким содержанием какао. Надо поменять поставщиков.

Юджи кивнул. Мне следовало бы позвонить в Гранья-Манану и узнать, смогут ли они делать поставки «Сладостям Оно».

Мы покинули секретную фабрику и отправились наверх, чтобы встретиться с юристом-консультантом Юджи, Сугиямой, который разъяснил некоторые проблемы с открытием похожего на «Темную комнату» клуба в Японии.

— Чиновникам из Департамента здравоохранения нужно будет поставить правительственный штамп на каждом продукте, проверить содержание какао и его пользу для здоровья. Это потребует много денег, — сказал советник.

— Для начала, — ответила я, — но потом вы сэкономите деньги. Вам не придется управляться с секретным заводом, например. И если ваш бизнес будет похож на мой, то вы перестанете платить чиновникам. Но сейчас вам придется.

Сугияма не смотрел на меня, не признавая мои слова.

— Возможно, нам лучше следует приостановить работу, Оно-сан.

— Вы должны прислушиваться к Ане-сан, — отказался Юджи. — Это то, что я хочу, Сугияма-сан. Вот так это должно быть. Мы больше не протянем быть шариком в Патинко*. (Патинко (яп. パチンコ) — игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом, необычайно популярен в Японии).

— Как пожелаете Оно-сан, — Сугияма кивнул мне.

Мы с Юджи вышли на улицу, ожидая машину.

— Эти люди безнадежно консервативны, Аня. Они сопротивляются переменам. Тебе придется быть настойчивой. Я буду стоять на своем так долго, как смогу.

— Куда теперь мы направляемся? — спросила я.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я хочу показать тебе, где мог бы находиться первый какао-бар, если ты одобришь. И после я хочу представить миру свою жену.

Хотя мы планировали открыть в Японии пять баров, для расположения бара-флагмана Юджи выбрал старую заброшенную чайхану в самом центре Осаки. Пройдя сквозь серый камень города, попадаешь в другой мир. Там росла сакура и располагался сад с несколькими дюжинами фиолетовых ирисов, которые все еще не смирились с деспотическими сорняками. Все было в зелени. Чувство тут возникало совсем не как в Нью-Йорке, но оно было прекрасно. Даже романтично.

— Как думаешь, это место подойдет? — спросил меня Юджи.

— Оно очень отличается от Нью-Йорка.

— Я хочу место, которое будет открыто в дневное время. Я так устал от темноты.

— Изначально я хотела сделать то же самое, но мой партнер по бизнесу отговорил меня.

Он сказал, что клуб должен быть сексуальным.

— Я понимаю его точку зрения. Но японцы отличаются от американцев. Я думаю, здесь будет лучше днем.

— Тогда он не может называться «Темной комнатой», — я задумалась. — «Бар Света»?

Он обдумал мое предложение.

— Мне нравится.

Примерно пятнадцать минут спустя прибыли несколько представителей СМИ вместе с переводчиком компании Юджи, который переводил для меня пресс-конференцию с японского языка.

— Оно-сан, прошло уже несколько месяцев с тех пор, как вы появлялись на публике, — отметил один из репортеров. — Ходят слухи, что вы больны, вы выглядите похудевшим.

— Я не болен и призываю вас сегодня не обсуждать мое здоровье. У меня есть два объявления. Первое — моя компания подвергнется резкой реорганизации в течение последующих месяцев. Второе — это знакомство Японии с этой женщиной. — Он указал на меня. — Ее зовут Аня Баланчина. Она директор известной «Темной комнаты», какао-клуба в Нью-Йорке, и она оказала мне великую честь, согласившись стать моей женой.

Заработали фотовспышки. Я улыбнулась журналистам.

История стала достоянием мира. В некоторых частях мира, как мое имя, так и имя моего мужа были известными, и было примечательно, как я полагаю, что две криминальные семьи объединились. В реальности же наши семьи объединились несколько лет назад, когда Лео женился на внебрачной Норико.

Я и без него знала, что Юджи хотел увидеть перед смертью хотя бы открытие первого клуба. И хотя я приходилась ему только фиктивной женой, мне хотелось сделать его счастливым. Остальную часть лета мы с Юджи работали, чтобы открыть «Бары Света». Это было нелегко — культурные и языковые барьеры нельзя недооценивать. Я волновалась за здоровье Юджи. Он был неугомонный, каким только умирающий человек может быть.

Примерно через неделю после моего двадцатого дня рождения первый «Бар Света» открылся. Атмосфера того места была больше похожа на высокосексуальную чайхану, чем на ночной клуб. Ковер из лепестков роз на входе ведет к главной комнате. Крошечные рождественские огоньки висят повсюду в беспорядочной последовательности, прямоугольные свечи в подвешенных серебряных подсвечниках освещают кованые столы, каждый из которых

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

покрыт скатертью из прозрачной белой ткани. Мы с Юджи создали самое романтическое место из всех возможных – как иронично, что создатели его не были влюблены.

Его сердце было невероятно слабо в тот момент и он не смог долго присутствовать на открытии.

— Ты счастлив? — спросила я по дороге в усадьбу.

— Да, — ответил он. — Завтра мы вернемся к работе. Может, я доживу до открытия в Токио.

В ту ночь я отправилась в комнату Юджи. Он часто не мог заснуть. Я убедилась, прежде чем постучать, что у него горел свет.

— Юджи, — сказала я. — Я собираюсь домой, чтобы помочь сестре переехать в ее комнату в общежитии, но я вернусь через две недели. Я хотела бы пригласить тебя поехать вместе со мной, но в твоём положении...

— Конечно, — кивнул Юджи.

— Пожалуйста, не умирай, пока я далеко.

— Не умру. Хочешь, расскажу тебе тайну? — спросил он.

— Всегда хочу.

— Подойти к окну и посмотри на пруд с карпами.

Я повиновалась. Серая кошка Юджи сидела на скамейке рядом с черным котом. Кошка лизнула щечку кота.

— О! Они влюблены, не так ли? Как ты думаешь, как они встретились?

— Не так далеко отсюда есть ферма. Я полагаю, что он может быть оттуда.

— Или может быть он городской кот. Приехал в деревню ради девушки своей мечты.

— Это мне нравится больше, — улыбнулся он своим мыслям.

Он похлопал по кровати, и я прилегла рядом с ним.

— Как ты себя чувствуешь? — он ненавидел этот вопрос, но я хотела знать.

— Я чувствую себя счастливым от того, что мне удалось направить «Сладости Оно» в новую эру. Сейчас 2086 год, Аня. Мы должны быть готовыми к двадцать второму веку.

— Как твое сердце? — уточнила я.

— Стучит. Сейчас оно стучит. — Я положила руку ему на грудь, и он слегка вздрогнул.

— Я делаю тебе больно?

— Все в порядке. — Он вздохнул. — Нет, все хорошо. Единственные люди, которые трогают меня, это врачи, поэтому я ощущаю разницу.

— Расскажи мне историю про твоего отца, — предложила я.

Юджи подумал некоторое время, перед тем как начал говорить.

— Я познакомился с ним спустя некоторое время после похищения. Я был недоверчив к незнакомцам. Мне кажется, я рассказывал тебе об этом раньше.

— Расскажи снова.

Он был огромным человеком, и я боялся его. Он опустился на колени и протянул ко мне ладонь, как приманивают робкого животного.

— Я слышал, у тебя интересное боевое ранение, молодой человек. Хочешь показать мне? — спросил он. Я был смущен, потеряв палец, но тем не менее протянул ему руку. Он смотрел на нее долгое время. — Этим шрамом можно гордиться, — сказал он.

Юджи протянул мне руку, и я поцеловала ее в покалеченном месте. Много лет назад отец тоже трогал эту руку.

— Я рад, что всегда буду твоим первым мужем.

— И последним, — сказала я. — Не думаю, что я создана для брака или любви.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Я не уверен, что ты права. Ты так молода, жизнь обычно долгая.

Вскоре он заснул. Его дыхание было затрудненным, а сердцебиение под моей рукой было настолько слабым, что я едва могла его разобрать.

Когда я проснулась на следующий день, кровать оказалась мокрой. Чтобы не смущать Юджи, я попытался быстро уйти, чтобы он не заметил меня. Он проснулся дрожа и сел прямо.

— Sumimasen* (япон. «Мне нет прощения»), — сказал он, склоняя голову. Он редко говорил со мной по-японски.

— Все в порядке. — Я посмотрела ему в глаза, вспомнив, как бабушка ненавидела, когда люди отводили взгляд.

В моче на простынях были пятна крови.

— Аня, пожалуйста, уйди.

— Я хочу помочь тебе.

— Это ниже моего достоинства. Пожалуйста, оставь меня.

Но я не уходила.

Он запаниковал, его глаза широко распахнулись.

— Пожалуйста, оставь меня. Я не хочу тебя здесь видеть.

— Юджи, ты мой муж.

— Это только деловое соглашение.

— Ты еще и мой друг.

— Тебе не нужно ничего делать для меня. Я не ожидал такой услуги от тебя. — Он покачал головой.

Я подошла к нему.

— В этом нет ничего зазорного. Такова жизнь. — Я помогла ему выбраться из кровати и пройти в ванную комнату, где подтащила его к ванне. Вес почти не чувствовался.

— Пожалуйста, оставь меня, — пробормотал он.

— И не подумаю. Не из-за нашей договоренности, а из-за всего, что ты сделал для меня. Ты спас жизнь моего брата. Ты вытащил меня из страны. Ты сказал глупой девчонке-подростку быть к себе требовательнее. Даже сейчас ты предлагаешь мне все, что у тебя есть. Помогая тебе, когда ты болен, я едва ли сравняю счет.

Он склонил голову.

Я помогла ему выбраться из влажной одежды и залезть в ванную, пустила горячую воду и жесткой, натуральной губкой начала мыть его спину. Он закрыл глаза.

— Много месяцев назад мне было еще хуже, чем сейчас. Боль была сильнее. Они продолжали попытки меня вылечить, но я знал, что это безнадежно, — сказал он. — Я попросил Кадзуо убить меня. Я вручил ему самурайский меч отца. И сказал: «Ты должен отрубить мне голову так, чтобы я мог умереть с честью». Со слезами на глазах он отказался. Он сказал: «У Вас есть время. Я не буду воровать его. Используйте свое время, Оно-сан». Он был прав. Я начал думать о том, что хочу совершить до конца дней своих. Твое лицо постоянно вставало у меня перед глазами. И поэтому, когда я почувствовал себя хорошо, я поехал в Америку увидеться с тобой и попробовать убедить выйти за меня замуж. Я не был уверен, что ты согласишься.

— Я чту свои долги.

— Но у меня был другой план, если бы ты не приехала. Запасным планом было выследить Софию и убить. Я ненавижу ее за то, что она со мной сделала.

— Я тоже ее ненавижу. — Я отжала губку.

— Обещай мне, что убьешь ее, когда увидишь в следующий раз.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Некоторое время я размышляла по поводу его просьбы.

— Я не буду этого делать, Юджи. Я не занимаюсь убийствами, да и ты тоже.

Мы с Юджи были воспитаны как волки. Он думал, что это прекрасно — попросить меня убить за него, но это слишком крутая просьба за помощь в принятии ванны.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XVII

Я СЛЕГКА ТЯГОТЕЮ ДОМАШНИМИ ДЕЛАМИ; ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ БЕЗ МЕНЯ

А потом я вернулась в Бостон. Я была рада снова оказаться рядом с Нетти, среди англоговорящих, из-за ничегонеделанья выходные казались вполне реальными. Странно было находиться среди людей моего возраста, школьников, несемейных или не занимавшихся бизнесом. Советник резидента, находящийся в ее спальне, был туповатым, симпатичным темноволосым парнем по имени Викрам. Он пожал мне руку и пообещал заботиться о моей сестре.

— Как долго ты пробудешь в Бостоне, сестра Нетти? — спросил он. — Я мог бы показать тебе интересные места.

Я показала ему свое обручальное кольцо.

— Я замужем, и уже кое-что повидала.

— Ты была так тиха в эти выходные, — сказала Нетти. Мы лежали на ее кровати, которую только что застелили свежими белыми простынями.

— Я отдыхала.

— Я бы справилась сама. Тебе не надо было приезжать.

— Нетти, я бы никогда не пропустила это. — Я перевернулась и поцеловала свою сестру в гладкую розовую щеку.

Под конец выходных я включила свой планшет. Намеревалась пообщаться с Вином, но не стала. Казалось не очень хорошим по отношению к Юджи, хотя я не знаю, с чего бы. Последние два года Вин моим парнем не был, и я сомневалась, что он когда-либо станет им снова. Хотя встретить его было приятно.

По пути в Японию я сделала остановки в Нью-Йорке, а затем в Сан-Франциско. В Нью-Йорке я обнаружила, что Тео съехал с квартиры. Когда я вошла в кабинет, он не спрашивал о моем браке. Он целиком и полностью погряз в делах.

— Аня, Луна говорит, что требуется больше какао для поставки в пять новых мест в Японии. Для начала я не знаю, сможем ли мы сделать это — Гранья-Манана единственная таких размеров, понимаешь? Но потом она изучила вопрос и выяснила, что мы могли бы прикупить заброшенные фермы кофе в радиусе пятнадцати миль от Гранья-Мананы. Мне нужно знать, ты серьезно говорила о необходимости этого какао?

— Я серьезно.

— Bueno.* (исп. «Хорошо») Тогда мы это сделаем. — Он улыбнулся мне, но не той теплой улыбкой. Профессиональной. И потом ушел. Слово мы никогда ничего не значили друг для друга.

Я задавалась вопросом, вернется ли он в Мексику. Он этого не сделал, и я заужала его за это. Он снял квартиру в другой части города. Мой статус падшей женщины не достаточная причина для него, чтобы покинуть «Темную комнату». Он любил наше дело. Он любил то, что мы построили, хоть и ненавидел меня.

Когда Тео съехал, Скарлет была счастлива, что живет в моей квартире с Феликсом одна.

— Я полагаю, нам скоро придется съехать, — сказала она, когда мы сидели в гостиной.

— Зачем?

— Чтобы доказать, что я взрослая, что-то в этом роде. Не могу же я и в тридцать проживать в квартире лучшей подруги. Я провела на Верхнем Ист-сайде всю свою жизнь. Было бы неплохо увидеть другую часть города. Кроме того, я не знаю никого, кто теперь живет здесь

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

поблизости. — Она больше занималась театром, и сообщила, что большинство ее друзей живут в центре города или рядом.

— Ты слышала что-нибудь, — я понизила голос на случай, если Феликс слушал, — о Гейбле?

— Он присылает кое-какие деньги, но не часто, а на второй день рождения Феликса прислал футбольный мяч. Большой футбольный мяч. — Она закатила глаза.

— Думаю, это на вырост. Феликс будет играть в него в десять лет.

— Он не будет играть в него никогда. — Она подняла малыша, одетого в крошечное кимоно, которое я привезла из Японии, с пола, где он играл в кубики, сказав ему:

— Мама не хочет, чтобы большой тупой футбол испортил это красивое личико. — Феликс поцеловал ее, а потом и меня.

— Он всех целует, — объяснила Скарлет. — Он очень хорош в этом.

— Как и ты.

— Заткнись, — Скарлет рассмеялась. — В любом случае, что может быть лучше поцелуев? Я до сих пор люблю целоваться. — Она вздохнула. — Боже, как я скучаю по ним.

Феликс снова поцеловал ее.

— Спасибо, Фи. Аня, моя милая лучшая подруга, должны ли мы обсудить тот факт, что ты замужем? — спросила Скарлет.

— Здесь особо нечего обсуждать.

Я обедала с Мышью. Когда по всей стране начали открываться новые «Темные комнаты», мы сумели легально трудоустроить почти 90 процентов Баланчиных. Мы пили за наши успехи и говорили о старых временах.

— Я столкнулась с Ринко, — сказала она. — Помнишь ее?

— Конечно, я ее помню.

— Так вот, она меня даже не узнала. Я была представлена ей как Кейт Бонэм, криминальный авторитет Баланчиных, и она даже не поняла, что я Мышь, девчонка, которую она три года изводила в «Свободе». Я думала, что она наверняка свяжется со мной, но она этого не сделала.

— Она все еще повязана с кофе? — спросила я.

— Да. Трудное время настало у кофедилеров.

— Эти законы Рембо в отношении кофе не так сгруппировали, как с шоколадом.

— Я знаю об этом, — сказала Мышь.

— Что еще есть обсудить?

— Ну, от русских ничего не слышно. Мне не особо это нравится или верится. Однако, я слышала, что они направляют свой излишек в другие Семьи и страны. Так что вполне может быть, они смирились с тем, что Баланчины вышли из шоколадного бизнеса. — Она взяла напиток. — Может быть знания, что разбираться с Баланчинами означает разбираться с Оно, для них оказалось достаточно, чтобы успокоиться. Кто знает? Хотя я сомневаюсь в этом. Мы определенно услышим о них снова. Поздравляю со свадьбой, кстати. Я собиралась сделать тебе подарок, но не была уверена, что ты хочешь.

— Что купить дочери мафии, вступающей в неизбежно трагический брак по расчету.

— Это трудно, я права? — Она девушка, у которой все есть.

— Мне хочется, чтобы никто в этой Семье впредь не имел дел с незаконным шоколадом.

— Я постараюсь, Аня.

— Знаю.

Мы пожали друг другу руки. Объятия мы не любили.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Аня, подожди. Перед тем, как ты уйдешь. Спасибо тебе.

— За что, Мышь?

— За то, что рекомендовала меня Толстому. За такое огромное доверие мне, какое я никогда ни от кого не получала. За то, что никогда не расспрашивала о моем преступлении. За всю мою жизнь, на самом деле. Я не думаю, что ты понимаешь, как ты меня спасла.

— Верных друзей трудно найти, Мышь.

Последнего, кого я увидела прежде, чем уехала из города, был мистер Делакруа. Он пригласил меня на ужин, чтобы отпраздновать мой брак. Ресторан был открыт напротив «Темной комнаты». В этом квартале десятилетие не открывался новый ресторан.

Мистер Делакруа планировал баллотироваться на пост мэра. Он стал немного более популярен с тех пор, как помог мне открыть «Темную комнату». Если он на это решился, ему придется оставить бизнес.

— Я не уверен, что семейная жизнь согласуется с тобой, — сказал он. — Ты выглядишь очень усталой.

— Путешествия. — Моя стандартная отмазка.

— Я предполагаю, здесь нечто большее.

Я надменно взглянула на него.

— Мы не разговариваем о нашей личной жизни, коллега.

— Хорошо, Аня.

Официант предложил нам десерт. Я отказалась, но мистер Делакруа заказал пирог.

— Если бы ты была моей дочерью... — начал он.

— Я не ваша дочь.

— Но позволь нам устранить неверие и представить, что ты она и есть. Знаешь, ты слегка напоминаешь ее. Если бы ты была моей дочерью, я бы сказал тебе отпустить всякую вину, которую ты чувствуешь. Ты приняла решение. Может быть, оно было правильное, может быть, неправильное. Но решение принято. Все, что ты можешь делать, это продолжать двигаться вперед.

— Вы когда-нибудь жалели о принятом решении?

— Аня. Посмотри, с кем ты разговариваешь. Я – король сожаления. Но у меня хорошие шансы стать мэром через два года. Жизнь подверглась радикальным переменам, моя дорогая. Посмотри на нас. Не был ли я твоим страшным врагом в твои семнадцать лет? А теперь я твой друг.

— Я бы не стала преувеличивать очевидное, мистер Делакруа. Уже установлено, что мы — коллеги, не более. Кстати, я видела вашего сына на выпускном Нетти.

— Я знаю.

— Вы все всегда знаете.

— Вин сказал мне. Он сказал: «Я рад, что ты помог открыть ей свое дело, папа», — или что-то в этом роде. Он сказал – подумать только! – что ошибался. Моя челюсть почти упала на пол. Никто не подготовлен к тому, что сын скажет что-нибудь настолько же отвратительно типа: «Папа, ты был прав».

— Ну, разве хорошие новости не приходят слишком поздно? — Я повернула обручальное кольцо вокруг своего пальца.

— Моя дорогая, для них никогда не поздно. Не хочешь ли доесть мой пирог? И, пожалуйста, выпишь. У тебя завтра рейс.

— Мистер Делакруа, — сказала я. — Если вы решили баллотироваться в мэры, у вас будет моя полная поддержка.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Ты решила, что не будешь скучать по мне в «Темной комнате».

— Нет, это не так. Я буду скучать по вашим советам больше, чем могу выразить это словами. Однако я готова пожертвовать вами во благо. В эти годы мы работали вместе, вы направляли меня все это время вперед. Всякий раз я прислушивалась к вам. И увидев Берту Синклер в действии, я предпочла бы вернуть вас обратно.

— Спасибо, Аня. Поддержка и комплименты коллеги всегда приветствуется.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XVIII

Я СНОВА СКОРБЛЮ

В конце сентября в Осаке был разгар сезона тайфунов. Мой рейс задержали из-за непогоды на несколько дней. Когда я наконец-то прилетела, землю хлестали ливни, и единственным видом из моего окна был занавес дождя. Обычно такая перспектива успокаивала меня, но не сейчас. Благодаря разговорам с телохранителем Юджи и самим Юджи, а также тому, что осталось невысказанным, я начала пугаться нежелания видеть своего мужа перед смертью.

Я пошла прямо в его комнату. Он был подключен к кислородному баллону. Ему такие меры не нравились. Я понимала, что конец близок. С каждой нашей встречей его становилось меньше. У меня мелькнула странная мысль: если Юджи не умрет, то, возможно, просто исчезнет.

— Я обещал не умирать, пока тебя нет, — сказал он.

— Похоже, ты едва сдержал обещание.

— Как Америка?

Я рассказала ему о своих приключениях с большим азартом и юмором, чем оно было на самом деле. Думаю, я хотела развлечь его. Он сообщил о прогрессе, достигнутом в японских клубах. Мы поговорили о наших родителях. Ни один из них не был в живых. Недолго думая, я попросила его передать привет матери, отцу и бабушке, если ему доведется увидеть их на небесах.

Он улыбнулся мне.

— Думаю, ты знаешь, что я не собираюсь на небеса, Аня. Во-первых, я плохой человек. И, во-вторых, я не верю в такое место. Не знаю, веришь ли в него ты.

— Я слаба, Юджи. Я верю, когда мне удобно верить. Я не хочу думать, что ты можешь в конечном итоге уйти вникуда, в некую черную пустоту.

Дождь прекратился и, хотя его врач был против, он хотел прогуляться. Территория усадьбы была прекрасной, несмотря на влажность, я была рада оказаться снаружи.

Ходьба и разговоры вскоре утомили Юджи. Оно, даже с кислородным баллоном в руках он скоро начал задыхаться. Мы расположились на скамейке у пруда с карпами.

— Мне не нравится умирать, — сказал он мягко после того, как его дыхание урегулировалось.

— Ты как будто говоришь о нелюбимой еде. Я вот не люблю брокколи.

— Я не помню, чтобы ты была смешной. Это мое воспитание. Нас учат держать многое внутри. Но мне не нравится умирать. Я предпочел бы быть живым, чтобы бороться, планировать, замышлять, потворствовать, побеждать, предавать, есть шоколад, пить сакэ, дразнить, любить, умирать со смеху, чтобы оставить свой след в этом мире...

— Мне жаль, Юджи.

— Нет. Я не хочу твоей жалости. Я только хочу сказать, что мне она не нравится. Мне не нравится боль. Мне не нравится, что творится с моим телом и что оно является предметом повседневных обсуждений. Мне не нравится быть похожим на зомби.

— Ты все еще красив, — сказала ему я. Так оно и было.

— Я зомби, — повторил он, криво улыбаясь. — Мы должны жить как рыбы, — сказал Юджи. — Посмотри на них. Они плавают, едят, умирают. Они не заморачиваются мелочами.

Юджи умер рано утром. Когда Кадзуо сказал мне об этом, я опустила голову, но не позволила себе плакать.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Это случилось умиротворенно? — спросила я.

Кадзуо некоторое время не отвечал.

— Он был в агонии.

— Он что-нибудь сказал напоследок?

— Нет.

— Оставил ли он какое-нибудь сообщение для меня?

— Да. Он написал вам записку.

Кадзуо протянул мне лист. Почерк Юджи был очень легким. Я прищурилась, прежде чем поняла, что сообщение было написано на японском языке. Я вернула лист Кадзуо.

— Я не могу это прочесть. Вы переведете его для меня?

Кадзуо глубоко поклонился.

— Я не вижу смысла в написанном. Мне очень жаль.

— Попробуйте. Если вы не возражаете. Может быть, я увижу тут смысл.

— Как пожелаете. — Кадзуо откашлялся. — Моей жене. Рыбы умирают без сожаления, потому что рыбы не любят. Я умру с сожалением, но я рад, что я не рыба.

Я кивнула.

Я опустила голову.

Я не любила его, но я буду ужасно по нему скучать.

Он понимал меня.

Он верил в меня.

Не лучше ли это любви?

Может быть, рыба любит. Откуда Юджи мог знать об этом?

Возможно, это был знак отрицания, но я не привезла черную одежду в Японию. Одна из горничных одолжила мне мофуку — черное траурное кимоно. Я надела его, а потом посмотрела на себя в зеркало. Мне показалось, что я кажусь старше. Я вдова. Возможно, так вдовы и выглядят.

Похороны начались как и любые похороны. На тот момент их уже выпало много на мою долю. Они проходили на японском, но не так уж важно, на каком языке они проходят. Крошечная комната со светлыми сосновыми, как изнанка бедняцкого гроба, стенами, была заполнена коллегами Юджи и его родственниками так, что я даже не видела, кто стоял сзади. На алтаре тлел ладан, в воздухе пахло приторно-сладким запахом синтетического пирожного с миндальным кремом, а также сандаловым деревом. (Неважно, сколько мне лет, я никогда не перестану ассоциировать аромат пирожных со смертью). В голубой вазе стояли орхидеи, а белые лилии плавали в неглубокой деревянной миске.

Люди говорят, что мертвые на похоронах выглядят мирными. Этот милый сантимент не соответствует действительности. Мертвые выглядят мертвыми. Тело-то довольно мирное, оно не кашляет, не хрипит, не спорит, не двигается, но это — шелуха, и ничего больше. Тело, когда-то принадлежавшее Юджи Оно, было одето в свадебную одежду. Руки, сжимавшие его любимый самурайский меч, располагались так, что его ампутированный палец был вне поля зрения. Рот был странно изогнут в почти улыбку, такое выражение лица Юджи при жизни не было свойственно. По мне, это был не Юджи, и уж точно мирным его не назовешь.

Священник подал нам знак подойти и оставить ладан у алтаря. После этого люди направились посмотреть на тело, хотя там мало что можно было увидеть. Оно было слоем пустой плоти с грудой костей. Яд Софии убил его неторопливо и ужасно.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Хотя и было принято принести соболезнования вдове, женщина с копной черных волос под широкополой темно-серой шляпой прошла мимо меня к алтарю. Она была выше почти выше всех на похоронах.

Даже со спины женщина казалась измученной. Ее плечи дрожали, она что-то шептала. Я думала, что она молится, хотя не могла разобрать слов или языка. Она подняла руку и задвигала ею, явно осеняя крестным знамением. Чем дольше я рассматривала ее, тем больше ее волосы казались мне высококачественным париком. Что-то было не так. Я встала и сделала три шага к алтарю. Я хотела положить руку на плечо женщины, но вместо этого задела ее волосы. Черный парик соскользнул, обнажая ее каштановые волосы.

София Биттер обернулась. Ее большие темные глаза покраснели, веки опухли, как и губы.

— Аня, — сказала она, — ты думала, я не приду на похороны своего лучшего друга?

— Собственно, да. Это ты его убила, и хорошие манеры должны были продиктовать тебе не приходить.

— У меня нет хороших манер. Кроме того, я убила его только из-за любви.

— Это не любовь.

— А что ты знаешь о любви, liebchen* (нем. «Милочка»)? Ты вышла замуж за Юджи по любви?

Я толкнула ее к гробу. Мы привлекли внимание других гостей.

— Он предал меня, — настаивала София. — Ты знаешь, что он сделал.

Пальцы дернулись к мачете. Я подумала о Юджи, предлагавшем мне убить ее, но к лучшему или к худшему, во мне так и не проснулись задатки убийцы. София Биттер совершила чудовищные преступления, но в моей памяти мелькнул портрет девушки, о которой рассказывал Юджи. София когда-то была молоденькой, непопулярной и растерянной. Она думала, что некрасива, хотя была просто обычной. Она убила, пожалуй, единственного человека в мире, который ее любил. И ради чего? Ради власти? Денег? Шоколада? Ревности? Любви? Знаю, она говорила себе, что ради любви, но этого не могло быть.

— Уходи, — сказала я. — Ты проявила свое почтение, которое они заслужили, и теперь должна уйти.

— Я буду присматривать за тобой, Аня. Удачи с открытием остальных клубов в Японии.

— Это угроза? — Я представила, как она устраивает смуту на одном из открытых клубов.

— Ты очень подозрительная молодая женщина.

— Наверное, так. Будь мы в Америке, тебя бы арестовали.

— Но мы не там. И отравление – идеальное преступление. Оно требует терпения, но его очень трудно доказать. Кстати, каковы твои планы после похорон? Может, пообедаем? Девичьи разговоры и шоколад. К сожалению, я завтра уезжаю. Ты не одна, кто занимается бизнесом, хотя ведешь себя, как будто так и есть. Это не оставляет нам времени наверстать упущенное. Печально.

— Я чувствую жалость к тебе. Он любил тебя, а ты убила его, и теперь никто никогда не полюбит тебя снова.

Ее глаза стали черными от ненависти. Только произнеся это, я поняла, что ничего, кроме уверения, что другие находят ее жалкой, не могло возыметь такого эффекта над этой женщиной. Она бросилась ко мне, но я не боялась ее. Она была слабой и глупой. Я позвала Кадзуо и попросила показать ей, где находится дверь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XIX

Я ДАЮ КЛЯТВУ ОСТАТЬСЯ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Не смотря на то, что на дворе был белый день, я вернулась в свою комнату в доме Юджи, чтобы поспать. Я морально устала, если не физически. Я легла на кровать, даже не потрудившись снять свое черное кимоно.

Я проснулась за полночь, в комнате было неуютно и пахло плесенью. Мои одежды пропитались ароматом ладана, и я жаждала прогуляться, чтобы немного подышать свежим воздухом. Хоть я и не особенно заботилась о своей безопасности, я примотала мачете под кимоно.

Я направилась по тому же пути, по которому гуляла с Юджи несколько дней назад. Я пришла к пруду с карпами и уселась на древнюю каменную скамейку. Я наблюдала, как оранжевые, красные и белые рыбки плавали и резвились в нем. Я созерцала этих рыб. Было поздно – они породистые? Когда же рыбы спят? Спят ли они вообще?

Я расстегнула кимоно, которое слишком туго затянула прислуга.

Я посмотрела на свои руки и обручальное кольцо. Слишком большое для этого эксперимента, подумала я.

В эту ночь ярко светила луна, и я смогла увидеть свое отражение в воде. Я смотрела на Аню Баланчину и как рыбы плавали по ее лицу. Она, казалось, была на грани слез, и я ненавидела ее за это. Я сняла обручальное кольцо и швырнула его в нее.

— Это был твой выбор, — сказала я. — Ты не должна чувствовать печаль.

Мне было двадцать лет. Я вышла замуж и вот я вдова. В этот момент я решила больше никогда не выходить замуж. Мне не понравилось украшение, говорящее, что я теперь чья-то собственность, пафосные зрелища свадеб, и тот факт, что соединение своей жизни с чьей-то еще означает пустить печаль в свою дверь. Я не создана для брака по любви или иной другой причине, или, возможно, брак не создан для меня.

Бизнес имел смысл, пока соглашение не стало настолько сложным. Я не видела причины в будущем соединить свою жизнь с кем-то еще. Женившись по любви, всегда можно разлюбить (пример: мои родители, родители Вина). Если вы женитесь из-за бизнеса, отношения отказываются оставаться деловыми. Кроме того, я упорно трудилась, сделала трудный выбор, и построила нечто иное, чем офигительный дом из подростковой мечты. Я не желаю идти по стопам чьих-то историй и ошибок, а также не хочу, чтобы кто-то шел по моим. Кроме того, кто сможет быть со мной, не осуждая меня? Кто сможет понять, почему я сделала все эти вещи, которые сделала? Я сидела посреди ночи на жесткой каменной скамье в чужой стране и думала: зачем мне снова выходить замуж?

Поэтому я решила остаться одинокой. Как вариант периодически заводить любовника. (Католическая школьница во мне была шокирована этой мыслью; я сказала ей, что нас выгнали из католической школы, поэтому она должна заткнуться.) Тео фактически был моим любовником, и посмотрите, что из этого вышло. Определенно, лучше остаться одной. Я хотела бы заполнить свое свободное время продуктивным хобби. Я бы стала читать, как Имоджен, пошла бы на кулинарные курсы, научилась бы танцевать, стала бы волонтером, помогая детям-сиротам, приняла бы более активное участие в роли крестной Феликса. Я хотела бы написать мемуары.

(Примечание: даже много лет спустя мне трудно признать это. Бракосочетание с Юджи Оно, несмотря на все хорошее, что было сделано для «Темной комнаты», вероятно, войдет в историю как самая ужасная ошибка в моей жизни. Каждый, кто читает эти записи, знает, что совершила я их много. В тот вечер я совсем не была готова признать, что ошибка была моя, а не самого института брака.)

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Во время раздумий я почувствовала, как что-то ударило меня под левую лопатку. Это было как-то неправильно, но тем не менее, не показалось мне значительным. Что-то тупое, среднего размера, безвредное. Софтбольный мяч или грейпфрут. Взглянув вниз, я увидела, что моя грудь пробита сверкающим острым лезвием. Вдруг лезвие исчезло и рана закровоточила. Больно не было, видимо, из-за адреналина. Я попыталась достать мачете из-под кимоно, но одеяние было таким объемным, что я промедлила. Когда я обернулась, лезвие вошло куда-то в нижнюю часть моей спины. Я попыталась встать, но правая нога отказала и я упала, ударившись подбородком и шеей об каменную скамью. София Биттер надо мной держала меч. Ее взгляд говорил, что она не остановится, пока я не буду мертва.

Как она проникла в усадьбу? Кто еще был с ней? У меня не было ни секунды на размышления. Я хотела жить. Мне нужно было время, чтобы добраться до мачете, поэтому я решила поговорить с ней.

— Почему? — Мой голос был едва громче шепота — я повредила гортань, когда упала на скамейку. — Что я тебе сделала?

— Ты знаешь, что ты сделала. Я бы предпочла отравить тебя, но у меня нет ни времени, ни доступа. Мне придется смириться с этим. — Она приподняла меч и подняла его выше.

— погоди, — прошептала я так громко, как могла. — Прежде чем ты убьешь меня... Юджи просил кое-что сказать тебе. — Это была жалкая уловка с моей стороны, и у меня уже почти не было веры, что она сработает.

Она закатила глаза, но опустила оружие.

— Говори.

— Юджи сказал мне...

— Громче.

— Я не могу. Горло. Пожалуйста. Подойди ближе.

Она присела. Мы оказались с глазу на глаз. Я чувствовала щекой ее дыхание. Запах был немного едкий, как если бы она выпила кофе. Я вспомнила о том, как папа готовил на плитке кофе для мамы. Ах, папа, было бы здорово увидеть тебя снова. Я чувствовала, что мои веки начинают закрываться.

— Говори, — повторила она. — Что сказал Юджи?

— Юджи сказал... Он был так красив, правда же?

София ударила меня по лицу, но я даже не почувствовала этого.

— Перестань увивать!

— Юджи сказал, что рыба не сожалеет, потому что...

— У тебя не никаких чувств.

Я была почти без сознания, когда почувствовала, как что-то щекочет мое бедро. Это могло быть только одно — павлинье перо, которое я вставила в свои ножны — перо Вина. Достань мачете, подумала я. Мачете предназначены для рубки, а не чтобы колоть, но мои травмы ставили меня в очень невыгодное положение. Но я знала, что это был мой единственный шанс.

Я сжала пальцы на мачете. Подтянула руки высоко, насколько могла, и обрушила их перед собой, пронзая, как я надеялась, ее сердце. Я вытащила мачете. Она упала в пруд с карпами, и как ни странно, я почувствовала вину из-за беспокойства, которое было причинено рыбам.

София Биттер однажды дала мне хороший совет. Как там она сказала? Не трудно ранить, если собираешься убить.

Я пыталась позвать Кадзуо, но мой голос подвел. Я понимала, что быстро теряю кровь, и если только не попаду к врачу, то умру.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я попыталась встать, но не смогла. Я не чувствовала свою левую ногу. Испугаться я не успела. Я тащила себя руками по каменной дорожке. Наверное, до дома было около тысячи футов, а еще я оставляла кровавый след за собой.

Мое сердце билось быстрее, чем я могла когда-либо припомнить такое. Я задалась вопросом, сможет ли оно выскочить.

Когда я была примерно на полпути, из кустов вышел мужчина с крюком вместо руки. Я узнала его. Мое преимущество в тот момент состояло не в том, что я могла бы обогнать любого, а в том, что я была вровень с землей.

— София! — позвал мужчина.

Очевидно, она не ответила.

Я видела, как он смотрел на кровавый след, но он не притормозил, чтобы рассмотреть, идет ли он к дому или прекращается. В этот момент на тропинке появилась кошка Юджи Оно, направляясь в сторону пруда кои. Затем, заметив меня, кошка остановилась — я боялась, что она направится в мою сторону — а она, мяукнув, привлекла внимание мужчины. Она продолжала идти к пруду с карпами, и он последовал за ней.

Я дотащила себя до комнаты Кадзуо. Адреналин начал выветриваться и боль стала не иначе как мучительной. Я поскреблась в дверь. У Кадзуо чуткий сон, и он тут же был на ногах.

— София Биттер мертва. Ее телохранитель в поместье. Могут быть и другие, я не знаю. Кроме того, мне надо в больницу, — вот что мне удалось сказать.

Я всегда думала, что умру молодой. Я думала, что умру из-за связи с преступностью и шоколадом, но это происходило из-за любви Софии (и моего собственного неправильного выбора, что отразилось на мне).

Боже святы, подумала я перед тем, как мое сердце остановилось. София Биттер действительно любила Юджи Оно. От этого я чуть не рассмеялась: некоторые никогда не расправлялись так со своими бойфрендами из старшей школы.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XX

ПООБЕЩАВ БЫТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ, Я НИКОГДА НЕ ОДИНОКА

Очнувшись, я оказалась на больничной койке. Не знаю, по какой причине, этот раз отличался от предыдущих ранений. Ничего не болело, но тело было странно, зловеще онемевшим.

Миниатюрная медсестра что-то обнадеживающе сказала на японском. Казалось, она говорила: «Да, ты не мертва!» Но я не могла говорить и она выбежала из комнаты.

Спустя несколько мгновений вошел доктор, а с ним были мистер Делакура и моя сестра.

Я поняла, что все серьезно, раз Нетти вызвали в Японию. Она взяла меня за руку.

— Анечка, ты очнулась, слава Богу. — Ее глаза наполнились слезами. Мистер Делакура остался в углу, как прокаженный. Мне не показалось особенно странным, что он пришел, хотя дело было в Японии. Мне нездоровится, и ему или Тео понадобилось совершить поездку.

Я пыталась заговорить, но в горле оказались трубки. Я нажала на них, и медсестра схватила меня за руку.

— Вы помните, что с вами случилось? — спросил доктор. Облегчением было то, что он говорил по-английски.

Я кивнула, потому что это был единственный ответ, который я могла дать.

— На вас напали и пронзили. — Он показал мне диаграмму: я была представлена одномерной мультипликационной девочкой с пугающей чередой красных крестиков, указывающих на области травм. Девушка явно наделала много ошибок.

— Первое ранение случилось под лопаткой с проникновением в грудь пониже ключицы. По пути была задета стенка вашего сердца. Второе ранение проникло в поясницу, оторвав нервы вдоль левой стороны позвоночника. Именно поэтому вы не можете почувствовать свою левую ногу.

Я кивнула — по той же причине, что и раньше.

— К счастью, рана была нанесена очень низко. Немного выше, и ваша нога могла бы больше не функционировать. Немного ближе к центру — и вы полностью парализованы. Другая хорошая новость: ваша правая нога должна функционировать идеально, и вполне вероятно, что вы сможете нормально ходить, но никто не может сказать, сколько времени это займет.

Я кивнула, полагая, что закатывание глаз создаст путаницу.

— Травма сердечной стенки повлекла ряд сердечных приступов. Нам пришлось сделать операцию на сердце и залатать стенку, чтобы восстановить его нормальную деятельность. Вы сломали лодыжку, поэтому, как вы можете заметить, ваша нога в гипсе. Мы подозреваем, что вы пытались встать в какой-то момент после того, как вас ранили, тогда-то должно быть и вывихнули ногу.

Я не заметила, но теперь увидела, что так оно и есть. Что не делает морю погоды, так как мои ноги не работали вообще и, очевидно, это была только одна из многих проблем.

— Кроме того, вы сильно ушибли гортань, но так как вы были интубированы* (прим.пер. введена трубка с целью обеспечения проходимости дыхательных путей), мы пока не можем знать перспективы этой травмы. Вы находитесь на морфине, пока боли чувствовать вы не должны. Я не хочу приукрашивать ситуацию, мисс Баланчина. Вам предстоит долгая реабилитация.

Он, вероятно, не должен был говорить последнее предложение. Факт того, что донести до меня поверхностное описание моих ран заняло две минуты, был довольно хорошим знаком того, что я не оправлюсь еще некоторое время.

— Я оставляю вас на ваших друзей, — сказал доктор и ушел.

Нетти села на мою кровать и немедленно начала плакать.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Анни, ты почти умерла. Болит?

Я покачал головой. Нет. Позже накроет.

— Я останусь, пока тебе не станет лучше.

Я снова покачала головой. Я была рада видеть ее, но даже в нынешнем состоянии я не могла придумать ничего хуже этого, когда ей полагается быть в колледже.

Мистер Делакруа подошел к моей кровати. Он ни разу не заговорил во время этой сцены.

— Я, конечно, посещал открытия японских клубов, пока ты не в состоянии.

Я хотела сказать спасибо, но не могла.

Он посмотрел на меня изучающим и безэмоциональным взглядом. Затем кивнул и вышел.

Нетти поцеловала меня, и хотя я только очнулась, меньше, чем полчаса назад, я уснула.

А теперь легкая ирония: я, которая только недавно клялась, что останется одна, вообще не оставалась в одиночестве. Я никогда не была так унижена. Я ничего не могла сделать. Я не могла добраться до ванной без посторонней помощи. Я не могла есть без посторонней помощи. Подъем руки до рта вновь разрывал швы на спине и груди, таким образом, мне приходилось оставаться неподвижной. Хуже младенца, потому что я была слишком громоздкой и неочаровательной.

Я не могла принять ванну. Не могла расчесать волосы. Очевидно, не могла ходить по комнате. Ребра сломали во время операции по восстановлению моего сердца, что было больно, слишком больно. Некоторое время меня считали слишком хрупкой даже для того, чтобы посадить в инвалидное кресло. Я не была на открытом воздухе в течение недели. Было больно говорить, поэтому я избегала этого, а писать еще больнее. Поэтому я шептала. Что тут сказать? Я больше не чувствовала себя хорошо. Меня не интересовали новости из дома. Не волновала забота о Семье или о клубах.

До этого я лежала в больницах; болела и я раньше. Но те разы не идут ни в какое сравнение с этим. Я не могла ничего делать, кроме как лежать в постели и пялиться в окно. Я не замышляла никакой мести. Я убила Софию Биттер и устала.

Полиция наведывалась ко мне. Поскольку София напала на меня, дело казалось им довольно шаблонным. Мы обе были иностранками — гайдзинами, и поэтому никого не заботило, каковы были ее, или на то пошло, мои причины.

Приблизительно через неделю обихаживания у меня больше не осталось причин для неловкости. Ну зачем беспокоиться, когда грудь выставлена на обозрение при замене швов на груди? Ну зачем беспокоиться, распахнулся ли мой больничный халат, когда под меня суют утку? Ну зачем беспокоиться, что я не могу ничего сделать без помощи, по крайней мере, еще одного человека? Я пустила все на самотек. Я ни с кем не боролась, как делала моя бабушка. Я сладко улыбалась и позволяла уделять себе внимание. Я была похожа на сломанную куклу. Мне хотелось верить, что медсестрам я очень сильно нравлюсь.

Хотя я уже перестала волноваться по большей части, у меня оставалась одна забота: Нетти. Она была превосходным защитником в те первые дни. Хотя я была разбита, мне больше не грозила смерть. Я хотела, чтобы она вернулась в колледж.

— У меня есть медсестра и мне не нравится, что ты не в школе, — сумела я сказать самым бодрым голосом, который только смогла из себя выдавить.

— Но ты будешь одинока, — ответила Нетти.

— Я не одинока, Нетти. Я вообще не остаюсь одна.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Это не то же самое, Аргон, и ты это знаешь. Ты чуть не умерла. Врачи говорят, что у тебя впереди месяцы восстановления. Ты не можешь переехать, и я не оставлю тебя здесь одну.

Я попыталась сесть на кровати, но не смогла.

— Нетти, твое пребывание здесь меня не расслабляет. Мне важно знать, что ты находишься в колледже, обучение – это важная вещь.

— Это смешно, Анни. Я не оставлю тебя.

Из темного угла комнаты мистер Делакруа произнес:

— Я останусь с ней.

— Что? — спросила Нетти.

— Я останусь с ней. Она не будет одинока.

Нетти стала очень высокой. Она одарила его своим особым выражением лица – сложной комбинацией королевы и гангстера, которое я видела много раз прежде, когда она смотрела на бабушку.

— При всем уважении, мистер Делакруа, я не оставлю сестру с вами. Я даже не знаю вас толком, а то, что знаю, мне не очень-то нравится.

— Доверься мне, Нетти, — сказал мистер Делакруа. — Это к лучшему. Я останусь с ней. Я уже веду дела в Японии. — Он снял куртку и повесил ее на стул, как бы намекая, что он планирует остаться. — Помнишь тот год, когда она отравилась в «Свободу»?

— Да, именно поэтому вы мне не нравитесь.

— По сути, она обменяла свою свободу на то, чтобы ты могла отправиться в лагерь для одаренных детей в Амхерсте. У меня получилось заключить сделку с Аней из-за ее большой любви к тебе. И то, чего она хотела в том году, не отличается от того, что она хочет прямо сейчас. Уважь ее желания и оставь ее. Можешь называть меня, как тебе нравится, но я доставлю ее домой летом, когда перелет станет для нее безопасным.

Нетти обернулась ко мне.

— Ты предпочитаешь оставить его, а не меня? Ты предпочитаешь ужасного отца Вина, которого мы привыкли ненавидеть? Я имею в виду, что даже его сын, самый лучший парень в мире, который со всеми ладит, ненавидит его.

Конечно, я предпочла бы Нетти, но больше всего мне хотелось, чтобы она вернулась в школу.

— Да, — сказала я. — Кроме того, разве он не задолжал мне хотя бы одну услугу в своей жизни?

Нетти повернулась к мистеру Делакруа.

— Если ей даже на мгновение станет хуже, немедленно свяжитесь со мной. Вы должны видеть ее как минимум раз в день и убедиться, что о ней хорошо заботятся. И я также жду отчетов. — Она в гневе вышла из комнаты и через три дня вернулась в МТИ.

— Спасибо, — сказала я ему позже в тот же день, или, может быть на следующий. Я много спала и часто путала дни. — Но вам не нужно так часто проверять меня. У меня есть медсестры. Я буду в порядке. Как-то неудобно влипать в неприятности, когда находишься в таком в состоянии.

— Я обещал твоей сестре. А я человек слова.

— Нет, вы не такой.

— Аня, не хочешь ли ты обсудить со мной некоторые детали бизнеса? «Бар света» в Хиросиме...

— Мне плевать. Уверена, все, чтобы вы не решили, будет правильным.

— Ты должна попробовать.

— Попробовать сделать что? Мне не нужно ничего делать, кроме как лежать здесь, мистер Делакруа.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

На этой неделе они отключили меня от морфина, и это оказалось лучшим развлечением в подобного рода одиночестве.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXI

Я СЛАБА; РАЗМЫШЛЯЮ ОБ МЕНЯЮЩЕМ ХАРАКТЕРЕ БОЛИ, ОПРЕДЕЛЯЮ, КАК МОЙ ХАРАКТЕР БЫЛ СФОРМИРОВАН

Мистер Делакруа ежедневно заглядывал на пару часов. Уверена, компаньонка из меня была ужасная. Как-то в конце октября он принес шахматы.

— Что это? — спросила я. — Думаете, я хочу играть в эту игру?

— Ну, мне скучно с тобой, — сказал он. — Ты не желаешь обсуждать дела и ничего даже чуточку смешного не говоришь, вот я и подумал хотя б в шахматы поиграть.

— Не умею в них играть.

— Великолепно. Тем более надо заняться этим.

— Если вам скучно со мной, так может вернетесь в Америку? У вас остались там дела.

— Я обещал твоей сестре.

— От вас не ожидают исполнения обещаний, мистер Делакруа. Все знают, каков вы.

Он поправил подушку под моей головой. Мне было неудобно сидеть, но я старалась не подавать виду.

— Так нормально? — спросил он мягко.

Я стиснула зубы и кивнула. Ни единая часть моего тела не чувствовалась и не функционировала как раньше. Я думала о Лео, когда он попал в аварию, о Юджи, и, конечно, о бабушке. Я не была достаточно терпелива с ними.

Он поставил шахматную доску на столик моей кровати.

— Пешки ходят только вперед. Они кажутся неинтересными, но выигрыш или проигрыш зависит от того, как ходит пешка, что имеет вес, и политик во мне прекрасно об этом знает. Королева очень влиятельна. Она может делать все, что захочет.

— Что произойдет, если ее ранят?

— Игра продолжится, но будет гораздо труднее победить. Лучше приглядывать за своей королевой.

Я взяла черную королеву в руку.

— Я чувствую себя глупо, мистер Делакруа, — сказала я. — Вы без конца твердили мне нанять охрану. Если бы я вас послушала, то не оказалась бы в таком положении. Должно быть, вы рады, что были правы.

— В данном случае я не рад, что оказался прав, да и ты не должна винить себя. Ты была бы не ты, если бы не настаивала на том, что будешь поступать по-своему.

— Поступать по-своему на данный момент кажется довольно глупым.

— Это в прошлом, Аня, — сказал он будничным голосом. — Мы находимся там, где находимся. София Биттер была психопаткой, я поражен, что тебе удалось выжить. Теперь конь — он, пожалуй, наиболее сложная фигура для игрока. Он ходит буквой «Г».

— Откуда вы знаете, что конь это он? — спросила я. — Любой может оказаться под этой броней.

Он улыбнулся мне.

— Хорошая девочка.

В конце ноября я выписалась из больницы и вернулась в поместье Юджи Оно. Со мной поехала медсестра и устроила меня в старую комнату Юджи, наиболее удобное помещение в доме. Я старалась не думать о том, что последний обитатель этой комнаты умер медленно и мучительно.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

К декабрю я передвигалась с ходунками. В феврале у меня появились костыли. К середине марта сняли гипс, обнажив поразительно безжизненную ногу болезненных оттенков желтого, зеленого и серого. Что есть, то есть, здоровой она не выглядела: свод стопы был плоским, лодыжка тощей как запястье, а пальцы свернулись странно и бесполезно. Я смотрела на эти пальцы и спрашивала себя, какой цели они когда-то служили. Я предпочла бы избежать этого зрелища, хотя это было не вариант — мне приходилось постоянно смотреть на нее, потому что он не работала! Когда я ставила свою ногу, то не могла почувствовать землю. Они дали мне подпорку и трость. Я покачивалась как зомби. Это было совсем не скучно: приходилось должным образом приказать своему мозгу переместить ногу, а затем ноге переместить свою стопу, а затем проверить и посмотреть, где находится земля и так с каждым шагом.

Что по поводу остального тела? Не сказать, что я бы назвала его привлекательным. Широкие розовые шрамы расползались до середины груди, под плечо, под поясницу, на шею, в ногу и на ногу, и за подборок. Некоторые шрамы были от нападения, некоторые из-за предпринятых врачами мер по спасению моей жизни. Я выглядела как девушка, заколотая маньячкой и перенесшая операцию на сердце, короче именно той, кем я и была. Выходя из ванной, я старалась не рассматривать себя очень близко. Я носила длинные свободные платья с высоким воротником платья, в которых, как сказал мистер Делакура, я была похожа на фронтирских женщин* (прим. пер. Женщины, проживавшие в зонах освоения западных территорий США. Они носили закрытые платья без декольте).

По правде говоря, шрамы не очень беспокоили меня. Я гораздо больше смущалась из-за того, что моя нога плохо функционировала и гораздо сильнее раздражалась из-за постоянной боли вследствие повреждения нервов после удара в позвоночник.

Боль... в течение длительного времени это все, о чем я могла думать. У человека, известного как Аня Баланчина, тело заменили на больное. Я была пульсирующим, ноющим, чудовищно капризным шариком. Уверена, нахождение рядом со мной было не очень-то приятно. (Ну вы и так с самого начала не могли назвать меня жизнерадостным человеком.)

Я очень боялась поскользнуться и упасть и той зимой подолгу сидела в четырех стенах.

Я принялась за чтение.

Я играла в шахматы с мистером Делакура.

Я начала чувствовать себя чуть-чуть лучше. Даже собиралась взять планшет, но передумала. В нынешнем состоянии не хотелось ничего слышать от Вина. Однако я разговаривала с Тео, Мышью и Скарлет по телефону. Иногда Скарлет передавала телефон Феликсу. Он был не таким уж хорошим собеседником, но мне нравилось разговаривать с ним. По крайней мере, он не спрашивал меня о самочувствии.

— Что там у тебя происходит, парень? — спросила я.

Происходило вот что: у моего трехлетнего крестника появилась подружка. Ее звали Руби, и она была пожилой женщиной — ей исполнилось четыре. Она предложила пожениться, но он не был уверен, что к этому готов. Она была паинькой большую часть времени, но мальчик говорил, что она могла и покомандовать. Он не совсем был уверен, но подозревал, что возможно с помощью обмана уже женился на ней. Там был неоднозначный инцидент с поцелуем в крошечной гардеробной, а также что-то типа банки с пластилином, то ли одолженной, то ли подаренной. Так как ему не хватало словарного запаса, этот рассказ занял около часа, но это было прекрасно. Время у меня имелось.

А затем неумолимый в этом вопросе мир вступил в весну.

В поместье Юджи расцвели деревья сакуры, земля оттаяла, и я начала меньше бояться упасть. Появились даже признаки жизни в моей мертвой ноге, и я смогла более-менее заставить себя пойти, куда хотела, хотя на это уходило миллион лет.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Иногда я ходила к пруду, где на меня напали. Путешествие, которое занимало у меня меньше пяти минут полдюжины месяцев назад, теперь занимало сорок. Рыбы еще живы. Крови не было. Никаких доказательств, что там я убила и сама была почти убита. И в этом тоже, кстати, мир был неумолим.

Как правило, мистер Делакруа ходил со мной. Мы до сих пор не разговаривали толком о делах, о чем всегда говорили до этого. Вместо этого мы говорили о наших семьях: о его сыне и жене, о моем детстве, о его детстве, о моих родителях, о брате, сестре и бабушке. В детстве он осиротел. Его отец, который занимался кофе, покончил с собой, когда законы Рэмбо вступили в силу. В двенадцать его усыновила богатая семья, в пятнадцать он влюбился в девушку – в бывшую жену, маму Вина. Он переживал из-за развода и до сих пор любил свою жену, хотя признался, что был виноват, и что осталось мало надежды на счастливый конец.

— Это из-за клуба? — спросила его я. — Так вот почему вы развелись?

— Нет, Аня. Из-за более важного. Из-за лет пренебрежения и неправильных решений с моей стороны. Есть тысяча вариантов поступить правильно. Кстати, это чертовски много шансов. Но в итоге они заканчиваются.

Мистер Делакруа сподвигал меня выбраться из усадьбы Юджи хотя бы днем, но мне было лень. Я предпочитала ковылять там, где я буду незаметна.

— Однажды тебе придется покинуть это место, — сказал он.

Я старалась не думать об этом.

За неделю до конца апреля, в воскресенье, мистер Делакруа настоял на том, что мы должны выйти.

— У меня есть причина и ты не можешь с ней поспорить.

— Сомневаюсь в этом. Я могу спорить со всем.

— Ты забыла, какой сегодня день?

Ничего не приходило на ум.

— Пасха. День, когда даже такие грешные католики как ты и я прячут свои прегрешения у дверей в церковь. Я вижу, ты стала большей грешницей, чем я думал.

Я погрязла в грехах. Откровенно говоря, я считала себя неисправимой. Поскольку последний раз я ходила на мессу вместе со Скарлет и Феликом и убила человека. Нет смысла верить в небеса, если вы уверены, что единственное место, в котором окажетесь, это ад.

— Мистер Делакруа, вы не могли найти католическую церковь в Осаке.

— Католики есть везде, Аня.

— Я удивлена, что вы даже ходите на Пасху.

— Я полагаю, ты имеешь в виду, из-за того что я такой негодяй. Но именно грешники заслуживают ежегодного искупления части их греха, не думаешь?

Во внутреннем дворе стояли гранитные статуи Девы Марии и Иисуса. У обеих были японские черты лица. Обычно Иисус напоминал мне Тео, но в Осаке он больше походил на Юджи Оно.

Литургия была такой же, как в Нью-Йорке — в основном на латыни, хотя английские слова проскакивают в японском языке. Мне было нетрудно внимать ей. Я знала, о чем шла речь и когда надо кивать, поддакивать, когда от меня ждут ответа да или нет.

Я обнаружила, что думаю о Софии Биттер.

Я вдыхала запах ее крови, смешанной с моей.

Будь у меня шанс, я бы убила ее снова.

Наверное, я не окажусь на небесах. Никакая церковь и конфессия не исправят меня. Хотя пасхальная служба была прекрасной. Я была рада, что пришла.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Мы оба решили пропустить исповедь. Кто знает, вдруг священник говорит по-английски?

— Чувствуешь себя обновленной? — спросил меня мистер Делакруа на выходе.

— Чувствую нечто подобное. — Я хотела спросить его, убивал ли он, но сомневалась в этом. — Когда мне было шестнадцать, я поддерживала плохую репутацию. Постоянно ходила исповедоваться. Чувствовала, что всегда кого-то теряю. Бабушку, брата. У меня были плохие мысли о родителях. И, конечно, обычные нечистые мысли, которые приходят в голову девочкам-подросткам — ничего такого страшного. Но с тех пор я на самом деле нагрешила, мистер Делакруа. И я не могу перестать смеяться над девушкой, которая думала, что она такая ужасная. Она ничего не сделала. За исключением, может быть того, что родилась не в той семье, в неправильном городе и не в тот год.

Он остановился.

— А сейчас ты можешь назвать, что натворила ужасного?

— Я не собираюсь перечислять все. — Я замолчала. — Я убила женщину.

— В целях самообороны.

— Но все же, я больше хотела остаться в живых, чем оставить жизнь ей. По-настоящему хороший человек позволил бы ей умереть в пруде кои?

— Нет.

— Но даже если это правда, я не была безупречна. Она не выбирала меня наугад. Она выбрала меня, потому что поняла, что я что-то украла у нее. И я, наверное, так и сделала.

— Чувствовать вину бессмысленно, Аня. Помни: всем мил не будешь.

— Вы не можете всерьез в это верить?

— Приходится.

Однажды на исходе апреля я спросила его:

— Мистер Делакруа, почему вы все еще здесь? Вы должны заниматься делами в Штатах. Когда мы расстались, то обсуждали баллотирование в мэры.

— Мои планы изменились. Но это не исключено.

Мы подошли к пруду и он помог мне сесть на скамейку.

— Ты знаешь, наверное, что у меня была дочь?

— Сестра Вина, которая умерла.

— Да. Она была очень красивая, как ты. Была остра на язычок, как я. Да и ты тоже. Она появилась у нас с Джейн, когда мы были молоды, еще в средней школе, но к счастью, у родителей Джейн были деньги, так что это не повлияло на нашу жизнь слишком кардинально, как это могло бы быть при отсутствии денег. Моя дочь заболела. Это было изнуряюще для всех. Для моей бывшей жены, для моего сына. Алекса очень тяжело боролась за жизнь немногим больше года, а потом умерла. Моя семья перестала быть прежней. Я больше не мог находиться дома. Я делал вещи, которыми не горжусь. Я заставил их переехать в Нью-Йорк, чтобы получить должность окружного прокурора. Я думал, что это может стать новым началом, но это было не так. Я не мог быть с женой и с сыном, потому что становился слишком несчастным.

— Очень печальная история.

— Ты бы хотела, чтобы она стала еще печальнее?

— Нет. Мое сердце не выдержит, оно и так болезненное. Оно не сможет принять такое повествование.

— Мой сын в 2082 году переезжает в Нью-Йорк и в течение недели идет в совершенно новую школу, в течение этой же недели, которая является нашим новым началом, он умудряется влюбиться в девушку, точную копию его умершей сестры. Не внешне, но в поведении, в манере общения. Она обладает той редкой прочностью, которой даже у взрослых

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

женщин редко встретишь. Если мальчик и замечает это, то он никогда не упоминает, как будто он пребывает в блаженном неведении. Но в нашу первую встречу я был шокирован.

— Я бы не сказала.

— Я очень хорошо скрываю чувства.

— Как я.

— Как ты. У меня есть сомнения насчет мотивов моего поведения, когда ты встречалась с Вином. И в последнее время, становясь старше, я даже пожалел об этом.

— Вы? Пожалели?

— Немного. Итак, в 2087 я получаю второй шанс. Тео собирался приехать в Осаку, но я захотел сделать это сам. Помощь тебе — это искупление для меня. Я даже не думал, что имею право надеяться на это искупления.

— Потому что я напоминаю вашу дочь?

— Это так, да. Но ведь из-за тебя тоже. Ты присутствуешь в моей жизни. Я назвал тебя коллегой, но ты правильно сказала, ты мой друг. У меня было такое чувство, как будто весь мир отказался от меня после того, как я проиграл те выборы, но ты, имевшая все основания быть жестокой со мной, не стала этого делать. Помнишь, что сказала мне?

Я помнила.

— Я сказала, что не рассчитывала на вас. Вы были огромной занозой. Да и как я могла рассчитывать на вас? Кстати, я была милой.

— Как бы то ни было, это произошло в то время, когда очень немногие люди были добры ко мне, и твоя дружба с тех пор значит для меня больше, чем я могу это выразить словами. Я знаю, что я тяжелый человек. Я здесь, потому что должен быть здесь. Я здесь, потому что я знаю, какая ты. Знаю, что ты не попросишь о помощи, когда в ней нуждаешься. Ты гордая, упрямая и я не могу оставить тебя в чужой стране сломленной и одинокой. Давно ты сделала для меня добро, и несмотря на то, что ты или другие могут думать обо мне, я плачу по своим долгам.

Начался дождь и он помог мне встать со скамейки. Он предложил мне свою руку и я взяла ее. Дорога была скользкой от влаги, договориться с искалеченной ногой стало труднее.

— У тебя получается намного лучше, — сказал он. — Просто иди медленнее.

— У меня нет выбора, кроме как идти медленно.

— Почти лето, Аня. Тебе стало гораздо лучше, и дела с «Барами света» закончены. Думаю, нам стоит вернуться в Нью-Йорк.

Я некоторое время не отвечала. Мир, который я покинула, с лестницами и автобусами, парнями, заговорами, бандитами, казался слишком большим, чтобы его даже воспринять.

— Так что? — спросил мистер Делакура.

— Мистер Делакура, если я скажу вам кое-что, обещаете, что не будете осуждать меня? Я чувствую себя слабачкой, говоря это, но я боюсь вернуться. Городом так трудно управлять. Я чувствую себя лучше, но знаю, что я никогда не буду как раньше. Я не хочу сталкиваться с Семьей или с людьми по работе, и я еще не чувствую себя достаточно окрепшей, чтобы вернуться к своей жизни.

Он кивнул. Я думала, он скажет, чтобы я не боялась, но он не стал.

— Тебе должно быть жутко больно, я могу понять, почему ты так думаешь. Позволь мне придумать план.

— Я не намекала вам суетиться. Только хотела сказать, что чувствую.

— Аня, если ты говоришь мне о проблеме, я постараюсь ее решить.

На следующий день он предложил решение.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Моя бывшая жена, мисс Ротшильд, владеет фермой за пределами Олбани, в городке под названием Нискайуна. Возможно, ты помнишь, что она фермер по профессии?

Я помнила. Вин помогал ей. Я вспомнила, что в первый раз, когда я его встретила, подумала, что его руки не похожи на руки городского мальчика.

— Ферма находится в очень тихом месте. И Джейн будет рада принять тебя и твою сестру на лето. Ты можешь отдохнуть, скинуть бремя городской жизни. Я буду навещать, когда смогу. А потом в конце лета ты вернешься в Нью-Йорк новой женщиной, я чувствую полную уверенность в этом.

— Она не сердится на меня из-за клуба?

— Это было несколько лет назад, и она винит меня, а не тебя, за все, что могло бы случиться. Она всегда была в ужасе от моего поведения, в чем вы сходились во мнении, как ты, наверное, догадалась. Если ты беспокоишься по поводу того, что Вин будет там, то я полагаю, что он будет проходить программу медицины в Бостоне. Он приедет в Нискайуну на пару дней в конце августа, это самое большое.

— Хорошо. Я не в состоянии видаться с ним.

— Так ты поедешь?

— Поеду. Всегда хотела уехать из города летом.

— Ты никогда не выезжала?

— Один раз я была близка к тому, что бы поехать в летний лагерь для юных криминалистов с программой для начинающих в Вашингтоне, округ Колумбия, но заключила сделку с окружным прокурором, который отправил меня вместо этого в «Свободу».

— Я предполагаю, что опыт сформировал твой характер.

— Да, так и было. Это было колоссально. — Я закатила глаза. — Хотя у меня нет недостатка в этом.

— На данный момент, — сказал он, — я думаю, мы можем смело считать, что твой характер сформирован.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXII

Я ПОЛУЧАЮ ОПЫТ ЛЕТНЕЙ ЖИЗНИ; ЕМ КЛУБНИКУ; УЧУСЬ ПЛАВАТЬ

Белый с серыми ставнями дом в Нискайуне. Позади него пристань, где весело течет река Мохок. С краю сельхозугодия – я видела персиковые деревья, кукурузу, огурцы и помидоры. Как по мне, это место выглядело летним царством, но это было не то лето, которое я когда-либо знала. Лето в моем представлении было другим, там жили более удачливые люди.

Мисс Ротшильд встретила меня объятиями и тут же за этим последовало выражение беспокойства.

— О, моя дорогая, от тебя ничего не осталось кроме костей.

Я знала, что это правда. После последнего посещения врача я весила меньше, чем в двенадцать лет. Я отощала, как любой больной.

— Глядя на тебя, мне хочется плакать. Чем я могу тебя покормить?

— Я не голодна, — сказала я. По правде говоря, я потеряла аппетит, с тех пор как была ранена.

— Чарли, — сказала она своему бывшему мужу, — с этим надо что-то делать. — Она повернулась ко мне. — Какая твоя любимая еда?

— Я не уверена, что у меня есть предпочтения, — смутилась я.

Она смотрела на меня с потрясенным выражением на лице.

— Аня, у тебя должна быть любимая еда. Пожалуйста, расскажи. Что твоя мама готовила?

— Как вы знаете, родители умерли, когда я была совсем маленькой, а моя бабушка была больна, и дома я отвечала за еду. Я готовила из коробки или из пакетика. Не сказать, что я разбиралась в еде, предполагаю, эм, вот почему я прекратила есть. Кажется, не стоит на этом заморачиваться. Какое-то время я любила моле, но теперь у меня с ним связаны нехорошие ассоциации, — бессвязно ответила я.

— Ты даже не любишь шоколад? — спросила мисс Ротшильд.

— Не самая любимая еда. Я имею в виду, я могу съесть, но не люблю его. — Я замолчала. — Я люблю апельсины.

— К сожалению, я не выращиваю их сейчас. — Она нахмурила брови. — Мне потребуется три месяца, чтобы собрать урожай, но тогда ты уже уедешь. Фридманы вниз по дороге, возможно, выращивают их, я постараюсь устроить обмен. Кстати, как насчет персиков?

— Я действительно не голодна. Спасибо за предложение. Я долго ехала. Не могли бы вы показать мне мою комнату?

Мисс Ротшильд рывкнула на бывшего мужа, чтобы тот взял мой чемодан. Она взяла меня под руку.

— Ты без проблем поднимаешься по лестнице?

— Не особо.

— Чарли предупредил меня об этом. У меня есть для тебя комната на первом этаже. Это моя любимая спальня с видом на пристань.

Она повела меня в спальню, в которой стояла широкая деревянная кровать с покрывалом из белого хлопка.

— Подождите, — сказала я. — Это ваша комната? — Она подозрительно напоминала хозяйскую спальню.

— Этим летом она твоя.

— Вы уверены? Я не хочу отбирать у вас спальню. Мистер Делакура говорил о свободной комнате.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Кровать слишком большая для меня. Я сплю в одиночестве, и, наверное, бессрочно. Когда придет твоя сестра, она может разделить комнату с тобой, если ей понравится. Места хватит. Или может взять другую наверху.

Она поцеловала меня в щеку.

— Скажи мне, если тебе что-нибудь понадобится, — сказала она. — Я рада, что ты приехала. Ферма любит гостей, как и я.

На следующий день мистер Делакруа уехал в город, а моя сестра приехала.

Она была не одна, хотя я думаю, это не должно было стать сюрпризом.

— Вин, — сказала я. — Они не сказали, что ты придешь. — Я сидела за столом на кухне. Я не встала. Не хотела ходить перед ним.

— Я собирался приехать, — сказал он. — Мне всегда нравился этот дом, и летняя программа, в которую я, как предполагалось пошел, в конечном итоге оказалась без практики. Нетти сказала, что она поедет, поэтому я решил приехать вместе с ней.

Нетти обняла меня.

— Ты выглядишь ужасно, но в то же время намного лучше, — сказала она. — И ужасно, и лучше.

— Все во мне смешалось, — ответила я.

— Покажи, где моя спальня. Мама Вина сказала, что мы могли бы пожить вместе. Это будет похоже на те времена, когда мы были маленькими. — Вин все еще наблюдал за нами, а я не хотела подниматься из-за стола перед ним. Думаю, что мне не хотелось его жалости.

— Вин может показать тебе, — сказала я. — Это хозяйская спальня. Я буду через минуту. Хочу допить воду.

Нетти рассматривала меня.

— Вин, — сказала она, — ты не мог бы оставить нас с Анни наедине?

Вин кивнул.

— Приятно увидеть тебя, Анни, — сказал он небрежно, когда выходил.

Она понизила голос.

— Что-то не так? Что происходит?

— Ну, я двигаюсь как старуха и мне довольно трудно встать с этого кресла без трости, которую я оставила там. — Я указала на шкаф. — И я... ну... мне стыдно.

— Анни, — сказала она, — ты ведешь себя глупо. — Она сделала два изящных, легких шага, схватила трость и протянула ее мне.

Она предложила мне руку, и я неуклюже пошаркала своими ногами.

— Разве это место не прекрасно? — сказала она восторженно. — Я так рада быть здесь. Мама Вина красивая и милая? Она похожа на него, нет? Разве нам не повезло?

— Нетти, тебе не стоило приглашать Вина.

Она пожала плечами.

— Это дом его матери. Конечно, он собирался приехать. Кроме того, его пригласил отец, а не я, поэтому я предположила, что это будет замечательно. Разве вы двое теперь не разлей вода?

Мистер Делакруа, подумалось мне, Et tu, Brute?* (прим. переводчица: Et tu, Brute? И ты, Брут? (лат.) — по легенде, последние слова Юлия Цезаря, обращенные к его убийце — Марку Юнию Бруту».

— Вин уже знал, что я поеду, и он спросил меня, хочу ли я ехать с ним, а не наоборот. — Она остановилась, чтобы посмотреть на меня. — Видеть его не будет ужасно, не так ли?

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Нет, конечно, нет. Все будет хорошо. Ты права. Я не знаю, в чем была моя проблема. Предполагаю, что удивилась. Правда, он совсем другой человек, как и я. И эти новые люди даже совсем не знают друг друга.

— Поэтому нет шансов, что вы будете пытаться возродить романтику? Здесь очень романтично.

— Нет, Нетти. Все уже в прошлом. И меня не интересуют романтические отношения на данный момент. Возможно, когда-нибудь потом.

Она выглядела так, как будто хотела сказать что-то еще, но проглотила язык.

Мы ужинали на веранде, хотя я все еще была не голодна. Несмотря на то, что я сказала Нетти, я злилась на мистера Делакруа за приглашение, злилась на Вина за приезд и злилась на Нетти за то, что она не сообразила уговорить Вина остаться в Бостоне. Я извинилась перед десертом, на который подали коблер, и легла спать.

Как стало уже моим обычаем, я проснулась на рассвете, чтобы поковылять вокруг фермы. Я знала, что мне нужно тренироваться, но мне не хотелось, чтобы кто-то смотрел на меня. Потом я доковыляла до шезлонга и улеглась с книгой.

Каждый день Вин с Нетти отправлялись на экскурсии, такие как каякинг, поездки на фермерский рынок и катание на лошадях. Они пытались включить и меня в это, но я сопротивлялась их деятельности.

В один прекрасный день они пришли домой с коробкой клубники с соседней фермы.

— Мы выбрали ее для тебя, — сказала Нетти. Ее щеки разругались, длинные черные волосы были настолько блестящими, что я подумывала применять их как зеркало. По правде говоря, я не могла вспомнить, когда она была до этого такая красивая. Ее красота, такая агрессивная и почти оскорбительная, поразила меня. Это было напоминание мне о том, как неприглядно я выглядела.

— Я не голодна, — сказала я.

— Ты всегда это говоришь, — сказала Нетти, отправляя в рот ягоду. — Тогда я оставлю тебе. — Она поставила ее на столик рядом с моим креслом. — Может тебе еще чего-нибудь принести?

— Я в порядке.

Она вздохнула и посмотрела так, как будто может поспорить со мной.

— Ты должна поесть, — сказала она. — Тебе не станет лучше, если ты не будешь есть.

Я взял свою книгу.

В тот же день, незадолго до заката, Вин вернулся на пристань. Он взял коробку клубники, до которой я не дотронулась. Мы не особо общались с тех пор, как он приехал. Я не думала, что он избегает меня, но моя компания была ужасной и я не делала ничего, чтобы поощрить разговор.

— Эй, — сказал он.

Я кивнула.

Он был одет в белую рубашку с закатанными рукавами. Он взял одну идеальную красную ягоду из коробки, аккуратно оторвал ее листики. Встал на одно колено рядом с моим креслом. Положил ягоду в середину ладони, и, не глядя на меня, протянул ко мне руку, словно я старый пес, который может наброситься.

— Пожалуйста, Анни, прими ее, — сказал он с мягкой просительной интонацией.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— О, Вин, — сказала я, пытаюсь сохранить голос беззаботным. — Я в порядке. Действительно в порядке.

— Только одну, — взмолился он. — Ради старых времен. Я знаю, что ты не моя и я не твой, поэтому у меня нет права просить тебя. Но мне ненавистно видеть тебя такой хилой.

Это могло ранить мои чувства, но сказано было невероятно по-доброму. Кроме того, я знала, как выглядела. Костлявая, с грязными волосами и в шрамах. Нет, я не пыталась уморить себя таким драматическим образом. Я устала и мне было больно, и это все отнимало время, которое я раньше тратила на еду.

— Неужели ты думаешь, что клубника что-то изменит?

— Я не знаю. Я надеюсь.

Я склонила голову вниз и взяла клубничку из его рук. На долю секунды я позволила губам прикоснуться к его ладони. Аромат был сладкий, но нежный и странный, дикий и немного терпкий.

Он убрал свою руку и сжал ее с решимостью. Секунду спустя он ушел без единого слова.

Я подняла коробку и съела еще одну клубничку.

На следующий день он принес мне апельсин. Очистил его и предложил мне одну дольку, точно так же, как он предлагал мне клубнику. Он оставил остальной апельсин на столе и ушел.

Через день принес мне киви. Достал нож и почистил кожурку. Он даже разрезал его на семь ломтиков и один положил на свою ладонь.

— Где ты достал киви? — спросила я.

— У меня свои связи, — был его ответ.

Затем он принес мне огромный персик — розовато-оранжевый и гладкий, без единой вмятинки. Достал нож из кармана, собираясь порезать его, но я положила свою руку на его.

— Думаю, что съем весь персик, но обещаю не смотреть на меня. Будь уверен, получится некрасиво.

— Как пожелаешь, — он взял свою книжку и начал читать.

Сок потек по подбородку и рукам, как я и ожидала. Персик был сочным и таким хорошим, я почти чувствовала себя взволнованной, когда ела его. Я засмеялась, казалось, первый раз за месяц.

— Я такая грязная.

Он вынул платок из кармана и протянул его мне.

— Это из сада твоей матери?

— Да, он казался особенно хорошим, вот я и сохранил его для тебя. Но что касается остального, я беру Нетти и мы торгуем урожаем мамы на других фермах.

— Я не знала, и сколько же видов фруктов может вырасти за один сезон?

— Посмотри сама. Можешь сходить с нами, — сказал он. — Хотя это означает оставить кресло.

— Я привязана к этому креслу, Вин. У нас отношения.

— Заметно. Но мы с Нетти не прочь побыть в твоей компании, если кресло соизволит отпустить тебя. Твоя сестра беспокоится о тебе.

— Я не хочу, чтобы обо мне беспокоились.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Она думает, что ты в депрессии. Ты не ешь. Не хочешь никуда поехать. Ты такая тихая. И конечно есть вопрос к этому креслу.

— Почему она не сказала мне об этом сама?

— Ты не самая легкая в общении персона.

— Что ты имеешь в виду? Я достаточно проста в общении.

— Нет, ты нет. Давным-давно я был твоим парнем, или ты забыла? — Его рука лежала на боку кресла и он кончиками пальцев задел мою. Я отдернулась.

Внезапно он встал и протянул мне руку.

— Пойдем со мной. Хочу показать тебе кое-что.

— Вин, я бы хотела, но я двигаюсь довольно медленно.

— Это лето в пригороде Нью-Йорка, Анни. Все замерло. — Он протянул мне руку.

Я посмотрела на руку, потом посмотрела на парня, прилегающего к ней. И слегка испугалась. В те дни я не хотела идти туда, где раньше не бывала.

— Ты до сих пор доверяешь мне, не так ли?

Я схватила свою трость из-под кресла, а затем взяла его за руку.

Мы шли примерно полмили, долгую дорогу, если нога не двигается без напоминания.

— Ты уже жалеешь, что попросил меня пойти?

— Нет, — ответил он. — Я сожалею по другому поводу, когда дело доходит до тебя, но не из-за этого.

— Жалеешь, что встретил меня, — предположила я.

Он не ответил.

У меня перехватило дыхание.

— Мы почти на месте? — спросила я.

— Еще около пятисот футов. Это прямо в том сарае.

— Это кофе, я чувю?

Действительно, Вин привел меня в кофе-бар. На задней стойке беспечно парила и щебетала антикварная кофемашина, не представляя себе, что она в процессе изготовления наркотиков. Медный купол верхней части машины был погнут и напомнил мне русский собор. Вин заказал мне чашку, а затем познакомил меня с владельцем.

— Аня Баланчина? — сказал владелец. — Нет, вы слишком молоды, чтобы быть Аней Баланчиной. Вы настоящий народный герой. Когда вы собираетесь сделать для кофе тоже самое, что вы сделали для шоколада?

— Ну, я...

— Я бы хотел когда-нибудь перестать держать свою кофейню в сарае. Для Ани Баланчиной кофе бесплатно. Эй, Вин, как твой отец?

— Он баллотируется в мэры.

— Передай ему мой привет, сможешь?

Вин сказал, что сможет, и хозяин подвел нас к кованому столику на двоих у окна.

— Люди впечатлены тобой в этих краях, — сказал Вин.

— Слушай, Вин, прости, если я испортила твой отдых. Я не знала, что ты будешь здесь. Твой папа сказал, что ты приедешь только на пару дней в августе.

Вин покачал головой, а затем размешал сливки в кофе.

— Я рад видеть тебя, — сказал он. — Надеюсь, что немного помогаю тебе.

— Ты помогаешь мне, — сказала я через некоторое время. — Ты всегда помогал мне.

— Если ты хочешь большего, то только попроси.

Я сменила тему.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

- Ты выпускаешься в следующем году, а затем пойдешь в медицинскую школу?
- Да.
- Так ты будешь студентом-медиком. Каков мой прогноз?
- Я пока не доктор, Аня.
- Но глядя на меня, что ты думаешь? Хотелось бы честное мнение, что видит человек, когда он или она смотрит на меня.
- Я думаю, что ты выглядишь как если бы прошла через что-то невообразимо страшное,
- сказал он наконец. — Однако, подозреваю, если бы я встретил тебя сегодня, если бы я пришел в это кафе, ни разу с тобой не встречавшись, то будь ты одна или нет, я бы снял шляпу и угостил бы чашечкой кофе.
- А после этого, узнав обо мне гадости, ты, наверно, вышел бы в дверь.
- Какие гадости?
- Я посмотрела на него.
- Ты знаешь. От которых хороший парень побежит в противоположном направлении.
- Может да, а может, нет. Я до сих пор глупею, когда дело доходит до темноволосой зеленоглазой девушки.
- На обратном пути пошел дождь. Было трудно маневрировать тростью на влажной и глиняной земле.
- Обопрись на меня, — сказал он. — Я не дам тебе упасть.

- На следующий день я вышла на пристань. Я нашла старый том «Чувства и чувствительности» на книжной полке в кабинете и решила прочитать его.
- Ты много читаешь последнее время, — заметил Вин.
 - С тех пор, как застряла дома.
 - Ладно, не хотел прерывать тебя.
 - Он лег на соседний шезлонг и взял свою книгу.
 - Его присутствие отвлекало меня от чтения.
 - Как дела в учебе? — спросила я.
 - Ты всегда об этом спрашиваешь. Мы говорили об этом вчера.
 - Мне интересно. Я никогда не ходила в колледж.
 - Ты все еще можешь пойти туда. — Он прикрыл рукой мое лицо, чтобы защитить его от солнца. — Кстати, тебе следует взять шляпу от солнца.
 - Мне кажется, слишком поздно.
 - Для чего? Для колледжа или для шляп от солнца?
 - Для всего. Я имею в виду колледж. А шляпы мне без нужды.
 - Он снял свою шляпу и надел ее на меня.
 - Не знаю второй девушки, которая больше тебя нуждается в шляпе. Почему ты не защищаешь себя дополнительно от солнца и всего остального? Кстати, тебе только двадцать.
 - Двадцать один в следующем месяце.
 - В колледже учатся люди разных возрастов, — сказал Вин. — У тебя есть деньги.
 - Я посмотрела на Вина.
 - Я теновой криминальный босс. Руководжу ночным клубом. Колледж в ближайшем будущем не предвидится.
 - Как пожелаешь, Аня. — Он отложил книгу. — Знаешь, в чем твоя проблема?
 - Предполагаю, ты мне сейчас расскажешь.
 - Ты всегда была слишком пессимистична. Я хотел сказать тебе об этом долгое время.
 - Почему? Выговорись. Это плохо — держать свои чувства внутри. Я должна знать.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

- Когда я был твоим парнем, я был заинтересован в предотвращении конфликтов.
- Так ты позволял мне думать, что я была права? Все то время, что мы были вместе?
- Нет, не все время. Иногда.

— До того последнего раза, и затем ты вышел за дверь. — Я попыталась превратить это в шутку. — Пару дней я надеялась, что ты можешь вернуться.

— Как и я. Но очень уж на тебя разозлился. Кроме того, ты возненавидишь меня, если я вернусь, твердил я. Если буду потакать ей, она все равно не будет любить меня. Так что лучше иметь какое-то достоинство.

— Отношения старшеклассников не должны длиться вечно, — высказалась я. — Кажется, мы говорим о других людях. Я даже не чувствую печаль, когда думаю об этом.

— Разве ты не самая фантастически развитая молодая взрослая на этой пристани? — Он поднял старую книгу в мягкой обложке.

— Что читаешь?

Он поднял книгу.

— «Крестный отец», — прочитала я.

— Да, речь идет о преступной семье. Мне надо было прочесть ее много лет назад.

— Ты изучаешь мою жизнь?

— В самом деле, — сказал он с весельем в голосе. — Я наконец-то начинаю понимать тебя.

— Ну и как?

— Ты должна была открыть клуб и тебе нужно было сделать все возможное, чтобы он стал успешным. Все это было решено задолго до того, как я встретил тебя.

В августе погода стала скверной. Я не могла носить длинные платья и свитера, что означало: мне приходилось обнажать больше кожи, чем меня устраивало. Мать Вина предложила нам поплавать в реке. Она настаивала на том, что плавание будет полезно для моего выздоровления. Она, наверное, была права, но я не умела плавать. Я родилась в Нью-Йорке в 2066 году, летние бассейны были осушены для экономии воды.

— Вин может научить тебя, — сказала мисс Ротшильд. — Он превосходный пловец.

Вин кинул на мать взгляд, отражавший мои мысли по поводу этой идеи.

— Джейн, я не хочу, — сказал он.

Мисс Ротшильд покачала головой на слова сына.

— Мне не нравится, когда ты называешь меня Джейн. Я не бестолковая, Вин. Я знаю, что вы когда-то встречались, но какая разница? Аня должна научиться плавать, пока она здесь. Это пойдет ей на пользу.

— Не знаю, — сказала я. — У меня даже купальника нет. — Мне он был ни к чему.

— Ты можешь взять один из моих, — сказала она.

У себя я переоделась в висящий на мне купальник. Он был довольно скромного кроя, хотя я все равно чувствовала себя невероятно нагой. Я набросила футболку, но край шрама под ключицей все еще виднелся.

Если Вин и заметил это, то промолчал.

Нет, заметил. У этого парня всегда хорошие манеры.

Он не особо болтал с самого моего захода в воду. Велел мне лечь на живот. Поддерживал меня. Показал, как отталкиваться ногами и как двигать руками. Обучение не заняло много времени. Плавала я хорошо, в отличие от ходьбы.

— Это очень плохо, что в Троице нет команды по плаванию, — сказала я. — А может, мне следует сказать, что очень плохо, когда нет бассейна в Нью-Йорке.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Может быть, вся твоя жизнь была бы другой.

— Была бы я спортсменкой, — сказала я.

— Представляю. Знаменитая баланчинская агрессия была бы полезна в спортивных соревнованиях.

— Правильно. Я бы не опрокинула ту лазанью на голову Гейбла Арсли. У меня бы были продуктивные каналы для выхода гнева.

— Но если бы ты не опрокинула лазанью на голову Гейбла, как бы я узнал куда идти и где встретить тебя?

Я отплыла подальше от пристани. Спустя минуту он догнал меня.

— Не так быстро, — сказал он. — Ты все еще новичок.

Он схватил меня за руку и потянул к себе, мы очутились лицом друг к другу.

— Иногда я думаю, что моя мать такой же манипулятор как и отец.

— Что ты имеешь в виду?

— Да я про ее абсурдные и прозрачные намеки, что я должен научить тебя плавать. И про своего отца... мне кажется, он думает, что если у него получится воссоединить нас, то он искупит свои грехи за 2082 год.

— Смешной человек, — сказала я. — Вообще-то за 2082 и 2083 года.

— Но нужно задать вопрос: единственной причиной этому было то, что ты нравилась глупому мальчику только из-за возражений его амбициозного отца? Разве ты не это мне всегда говорила? Скорее всего план отца провальный. Вдруг эти милые молодые люди, ты и я, нуждаются в препятствии. Может быть, когда рожденные под несчастливой звездой переходят по покровительству счастливой, Ромео наскучивает Джульетта.

— Ну, препятствия еще остаются, — заметила я. — Я была замужем и неважно, как ты на это смотришь, брак этот был по расчету.

— Ты говоришь мне учитывать тот факт, что ты человек низкой морали, этики и характера, и это все должно стать препятствием.

— Да, именно это я и говорю.

Он пожал плечами.

— Я знаю это о тебе достаточно долгое время.

— И я убила. В целях самообороны, но все же. Мое тело в шрамах. Я прекрасна как пятидесятилетняя старуха. Двигаюсь так же быстро, как моя бабушка.

— Ты выглядишь хорошо. — Он заправил локон мне за ухо.

— И сейчас не самый подходящий момент. Я хочу прийти к тебе сильной, красивой и успешной.

— Ты хочешь, чтобы я тебе снова повторил все то же самое, или ты вытаращишь свои красивые зеленые глаза на меня?

— Я вытаращу на тебя глаза. У меня есть зеркало, Вин, хоть я и стараюсь избегать его.

— Как по мне, вид не так и плох.

— Ты не видел меня голой.

Он прочистил горло.

— Я не уверен, как на это реагировать.

— Ну, это не приглашение, если ты так решил. Это отчет.

— Я, — он снова прочистил горло, — я уверен, что не все так плохо.

— Подойди, — сказала я. Мне подумалось, что надо бы урегулировать этот вопрос. Я оттянула ворот футболки вниз, чтобы показать ему большой, неровный розовый шрам, оставшийся после операции на сердце и другой, оставшийся от меча, пронзившего меня насквозь.

Его глаза распахнулись и он резко вдохнул.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада

Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Это плохой шрам, — сказал он приглушенным голосом. Он положил руку на шрам ниже ключицы в опасной близости от моей груди. — Было больно?

— Сумасшедше, — сказала я. Он закрыл глаза, как будто собирался поцеловать меня. Я подтянула футболку вверх и поплыла к пристани; мое сердце билось как после небольшого приступа. Я поднялась вверх по лестнице так быстро, как могла.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXIII

Я ПРОЩАЮСЬ С ЛЕТОМ СЕРИЯМИ ЭМОЦИОНАЛЬНО НЕЛОВКИХ ЭПИЗОДОВ

— Ненавижу конец лета, — сказала мисс Ротшильд, обмахивая лицо рукой. Я застала ее плачущей в фермерской библиотеке. — Не обращай внимания. Присядь, отдохни. — Она хлопнула рядышком с собой. Я вернула на полку «Доводы рассудка» — этим летом я выработала маршрут по всей Джейн Остин — и только затем села. Мисс Ротшильд положила руку на мое плечо. — Это ведь было славное лето? Ты теперь кровь с молоком, как мне кажется.

— Я чувствую себя лучше.

— Мне приятно это слышать. Надеюсь, здесь ты была счастлива. Было здорово принять вас с сестрой. Возвращайтесь в любое время. Я благодарна бывшему мужу за эту идею. Знай: ты мне всегда нравилась, даже когда Чарли был категорически против ваших с Вином отношений. Мы тогда с ним немного повздорили. Он все твердил, что у вас заурядный школьный роман, а я отвечала: нет, эта девочка особенная. Но много лет спустя мистер Делакруа сошелся со мной во мнении, как он всегда, кстати, делает. Я знаю, что он, как и я, скрестил пальцы за то, чтобы ваши с Вином дорожки пересеклись.

— Этому не бывать.

— Можно спросить, почему, Аня?

— Ну... меньше, чем год назад, я овдовела, мне до сих пор слишком больно. Трудно вообразить отношения, когда ты не ты. А истина в том, говоря образно, что я сомневаюсь в большинстве решений. Я совершила много ошибок, думая, что поступаю как должно. Мне надо отдохнуть от отношений.

— Звучит разумно, — сказала мисс Ротшильд после паузы.

— Кроме этого, кажется, Вин испытывает ко мне ностальгию, и относится ко мне хорошо из-за нашего общего прошлого. Вы вывели в мир достойного парня, поздравляю.

— Я помогала. Вин забывает, но Чарли большую часть времени был примерным отцом.

— Не могу поверить.

— Ты-то? Большинство людей глазеют на меня как на безумную, когда я защищаю этого человека... — она покачала головой. — Знаешь что? Я могу составить список недостатков Чарльза Делакруа. Всю свою жизнь я его защищала. От друзей. Родителей. Нашего сына. Вот и все.

— Мы довольно часто говорили об этом в Японии. Он все еще вас любит.

— Да, но этого недостаточно. Двадцать пять лет я в нем разочаровывалась. И наконец-то сделала это.

— Думаю, мистер Делакруа хочет измениться.

— Да, а потом выборы пройдут удачно и он свернет на проторенную дорожку. — Она кивнула сама себе, затем схватила телефон. — Ты видела фото сестры Вина?

Я покачала головой и заглянула в экран. Светло-русые вьющиеся волосы, голубые глаза как у Вина. На этой фотографии она их закатила. Я не видела сходства кроме этой гримасы.

— Проблема в знакомстве с новыми людьми не в том, что они ты можешь им не понравиться, напротив — что они понравятся тебе слишком сильно. Теперь, когда я это знаю, то буду беспокоиться, как ты там в городе, Аня. — Она взяла мою руку в свою.

— В течение многих лет я была сама по себе. Все будет отлично.

Она посмотрела на меня, затем отбросила с моего лба пряди.

— Уверена, ты выдержишь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

В нашей комнате Нетти не было, поэтому я вышла на улицу поискать ее. Она плакала в бельведере.

— Пожалуйста, Аня, оставь меня одну.

— Что такое, Нетти? Что случилось?

— Я люблю его.

— Кого его? — не поняла я.

— А ты как думаешь? — помолчав, она сказала: — Вина. Разумеется, его.

Я попыталась переварить эту информацию.

— Я знала о твоей влюбленности, когда ты была ребенком, но и понятия не имела, что это длится до сих пор.

— Он такой хороший, Аня. Только посмотри, как он вел себя летом, пытался поднять тебе настроение даже спустя столько времени. — Она вздохнула. — Он до сих пор считает меня ребенком.

— С чего ты взяла? Он говорил тебе?

— Я пыталась сделать большее, чем просто поговорить с ним. Я пыталась его поцеловать!

— Нетти!

— Мы собирали яблоки для его матери. Первые уже поспели. А он привлекательно выглядел в синей рубашке. Я брежу им.

— Ох, Нетти, я и не представляю, что ты чувствуешь.

— Как ты можешь не знать? Я влюбилась в него в двенадцать. С тех самых пор как мы повстречались в кабинете директора.

— Что он сделал, когда ты попыталась его поцеловать?

Он отстранил меня и сказал, что не думает обо мне в таком ключе. Я сказала, что мне семнадцать, вряд ли я еще ребенок. А он сказал, что это не так. Я ответила, что ты встретил Аню, когда тебе было шестнадцать. Он сказал, что тут другое, ведь и он был моложе. И добавил, что любит меня как друг и брат и всегда им будет для меня. Но я оттолкнула его и крикнула ему, что не нужно мне такой любви. Я даже посмотреть на него не смею.

Она рыдала всем телом — плечами, животом, ртом и другими частями тела, содрогающимися в такт всхлипам.

— Ох, Нетти, пожалуйста, не плачь.

— Почему нет? Я передала ему то, что ты сказала в начале лета. Что ты никогда не будешь с ним вместе, я ведь думала, он все еще надеется. Вдруг если он потеряет надежду, то влюбится в меня. Мы не такие уж разные.

— Моя дорогая Нетти, ты действительно жаждешь любви парня, считающего, что ты похожа на меня?

— А мне не важно. Если не сказать все равно! Вот так сильно я его люблю.

— Мне не кажется, что Вин думает, как нам снова сойтись. Хочешь, я с ним поговорю? — Я хотела осчастливить ее больше, чем себя.

— А ты можешь? — Глаза у нее были на мокром месте и светились надеждой.

— Я заставлю его понять. До конца лета.

После ужина я спросила у Вина, прогуляется ли он со мной.

Мы брели по саду, в котором с деревьев падали последние летние персики. Вин нашел один на ветке и снял. Его торс был худощавым и длинным, это было хорошо видно, когда он поднял за персиком руку. Он предложил мне его, но я отказалась.

— Я хочу с тобой кое о чем поговорить, — обронила я.

— О чем же? — Он укусил персик.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— О моей сестре, — сказала я.

— Да, я думал, что эта тема может подняться.

— В ней засела идея, что, если ты узнаешь мое мнение по поводу наших отношений, то возможно откроешься для... прости, это как-то неудобно.

— Возможно, я смогу тебе помочь. Она думает, что причина, по которой я не хочу начинать с ней отношения, в том, что у меня все еще чувства к тебе. И ответ на твой вопрос: она ошибается. Я думаю, что она умна и очаровательна, как и все девочки в ее возрасте, но даже если бы не было Ани, Нетти не подошла бы мне. Ты уверена, что не хочешь персик? Они очень сладкие в это время года.

— Тогда зачем ты проводил с ней столько времени? Ты же понимаешь, почему ей пришла эта мысль в голову.

— Потому что ты меня попросила. Или ты забыла, сделав это? Три года назад ты отправила меня к ней в школу.

— Вин.

— Я сделал это, потому что мог. Ты редко, даже когда мы встречались, просила меня помочь. Хотя наши отношения закончились плохо, я был счастлив сделать что-то для тебя.

— Почему ты такой хороший?

— У меня хорошие родители, которые меня очень сильно любят. Возможно, поэтому.

— Даже твой папа.

— Да, даже мой отец. Он хочет вершить великие дела, как и ты, и это нелегко. Он делает все по высшему классу. Я стал старше и вижу это. Кстати, он был твердо уверен, что я останусь здесь на лето.

— О чем ты говоришь?

— Он сказал, что тебя сильно ранили, и что вы с сестрой поживете у нас. Он сказал, что очень полюбил тебя и хотел бы, чтобы ты провела лето среди молодых людей и друзей. Я, по его мнению, один из них.

— Он меня авторитетно заверил, что тебя здесь не будет. Ты знаешь об этом?

— В этом весь папа.

— Я практически хочу полюбить твою сестру, — сказал Вин. — Она похожа на тебя, только повыше и волосы прямее. Она не такая капризная как ты, и к тому же отличная компаньонка. Но даже если бы ей не было семнадцать, я не смогу. Она — не ты.

Но вернемся к тому, что ты должна сказать Нетти, — продолжил он. — Ты можешь сказать ей, что мне неловко из-за того, что она подумала, что мои чувства обращены к ней. Я понимаю, почему она обнадежилась. Впрочем, я никогда не думал о ней иначе, кроме как о подруге, я полюбил ее как сестру за эти три года. Мне не терпелось увидеть ее, как никого другого, потому что я хотел услышать все новости о ее сестре.

Ты можешь сказать ей, что я даже до того как сел в поезд в Нискейуну знал, что практически не осталось шансов, чтобы мы с ее сестрой снова сошлись. Я знаю, что ее сестра слишком упряма и, наверное, никогда не простит меня за то, что я не поддержал ее в открытие клуба. Я знаю, что ее сестра видит препятствия, которых не существует, есть еще и тот факт, что она пережила некоторые физические травмы. Я желаю, чтобы ее сестра знала, как сильно я восхищаюсь ей, как сильно я жалею, что не был рядом с ней, как сильно я до сих пор люблю ее и может когда-нибудь, когда она снова обретет себя, она сообщит мне об этом. Ты можешь сказать ей, что, когда речь заходит о ее сестре, у меня остается не так уж много инстинктов самосохранения и чувства достоинства. Она может выйти замуж за десяток других мужчин, это не будет иметь значения.

— Ты не должен ждать меня, Вин. Я не могу прямо сейчас. Я хотела бы, но я не могу. Мне очень жаль.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я не ожидала, что он будет улыбаться. Но он улыбнулся и вытер слезу с моей щеки.

— Я думал, что ты можешь так ответить. Здесь все просто. Я буду любить тебя вечно. А в ответ ты можешь решить, хочешь ли ты что-то делать с этой любовью на каком-то этапе в своей жизни. Но знай, что никакая другая девушка не нужна мне, кроме тебя. Ни твоя сестра. Ни еще кто-либо. Для меня достаточно быть парнем, который любит Аню Баланчину. Однажды я сделал неправильный выбор, и я думаю, что заплатил за это. — Он приподнял мой подбородок. — И хорошо, что я не твой парень или муж, потому что ты не можешь указывать мне, что делать, — сказал он. — Так что я буду ждать, потому что я предпочел бы ждать тебя, чем тратить свое время на кого-то другого, не тебя. И я настраиваюсь на долгую игру. Как говорят в бейсболе, проигрыш игры и даже двух это не повод отказываться от всей серии. Когда ты будешь готова, если ты вообще будешь готова, скажи мне.

Я взглянула на персики в фруктовом саду, падающие на землю. Понаблюдала за заходящим солнцем. Посмотрела на поток реки. Я слышала его тихое дыхание, и почувствовала, как мое собственное сердце стучит. Мир стал безмолвным и я попыталась представить себя в будущем. В будущем я буду сильной, снова смогу работать, но останусь одинокой.

— Что мне сказать? — спросила я тихо. — Если я буду готова. Ты знаешь, я не разбираюсь в таких вещах. Что мне сказать?

— Тогда я облегчу тебе задачу. Все, что тебе нужно сделать, это попросить меня проводить тебя домой.

Мистер Делакура был у нас наездами в то лето из-за планирования своей предвыборной кампании в мэры. Он вернулся за день до того, как мы с Нетти принялись помогать матери Вина закрыть дом. Я отправилась забрать пакет яблок, которые намеревалась взять с собой в город и когда я подняла их, то увидела, как он пересекает лужайку, направляясь ко мне.

— Ты выглядишь ужасно крепкой, — сказал он. — Я доволен решением отправить тебя сюда.

— Вы всегда довольны собой.

Мы пошли посидеть на пристани. Он достал шахматную доску и положил ее на стол.

— Я смотрю, Вин уехал, — сказал он.

— Да.

— Мой план совершенно провалился, так?

Я не ответила.

— Ну-ну, не надо меня обвинять. Я прежде никогда не пытался играть роль свахи.

— Что вы за странный человек. Ломаете только для того, чтобы потом через годы склеить обратно.

— Я люблю своего сына, — сказал мистер Делакура. — Я подозревал, что он еще не совсем остыл к тебе, и попытался подстроить встречу. Я думал, что твое сердце открыто для воссоединения и что такое воссоединение приведет к обоюдной радости. На твою долю выпало много трудностей за последние годы и мне доставляло удовольствие представлять, что ты в итоге будешь счастлива. И, так как я не безупречный человек, мне закралась мысль, что этим я могу чуть-чуть искупить свои грехи.

Я передвинула ладью.

— Я не знаю, с чего вы решили, что это сработает. Никому не понравится, когда тебя подставляет собственный отец. Даже если бы я была достаточно доверчивой, чтобы поверить вашей лжи, то Вин знал, что вы задумали с самого начала.

Он передвинул своего короля подальше от моей королевы.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Я собиралась передвинуть ее поближе, но потом передумала.

— Ну реально, несколько дней в августе? Ваш план сработал бы. Но если бы такое произошло в бизнесе, я бы вас уволила. Мне не нравится, когда меня подставляют.

— Согласен с тобой. Я хороший заговорщик, но боюсь, что мне легче иметь дело с пешками и политиками, чем с человеческими сердцами. Я вижу тебя насквозь. Ты тянешь время. Ходи, Аня.

Я не стала трогать свою королеву и оставила стоять там, где она стояла, а вместо этого пешкой пригрозила его слону.

— Это был хороший план, — сказала я, — Но кажется, я слишком изменилась со времен школы.

— Я не знаю.

Я решила сменить тему.

— По возвращению в город я подумываю присмотреться к производству для «Темной комнаты» шоколадных батончиков. Батончики можно взять домой, а не есть их в клубе. Какао для закрытых дома, вроде меня. Я бы сказала, что еще можно заработать деньги на плитках шоколада.

— Это интересная мысль. — Он передвинул свою королеву и после посмотрел на меня. — Аня, мне нужно кое о чем тебе сказать. Я думаю, ты уже знаешь о чем. Мэрская кампания подразумевает, что мне придется оставить «Темную комнату». Я могу помочь тебе нанять другого юриста...

— Нет, все нормально, — холодно сказала я. — Я поищу, как только вернусь в город.

— Я могу дать рекомендации...

— Я способна найти юриста, мистер Делакруа. Я нашла же вас, не так ли? Я знаю юристов всю мою жизнь. Жизнь, которую я веду, сделала меня экспертом в таких мероприятиях.

— Аня, ты злишься на меня? Тебе следовало знать, что такой день настанет.

По правде говоря, я очень привязалась к нему и буду скучать, но было слишком трудно сказать это. Я упорно работала, чтобы никогда не нуждаться ни в ком в своей жизни.

— Мы будем видеть друг друга, — сказал он. — Я даже надеялся, что ты будешь участвовать в кампании.

— Зачем вам нужен кто-то вроде меня? — Да, я была обижена.

— Слушай, Аня, хватит дурачиться. Если тебе что-нибудь понадобится, я обеспечу это, если оно окажется в пределах моих возможностей. Ты знаешь, о чем я говорю?

— Удачи, коллега, — я встала и ушла. Впрочем, я не была слишком быстрой, он, если бы захотел, мог бы догнать меня.

Я почти добралась своей комнаты, которая скоро перестанет быть моей с окончанием лета. Когда я положила руку на ручку двери, я подивилась сама себе и подумала, что со мной не так, почему я не смогла поблагодарить и пожелать удачи с кампанией.

Я почувствовала руку на плече.

— Не иди этой дорогой, — сказал мистер Делакруа. — Я точно знаю, о чем ты думаешь. Я хорошо тебя знаю. Я точно знаю, какие мысли возвращаются за твоим непроницаемым обликом. Тебя очень часто бросали. Ты думаешь, что если наши деловые отношения закончатся, то мы не будем больше участвовать в жизни друг друга. Но мы будем. Ты мой друг. Ты мне дорога, как собственная плоть и кровь, невероятно, но я люблю тебя как свою дочь. Так что удачи, коллега, если это необходимо, — сказал он. Он крепко обнял меня. — И, пожалуйста, береги себя.

На следующий день мы с Нетти отправились на железнодорожный вокзал.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Мне до сих пор так стыдно, — сказала она. Я передала сообщение Вина, оставив те части, где он говорил, что любит меня.

— Не надо, — сказала я. — Думаю, он понимает.

— Ты его любишь? — спросила она меня спустя какое-то время. — Ты сказала, что нет, но так ли это?

— Не знаю.

— Я не могла заснуть прошлой ночью. Чем больше я думала об всем, тем больше я начала понимать, что то, что я приняла за его любовь ко мне, было, по сути, любовью к тебе. Лицу вдруг стало жарко, я начала потеть, и была так подавлена, что мне захотелось физически покинуть свое тело. Я начала думать о дне, когда сказала ему, как я волнуюсь за тебя, что ты не ешь — ты все еще тощая — что трудно бороться с тобой, потому что ты упрямая, и ты не будешь просить помощи или даже признавать, когда тебе больно, и что ты привыкла быть сильной и заботиться обо всех остальных. И он сказал, что попытается заставить тебя съесть что-нибудь, если я так хочу.

Я сказала ему, что я бы была благодарна ему за попытку, но я сомневалась, что удача будет на его стороне. Я вернулась в комнату, и увидела вас обоих на пристани. Я наблюдала, как он оторвал листочки от ягоды, я смотрела, как он опустился на колени, смотрела, как он протянул к тебе руку, а после я наблюдала за тобой. Я смотрела, как ты берешь у него ягоду. И он выглядел невероятно милым в тот момент. Как я могу не любить его? Он был так добр к моей бедной сестре, которой даже не было с ним три года. И я подумала, что он сделал это для меня, но теперь я поняла: это было для тебя. — Она покачала головой. — Я умный человек, но какой же душой я была, — сказала она.

— Нетти... — сказала я.

— Ты говоришь, что не любишь его больше, но скорее всего ты врешь сама себе. Этот парень, наш Вин, отрывал листочки для тебя. Если это не проявление любви, тогда я, честно, не знаю что это.

— Сегодня утром я получила возможность заглянуть в свое будущее, Анни. Хотела бы ты знать, что я увидела?

— Я не уверена. — Видения Нетти часто включали мою преждевременную смерть.

— Может быть, это был День Благодарения, — сказала она. — Вин там был и ты, и мы втроем весело посмеивались над тем, что в одно лето гениальная Нетти позволила себе влюбиться в Вина, хотя каждому было очевидно, как сильно он до сих пор любит Аню. Это. Было. Так. Очевидно. И мне даже не стыдно, потому что это будущее и предполагаемая я.

— Я люблю тебя больше чем кого бы то ни было в этом мире.

— Ты не думала, что я об этом знаю? — спросила она.

Объявили поезд до Бостона.

— Удачного семестра, — пожелала я.

— Звони мне каждый день, Аргон, — ответствовала Нетти.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXIV

Я РАЗМЫШЛЯЮ В ПОЕЗДЕ ПО ДОРОГЕ В НЬЮ-ЙОРК; ВЛЮБЛЕНА

Набраться мужества поцеловать хорошенькую девочку на школьных танцах – ничего не стоит. Признаться в любви, когда она совершенна, а ее ошибки выслушают в десятиминутной исповеди – ничего не стоит.

Любовь – это когда парень вставал на колени, не прося выйти замуж, а упрашивая покалеченную девочку съесть ягоду: прошу, Анни, съешь хоть одну.

Любовь – когда он убрал листья с этой ягоды, когда он держал свою ладонь передо мной, опустив голову. Любовь была в этом покорном жесте.

Любовь пережила три года после его ухода, и для меня она была сродни той клубнике в его ладони.

Моя сестра была романтиком; я не верила в любовь такого рода.

Временами этот старый добрый мир не особо колышет, во что там веришь.

(Примечание: я знала это, но еще не готова была принять эту прогулку с ним.)

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXV

**Я ВОЗВРАЩАЮСЬ К РАБОТЕ; МОЙ БРАТ МЕНЯ УДИВЛЯЕТ; СНОВА СТАНОВЛЮСЬ
КРЕСТНОЙ МАТЕРЬЮ!**

Начало сентября ужасная пора в Нью-Йорке – лето закончилось, но погода этого так и не уловила. Все-таки я была рада восстановлению моей жизни и нахождению в городе, даже если перешла на более размеренный темп, чем прежде.

Я наконец отправилась постричься. Челка показалась хорошей идеей. Но скорее всего была ошибочной, учитывая форму моего лица и текстуру волос, хотя нет хуже ошибки, чем выйти замуж за Юджи Оно в 2086 году или связаться с сыном окружного прокурора в 2082 году. В любом случае, я не плакала. (Примечание: это, уважаемый читатель, то, что называется видами на будущее.)

Скарлет и Феликс переехали жить отдельно в центре города. Она оставила свою работу в клубе и зарабатывала на жизнь игрой в театре. Она играла Джульетту из «Ромео и Джульетты». Я вернулась в Нью-Йорк вовремя, чтобы увидеть вечерний спектакль.

Потом я встретила ее в примерке, помеченной звездой. Эта звезда вызвала во мне чувство, которое я могу описать только как радость. Скарлет расплакалась, когда увидела меня.

— О мой бог, мне жаль, что я не смогла приехать к тебе в Японию или в пригород. Разрываясь между Феликсом и игрой в театре, я не могла покинуть город.

— Все в порядке. Я сожалею, что была такой нерадивой крестной. Плюс, я была не в настроении для компании. Ты, кстати, была великолепна. Мне не нравилась Джульетта, когда мы читали пьесу в школе, но ты заставила меня полюбить ее по другим причинам. Ты сыграла ее такой решительной и сосредоточенной.

Скарлет засмеялась, хотя я не была уверена, что сказала что-то смешное. Она сняла черный парик с длинными вьющимися волосами.

— На секунду нас могли бы принять за сестер, — сказала я.

— Я думаю об этом каждый вечер. Пойдем ужинать, — предложила она. — Потом заночуешь у меня и увидишь Феликса утром.

— Я сомневаюсь, что он даже вспомнит меня. Это было так давно.

— Ой, я не знаю. Ты посылала ему подарки, это поможет освежить ему память.

На ужин мы заказали много еды и говорили обо всем. Я не видела ее очень долго. Я скучала по ней даже больше, чем такое было возможно.

— Как будто мы даже не расставались, — заметила она.

— Я знаю.

— Ты знаешь, что сказала перед тем, как охарактеризовала мою Джульетту как «решительную и сосредоточенную»? У меня есть секрет по этому поводу.

— О?

— В день прослушивания я думала о тебе и мечтала поехать в Японию, чтобы повидаться с тобой, — сказала Скарлет. — И тогда я начала вспоминать тебя в школе. Я знала, что другие девушки на прослушивании будут играть романтическую и мечтательную Джульетту, но я подумала, что будет круто сыграть ее похожей на тебя. Поэтому я предположила, что Джульетте не нравилось быть несчастной. Я представила, что она предпочла бы не встретить Ромео, потому что для нее это вышло боком, ведь их родители не ладили друг с другом. И я представила себе, что Джульетта пожелала бы оказаться в Париже, потому что там есть парень, который не доставит ей никаких проблем.

— А я все гадала, почему мне понравилась твоя Джульетта.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Режиссер решил, что мое видение было уникальным, вот и могу предположить, что мой выбор сыграть тебя сработал. Отзывы тоже были хорошими. Хотя это не имеет значения. Но все лучше, чем отрицательные.

— Поздравляю, — сказала я. — Правда. И я польщена, что внесла небольшой вклад в дело.

— Единственная проблема у меня возникла с концовкой, ведь я знаю, что ты никогда бы не вонзила себе кинжал в грудь, каким бы мрачным не был сюжет.

— Наверное, нет. — А вот чужую грудь – вероятно.

— Давай еще десерт, ладно? Я не хочу идти домой. Откровенно говоря, «Ромео и Джульетте» не хватает перспективы. Я так считаю. Она юна, он ненамного старше. И они не знают, что жизнь исчерпает себя, когда отпущено мало времени. Все родители остывают. И как только это произойдет, вот тогда они точно поймут, была ли любовь.

Мои щеки вспыхнули. Я вдруг почувствовала, что мы перестали обсуждать спектакль.

— Кому ты это говоришь?

— А как ты думаешь? Ты же не предполагаешь, что я могла сыграть Джульетту, не задав сначала пару вопросов Ромео? — спросила Скарлет.

— Мы еще не вместе, Скарлет.

— Но вы будете, — сказала она. — Я знаю это. Я знаю все наперед.

Расширение клуба продолжалось без меня. Были решения, которые я бы не одобрила (не согласна с местом расположения, наймом на работу, чего я, возможно, и не сделала бы), но я чуть не разочаровалась, обратив внимание на то, что мое отсутствие слабо повлияло на обстановку. По словам Тео, это свидетельствовало о том, какую хорошую инфраструктуру я создала, раз дела шли гладко без меня. В тоже время его настроение несомненно указывало на то, что он больше не сердится на меня. У него была девушка – барменша Люси. Они казались счастливыми, но что я знаю о счастье? Я имею в виду, что он, казалось, был так очарован этой женщиной, что даже позабыл, как некогда любил меня.

Мышь практически ничего не слышала о русских. Либо убийство Толстого было достаточным заявлением, либо из уважения к моей недееспособности, либо у них были другие проблемы, требующие неотложного внимания, или же они считали, что переходить дорогу двум криминальным семьям за раз было чересчур (как Юджи и надеялся). Мы планировали начать производство и распространение собственной линии шоколадных батончиков.

Я летала по всей стране, чтобы проверить, как продвигаются дела в других заведениях. Последняя остановка была в Сан-Франциско, чтобы встретиться с Лео и Норико. Я не видела брата с тех пор как была ранена, даже пропустила открытие клуба в Сан-Франциско в октябре прошлого года. В первые одиннадцать месяцев развития бизнеса доход был стабилен, и мы рассматривали открытие второго помещения в Сан-Франциско. Так или иначе, Лео, Норико и Саймон Грин были хорошей командой.

Лео вел меня за собой.

— Норико не может дождаться, когда же увидит тебя, а я не могу дождаться, чтобы ты увидела клуб, — сказал он.

Мы плыли на пароме к острову у берегов Сан-Франциско. Паром немного напомнил мне о поездке в «Свободу», но я старалась выбросить такие ассоциации из головы и наслаждаться легким ветерком, обдувающим лицо. Это была новая дзен-Аня.

Мы вышли из лодки и поднялись по лестнице, что вела к скалистому острову.

— Что здесь располагалось до этого? — спросила я Лео.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Тюрьма, — сказал он. — Потом туристическая достопримечательность. А теперь это ночной клуб. Так что жизнь забавная штука, верно?

Внутри клуба меня ждали Норико и Саймон.

— Аня, — сказала Норико, — мы так рады видеть, что ты снова здорова.

Я не была на 100 процентов здорова. Я все еще ходила с тростью, и понимала, что двигаюсь очень медленно. Но боли поутихли и все это также не означало, что мне придется ходить по жизни в купальнике.

Саймон пожал мне руку.

— Давайте я ей все покажу, — предложил он.

Ночной клуб из Алькатраса получился странный. Там стояли заказные столики в маленьких комнатках, которые раньше были тюремными камерами. Серебристые шторы висели за решетками, а камеры были выкрашены в ярко-белый цвет. Центральный бар и танцпол находились в здании бывшей тюремной столовой. Под потолком висели хрустальные и хромированные люстры, и все было таким блестящим и сверкающим, что легко забывалось, что находишься в здании бывшей тюрьмы. Я была очень впечатлена тем, что они сделали. Честно говоря, я не особо надеялась, когда отправляла Лео и Норико в Сан-Франциско. Я приняла решение не из логики, а из любви и верности. Я предполагала, что через год мне придется нанять кого-то нового, чтобы запустить или обновить клуб. Но мой брат и его жена удивили меня. Я обняла Лео.

— Лео, это замечательно! Ты такой молодец.

Он махнул рукой в сторону Саймона и Норико, которые смеялись как сумасшедшие.

— Тебе нравится?

— Ага. Мне показалось странным, когда я узнала, что вы захотели открыть его в тюрьме, но решила подождать и посмотреть, что получится — а еще я была вроде как абсолютно недееспособной, но это было ни здесь и ни там — и то, что получилось, просто гениально. Вы превратили тюрьму, темное место во что-то веселое и жизнерадостное, и я так горжусь вами всеми. Знаю, я нечасто высказываю это, но сейчас, мне кажется, я не могу промолчать.

— Саймон подумал, это будет хорошей метафорой для того, что ты сделала с первым клубом. Взять что-то незаконное и сделать из него законное, — сказала Норико.

— Из тьмы на свет, — смущенно сказал Саймон. — Не так ли говорят?

Мы с Лео отправились обратно на материк пообедать в лапшичную.

— Я много о тебе думала в прошлом году.

— Это хорошо.

— С тех пор, как меня ранили, — сказала я, — я все хотела сказать, что сожалею.

— Сожалеешь? — спросил Лео — Из-за чего?

— Когда ты восстанавливался после аварии, не уверена, что я всегда была терпелива с тобой, как должна была. Я не понимала, что это была серьезная травма или сколько времени понадобится, чтобы вернуться к нормальной жизни.

— Анни, — сказал Лео, — никогда не извиняйся передо мной. Ты лучшая сестра в мире. Ты все сделала для меня.

— Я старалась, но...

— Нет, сделала. Ты защищала меня от Семьи. Ты вытащила меня из страны. Ты попала в тюрьму из-за меня. Ты доверила мне эту работу. И это не считая незначительных поступков, которые ты делала для меня каждый день. Ты видишь мою жизнь, Анни? Я управляю ночным клубом, где я важен и люди слушаются меня! У меня есть красивая и умная жена, которая собирается стать матерью! У меня есть друзья, любовь и все, что человек может хотеть. У меня

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

две замечательные сестры, которые многого добились. Я самый счастливый человек на всей планете, Анни. И у меня самая удивительная младшенькая сестренка, которой больше нет ни у кого. — Он обхватил мою голову обеими руками и поцеловал в лоб. — Пожалуйста, даже не сомневайся в этом.

— Лео, — спросила я, — ты говоришь, что Норико в положении?

Он зажал рукой рот.

— Мы еще никому не говорили. Только шесть недель.

— Я притворюсь, что не знаю.

— Черт, — сказал Лео. — Она хотела сказать тебе сама. Норико собирается попросить тебя стать крестной.

— Меня?

— Кто еще будет лучшей крестной, чем ты?

Саймон Грин проводил меня в аэропорт.

— Я знаю, что наши отношения были не из лучших, скорее всего в этом моя вина, — сказала я уже перед тем, как разойтись. — Но я действительно ценю то, что ты здесь сделал. Дай мне знать, если я могу что-нибудь сделать для тебя.

— Ну, в октябре я приеду в Нью-Йорк, — сказал Саймон. — В мой день рождения. Может, мы могли бы встретиться.

— С удовольствием, — я осознала, что и в самом деле так считаю.

— Мне вот интересно, — сказал он, — кому достанется место мистера Делакруа?

— Ты в этом заинтересован?

— Я люблю Сан-Франциско, но и Нью-Йорк мой дом, Аня. Даже ужасные вещи, которые происходили там со мной, никогда не отводят меня от дома.

— Я чувствую то же самое. — Я не решила, кому отдать место мистера Делакруа, но пообещала Саймону Грину, что я буду держать его на примете.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXVI

**Я ДЕЛАЮ ОТКРЫТИЕ, ОТКУДА БЕРУТСЯ ВЗРОСЛЫЕ; ПЕРЕД РАЗВЯЗКОЙ
ЗАЩИЩАЮ ЧЕСТЬ ЕЩЕ РАЗ**

Октябрь принес в Нью-Йорк холода, и Япония стала казаться сном. От Вина вестей не было, да я и не уверена, что ждала их. Он пообещал ждать, когда я с ним свяжусь, и слово свое держал. С его отцом я почти не разговаривала, хотя виделись мы часто. Его лицо снова красовалось на каждом автобусе.

Сидя за рабочим столом в «Темной комнате», я услышала что-то смахивающее на симфонию: шум блендера, шаги танцующих и периодически треск ломающихся очков или звуки борьбы. И решила, что люблю эту музыку сильнее любой другой, как вдруг раздался вой сирены.

Я выскочила в коридор. Через мегафон официально объявили: «Это департамент нью-йоркской полиции. По приказу министерства здравоохранения штата Нью-Йорк, «Темная комната» приостанавливает работу до дальнейшего уведомления. Пожалуйста, организованно пройдите на выход. Если вам выписан шоколад, просьба выбросить его в мусорный бак у двери. Те, у кого на лицо признаки интоксикации шоколадом, должны подготовиться показать на выходе свои рецепты. Благодарим за сотрудничество».

Чтобы понять, что происходит, я направилась к главному залу клуба. Каждый закуток наводнили люди, людской поток бежал против того места, куда мне нужно было попасть. Краем глаза я заметила, как один полисмен проверял у женщины рецепт, а другой надевал наручники на посетителя. Женщина споткнулась о подол платья и была бы затоптана, если бы Джонс не помог ей подняться.

Я нашла Тео на складе. Он дико махал руками на полицейского, который на тележке увозил мешок какао.

— Не дело красть это, — сказал Тео. — Это собственность «Темной комнаты».

— Это вещдок, — отозвался офицер.

— Вещдок чего? — парировал Тео.

— Тео! — закричала я. — Не горячись. Пусть забирает. Мы закажем больше какао, как только разберемся. Я не могу позволить арестовать тебя.

Он кивнул.

— Позвонить Чарльзу Делакруа?

Я наняла другого адвоката, и помыслить даже не могла звонить мистеру Делакруа.

— Нет, — ответила я. — Он больше на нас не работает. Все будет путем. Выйду на улицу, вдруг смогу задать вопросы тем, кто за это в ответе.

Джонс стоял на страже у входа.

— Аня, я не знаю почему, но полицейские заблокировали дверь снаружи. Это приводит людей в панику. Вам придется обойти. — Я толкнула дверь, но она не поддавалась. Я слышала ритмичный стук, который шел с другой стороны. Я уже советовала Тео сохранять хладнокровие, но сама становилась не такой уж спокойной.

Я пробралась сквозь толпу в сторону двери. Я побежала, — или, если точнее, постаралось перейти на бег, который больше походил на подскоки — продираясь вперед. Полицейские преграждали выходы, начали собираться журналисты. Возвели баррикады. Несколько приколоченных деревянных досок преграждали вход.

Я неловко перелезла за баррикаду. Полицейский попытался остановить меня, но я была слишком быстра. Когда я подобралась достаточно близко, я увидела, как другой полицейский вывешивал табличку с надписью: ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ.

— Что происходит? — затребовала я у человека, который заколачивал мою дверь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Кто вы?

— Я Аня Баланчина. Это заведение мое. С какой стати его закрывают?

— По приказу, — он показал предписание. — На вашем месте, леди, я бы вернулся обратно.

Я не думала; скорее была на эмоциях. Сердце сильно стучало, так оно давало знать, что я собираюсь сделать что-то глупое. Я рванула в сторону полицейского и попыталась выхватить молоток из его рук. Для справки, это вообще всегда ужасная идея — попытаться отобрать его. Молоток ударил по моему плечу. Было чертовски больно, но я была рада, что не пришлось по голове, а кроме того, я довольно хорошо научилась справляться с болью. Я отошла назад и в этот же момент меня сразу уложили на земь несколько полицейских.

— Вы имеете право хранить молчание... — Вы знаете, что делать.

Умница Тео, который последовал за мной наружу, не пытался встать между мной и полицейскими офицерами. Я заметила, что он потянулся за телефоном.

— Позвони Саймону Грину, — прокричала я. Я планировала пообедать с ним следующим вечером, наверняка он уже в городе.

Несовершеннолетнего арестанта помещают в изолированную камеру. Но теперь я была взрослой женщиной двадцати одного года, что означало, что я попала к взрослым в общую камеру. Я держалась и пыталась определить, цело ли мое плечо. Сделала вывод, что не сломано, хотя я даже не была уверена, можно ли его сломать.

Там я находилась около часа, пока меня не вызвали в комнату для посетителей.

— Это было глупо. — Мистер Делакура воззрился на меня через стекло.

— Я велела Тео звонить Саймону Грину. Сказала ему не тревожить вас. Вы больше у нас не работаете.

— К счастью, Тео не знает номера Саймона, поэтому он позвонил мне. У тебя кровь. Покажи мне плечо.

Я повиновалась. Он покачал головой, ничего не сказал, но достал телефон и сфотографировал.

— Они собираются оставить тебя тут на ночь. Не думаю, что эта идея так уж плоха.

Я не ответила.

— Но, к счастью для тебя, у меня еще остались некоторые контакты. Я разбудил судью, слушание будет сегодня вечером, где они, скорее всего, назначат тебе заоблачную сумму. Ты с радостью выступишь ее и потом пойдешь домой. — Он посмотрел на меня сурово, и я почувствовала, как будто мне снова шестнадцать. — Тебе всегда надо пойти и сделать все еще хуже, не так ли? Тебе показалось грандиозной идеей напасть на полицейского, а?

— Они заколачивали клуб! И я не нападала ни на кого. Я лишь попыталась отобрать у него молоток. Что еще сегодня произошло?

— Кто-то донес полицейским, что в «Темной комнате» находятся без рецептов. Они стали их проверять, и кое-кто расстроился, а когда такое случается, эти кое-кто впадают в буйство. Полицейские стали конфисковывать какао, заявив, что клуб занимается им нелегально, что, как мы знаем, неправда.

— И каков вердикт?

— Вердикт таков: «Темная комната» закрывается, пока город не решит, что делать дальше.

Я заволновалась, как закрытие скажется на других наших филиалах.

— Когда Департамент здравоохранения назначил разбирательства?

— На завтра.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— С чего они так внезапно заинтересовались «Темной комнатой»? Почему сейчас? Мы уже вот как три года открыты.

— Я размышлял об этом. И ответ кроется в политике. Как ты знаешь, в этом году выборы. Думаю, это план выставить меня сторонником нелегальных сделок. Моя кампания основывается на идее отмены неправильного законодательства, что мы изменим законы и принесем городу новый бизнес. «Темная комната» мое достижение. Закрой его, и оно им перестанет быть.

— Вы неправы, мистер Делакруа. Ваши достижения выходят далеко за пределы «Темной комнаты». Наверное, вам же будет лучше разорвать со мной отношения и клубом. Скажите, что привлекались только к договорам, и все такое. Это не так уж далеко от правды.

— Да, это бы прокатило.

— Послушайте, завтра я приду с Саймоном Грином. Он мой полукровный брат, я ему доверяю. Глупо было откладывать поиск вашей замены. Вы не можете брать за это прямо сейчас. Выборы через два месяца. Я не позволю вам взять это дело.

— Не позволишь?

— Мне бы хотелось видеть на посту мэра вас. Как бы то ни было, рада была с вами повидаться. — Я небрежно прислонилась к стеклу. Уж не знаю, отчего, но говорить от сердца с шестидюймовым стеклопакетом между нами было легче. — Прошу прощения за то, как мы расстались. Я пыталась несколько недель вам сказать. Только не знала, как.

— И поэтому решила напасть на полицейского? Есть более легкие способы связаться со мной. Позвонить. Если напала старомодность, воспользоваться электродоской.

— Периодически я извиняюсь перед вашим лицом на автобусе.

— Да, до меня не всегда такие сообщения доходят.

— И кроме того, я благодарна вам. Вы мне ничего не должны, мистер Делакруа. Мы квиты, и я не ожидаю, что вы разрушите кампанию, пытаюсь помочь мне.

Мистер Делакруа поразмыслил над этим.

— Хорошо, Аня. Нет смысла спорить. Но позволь мне нанять для тебя адвоката. Это не значит, что я сомневаюсь в том, что ты можешь сделать это сама, но у тебя не будет много времени до начала слушания, и Саймон Грин тоже – прости за каламбур – еще зеленый* (Грин (англ. green) — зеленый) для такой ответственности.

— Саймон не так плох.

— Несколько лет он отлично справлялся. Я рад, что ты заключила с ним мировую, но он не ведает, как избежать всех закоулков города. Тебе необходим тот, кто на это способен.

Этой ночью спала я очень мало, но утром получила сообщение от мистера Делакруа о том, что новый юрист будет ждать меня у Департамента здравоохранения, где должно было состояться заседание.

Когда я приехала, мистер Делакруа уже ждал меня.

— Где новый юрист? — спросила я.

— Я новый юрист, — сказал он. — Не смог найти никого в столь короткий срок.

— Мистер Делакруа, вы не можете сделать это.

— Могу. И уже делаю. Смотри, я наделал ошибок. Это не секрет. Но нельзя войти в кампанию, пытаюсь отделить себя от своих достижений. Безуспешно, по крайней мере. Я горд «Темной комнатой». И защищу, даже если это будет стоить мне кампании. Да, настолько сильно я ею проникся. Но послушай, сначала тебе надо снова меня нанять, или я не смогу тебя защитить.

— Не хочу. Предпочту защищать себя сама.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Не строй из себя мученицу. Найми меня. Я твой друг. Я хочу тебе помочь, и для этого у меня есть все навыки.

— Мне не нужен спаситель, если вы так о себе думаете.

— Нанять защитника не то же самое, что и спасение. Думал, мы это прояснили много лет тому назад. В этом плане здравый смысл. Мы предоставим столько рабочих мест, сколько только сможем за всю свою жизнь. То, что происходит здесь, важно и будет вершить судьбу Лео в Сан-Франциско, и в Японии, Чикаго, Сиэтле, Филадельфии — да везде. Через тридцать секунд надо быть внутри.

Мне не очень-то нравилось плясать под дудку. И даже не верилось, что он прав.

— Пятнадцать секунд. Последняя причина. Я уверен, причина всей этой ситуации — я. Хочешь, чтобы жена меня ненавидела? Мой сын? Что хорошего быть мэром, если тебя ненавидит семья? Могу ли я бросить любовь всей жизни сына ради собственного спасения?

— Это неправда, и я даже не уверена, что это...

— Пять секунд. Что скажешь?

Слушание было открытым для общественности, и когда я попала вовнутрь, толпа, которая собралась там, поразила меня. Полгорода, казалось, заинтересовались этой маленькой процедурой. Все места в зале были заполнены, бельэтажи и балконы, люди стояли даже у дверей. Пришли Мышь и люди из Семьи, как и Тео, Саймон, и большинство моих сотрудников из манхэттенского и бруклинского клубов. В самой глубине бельэтажа я увидела Вина и Нетти. Я даже не сказала им о судебном заседании, но как-то они сюда быстро приехали. Было определенное количество прессы, но большая часть толпы состояла из, как казалось, обычных людей, то есть тех людей, которые приходили в мой клуб.

— Объявляется слушание для обсуждения дела о клубе на пересечении Пятой авеню на Сорок второй улице в округе Манхэттен, в Нью-Йорке. Сегодня открытое слушание, и каждый, кто хотел бы высказаться, имеет шанс. В конце мы определим, должна ли «Темная комната» оставаться открытой. Это не уголовное дело, хотя по сути возбуждение уголовного дела может произойти в зависимости от того, что раскроется на этом заседании. — Глава Совета начал зачитывать жалобы на «Темную Комнату» и на ее президента, меня: по сути, о том, что я подавала незаконные порции шоколада, что некоторые меценаты в моем клубе получали шоколад без рецепта и что какао было на самом деле шоколадом

— Назвав какао шоколадом, мисс Баланчина, дочь погибшего главара организованной преступной группировки, по-прежнему поддерживающая связь с этой семьей и другими известными международными преступными семьями, внедрила этот термин, чтобы прикрыть свои криминальные делишки. Хотя город решил некоторое время смотреть в другую сторону, становится все более очевидным, что «Темная Комната» является прикрытием для нелегальной деятельности.

С галерки раздался свист.

Мистер Делакура заговорил первым. Он рассказал о легальной юридической основе нашего бизнеса (что шоколад не подается в клубе, а какао приносит пользу здоровью и не является незаконным), и утверждал, что мы не нарушали никаких законов или постановлений города.

— Лично замечу, — сказал мистер Делакура — что я считаю время проведения этой процедуры довольно подозрительным. Почему сейчас, в разгар выборов мэра, когда клуб был открыт три года назад? Вся эта процедура является оскорбительной. «Темная комната» — это уважение к этому городу. Она создала сотни рабочих мест и принесла бесчисленных туристов. Весь район Мидтаун вокруг клуба активизировался. Эта молодая женщина, с которой я работал

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

в течение последних четырех лет, является тоже заслугой этого города, и она не должна подвергаться преследованиям за своего отца.

Я решила, что мистер Делакруа был немного помпезным, но это его дело.

После этого открылись слушания для высказываний публики своих мыслей и мнений. Тео подошел к микрофону первым. Он говорил о пользе какао, и о этическом способе выращивания какао. Доктор Пэрэм, который все еще работал в клубе, рассказал о мерах предосторожности, которые предпринимал он с другими врачами, а потом произнес напыщенную речь о глупости Закона Рэмбо. Мышь рассказала об баланчинском опыте перевода Семьи на легальную основу, и что я была инициатором этого. Люси говорила о стандартах, которые мы внедрили, составляя рецепты, приносящие как можно больше пользы здоровью.

Нетти рассказала о том, как тяжело мне было, когда мы были юны и, что моей мечтой всегда была легализация шоколада. Скарлет, которая стала известной актрисой, говорила о том, что я крестная ее сына, и самый верный человек, которого она знала. Вин рассказал, чем я пожертвовала для моей семьи и как важно это было для меня. И это были люди, которых я знала! Маленькие старушки говорили о преобразовании района вокруг клуба. Старшеклассники говорили о том, как им нравится иметь безопасное место, куда пойти. Это продолжалось в течение нескольких часов. Удивительно, ни один человек не высказался против клуба или меня.

— Но связь с организованной преступностью нельзя отрицать, — сказал один из членов Совета. — Посмотрите, о ком мы говорим. Она обвинялась в отравлении. Будучи подростком, побывала в «Свободе» несколько раз. Она дочь своего отца. Я заметил, что мисс Баланчина не произнесла ни слова во время этих разбирательств. Возможно, она беспокоится, что если она что-то скажет, то поставит себя под сомнение.

Мистер Делакруа шепнул мне:

— Не позволяй себе стать наживкой. Все идет очень хорошо. Все, что должно было быть сказано, уже сказано.

Уверена, что это был хороший совет.

Я встала и подошла к трибуне.

— Да, это правда. Мой отец Леонид Баланчин. Он был преступником и хорошим человеком. В один день он лег спать, а когда проснулся, бизнес его семьи стал незаконным. Он провел всю свою жизнь, пытаясь понять, как сделать шоколадный бизнес легальным, но так и не смог. Он умер, пытаясь. Когда я стала взрослой, то взялась за дело. У меня не было выбора. Господин председатель, вы сказали, что разница между какао и шоколадом — не более чем «термин». И я полагаю, что это правда. Действительно, я не стала бы заниматься какао, если бы мой отец не имел отношение к шоколаду. Я много раз пыталась избежать этого в жизни, но не смогла. Но вот, что я знаю — я знаю это в душе — что клуб полезен Нью-Йорка. Мы, люди, которые работают там, не хотим ничего, кроме как принести пользу общественности. Мы не мотивированы деньгами или желанием обмануть систему. Мы граждане, которые хотят, чтобы наш город был здоровым и безопасным, имел здравые законы, защищающие людей. Я дочь мафии. Я дочь своего отца. Я дочь Нью-Йорка.

Я собрался было сесть, но потом решила сказать еще больше.

— Вы закрыли клуб, потому что думали, что там находились люди без рецептов. Ну, я не знаю, насколько это правда, знаю лишь, что там вообще не должны быть рецепты. Город или этот Совет должны предоставлять любому учреждению, которое хочет подавать какао, лицензии, и точка. Вы хотите снизить количество преступлений? Сделайте это таким образом.

И вот тогда я действительно все сказала.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Присяжные проголосовали за открытие Темной комнаты: семь сказали «да», два «нет» и еще двое воздержались. Против меня не возбуждают уголовное дело.

Я пожала мистеру Делакруа руку.

— Ты проигнорировала мой совет, — сказал он.

— Только некоторые. Но в любом случае спасибо за то, что вы мне их дали.

— Что ж, я не буду делать ошибки, игнорируя твои. Если удастся стать мэром, то внесу на рассмотрение поправки в городские законы Рэмбо.

— Вы сделаете это из-за меня?

— Я сделаю это, потому что так правильно. А теперь иди праздновать. Тебя ждут сестра и мой сын.

— Вы не пойдете с нами?

— Я бы не прочь, но кампания зовет.

Я снова пожала ему руку. А он взял обе мои руки.

— Это может показаться снисходительным, но знаешь, я пришел к тому, что думаю о тебе как о дочери. И понимаю, что именно в этом контексте хочу сказать, как горжусь тобой. — Он выпрямился. — А теперь повеселись, ладно? Я слишком переживал за счастливый финал, когда дело доходило до моего верного мальчика и тебя.

— Как сентиментально.

— Я безусловно внес немалый вклад в исход этой маленькой школьной интрижки, чем когда-либо думал. Но я все равно переживал о героях, и прости меня за все, что свалилось на голову отважной героини. — Он наклонился и поцеловал меня в лоб.

Мы отправились ужинать в новый ресторанчик возле станции Пенн.

— Не ожидала увидеть на заседании вас двоих, — обратилась я к Вину и Нетти.

— Отец позвал меня, — сказал Вин. — Он сказал мне, что будет представлять твои интересы и что тебе понадобится поддержка. Я спросил, чем могу помочь, и он велел сесть на поезд до Нью-Йорка и собрать так много людей, у кого есть доброе слово о тебе и клубе, сколько я смогу найти.

— Что было крайне трудно.

— Неправда. Почти все, кого я позвал, откликнулись. Мне помог Тео. Папа думал, что заседание превратится во всенародный опрос мнений о тебе.

— Моем характере.

— Да, о твоём характере. Если город поверит в твои добрые качества, то и в то, что клуб благо, тоже.

— И ты все бросил ради этого?

— Ну да. Ты меня похоже недооцениваешь.

— Вин, теперь я старше. Я принимаю помощь, когда ее дают, и тем более, благодарю. — Как бы я не усвоила этот урок шесть часов назад?

Я перегнулась через стол, и, чувствуя себя приподнято, поцеловала его в щеку. Сколько времени утекло с тех пор как я целовала этого парня?

Мне следовало сказать, мужчине.

Просто в щеку, как друга, но все же.

Нетти начала болтать о проекте добычи воды из отходов. Она работала над ним много лет. Вероятно, оно спасет нас, но я не обращала на это никакого внимания.

Вин немного грустно улыбнулся мне.

Я улыбнулась ему: не интерпретируй это по-своему.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

Он склонил ко мне голову, и я почувствовала, что буквально могу читать его мысли: мы это сделаем?

Я покачала головой и слегка пожала плечами: пока не знаю.

Он положил руки на стол, ладонями вверх: причини мне боль. Идти вперед и попробуй, девочка моя. Я становлюсь толстокожим и тонкокожим одновременно, когда дело касается тебя. Я наполовину носорог, наполовину птеник.

Я сложила руки на коленях: я стала старше, Вин. Я вдова. Я изранена. Я немного напугана, чтобы начать все снова. Последнее время стало катастрофическим. Тебя не устраивает быть друзьями? Тебя не устраивает спокойно сидеть здесь, улыбаться друг другу и ужинать? Тебе так хочется подписаться на очередной виток боли? Со мной ни один человек не стал счастливым. Не надолго, по крайней мере. Я думаю, что справлюсь в одиночку. И почему люди всегда должны быть по парам?

Он пожал плечами: я хочу, чтобы со мной здесь был кто-то еще. Я правда хочу, чтобы так и было. Но цепляешь меня ты, потому что это ты. Я люблю тебя. Я буду сидеть здесь. Возможно, навсегда. Похожий на идиота. И это хорошо. Я принял это. Любишь ты меня или нет. Я все равно люблю тебя. Потому что, я тот мальчик, который не может забыть девочку, встреченную в школе. Я тот тупой, полный надежд мальчик. Я пытался, моя девочка. Имей в виду, я пробовал. Разве ты не знаешь, что я предпочел бы прямо сейчас находиться в своем общежитии и читать «Анатомию Грея»? Но я должен быть здесь с тобой, лучшей худшей девочкой в мире. С единственной девочкой в мире, в которой я насколько заинтересован.

Вторая грустная улыбка от Вина.

Но, быть может, этот диалог был лишь в моем воображении.

Никто больше не произнес ни слова и я обратилась к Нетти.

— А ты! Тебе надо быть в школе.

— Я должна была сказать им, какая ты хорошая сестра.

Я повернулась к Вину.

— Это ты ее позвал?

— Анни, обзвонил всех, кто мне по вкусу.

— Но все же — вам обоим надо возвращаться.

— Мы вернемся вечером, — ответил Вин.

Я проводила их до железнодорожной станции, находившейся на преодолимом для меня расстоянии.

— Эй, Вин, — сказала я, пока Нетти покупала жвачку. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Например?

— Ну, ты мне помогал миллионы раз. Это несправедливо. Мне бы хотелось вернуть тебе сторицей.

— Послушай, Ани, я в жизни был счастлив. Тебе не повезло так, как мне. Сама жизнь на моей стороне.

— Наверное, я самое большое невезение, которое с тобой приключилось.

— Может и так. — Он снял шляпу. Наклонился и прошептал мне на ухо: — Как свидимся, так и свидимся, хорошо?

— Вин, есть и другие девчонки, знаешь ли. С меньшим грузом проблем, чем у меня.

— Насколько я могу судить, ты единственная девушка в мире. Думаю, ты об этом знаешь.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада
Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXVII

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С УСТАРЕВШЕЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ; УЗНАЮ, ЧТО
ТАКОЕ СМАЙЛИК И МНЕ ЭТО НЕ НРАВИТСЯ**

анечкабб: Эй, Вин, люди не оказываются с парнями, с которыми встречались в средней школе.

вин-вин: Да, я добрался до дома. Спасибо за проявленный интерес. В поезде было не слишком многолюдно.

вин-вин: Некоторые оказываются, Анни. Иначе это бы не стало проверенным клише.

анечкабб: Я не из тех, у кого все заканчивается счастливым концом.

вин-вин: Уверен, что ты такая.

вин-вин: :)

анечкабб: Что это?

вин-вин: Разве твоя бабушка не научила тебя смайлику?

анечкабб: Жутковато. Я чувствую, как он смотрит на меня.

вин-вин: ;)

анечкабб: Тьфу, что он сейчас делает?

вин-вин: Подмигивает. :)

анечкабб: Ужас. Я не хочу этого.

вин-вин: :)

анечкабб: Когда кто-то нехорошо на меня смотрит, я тянусь за мачете. Я не особо адекватна, Вин.

вин-вин: Я знаю, что ты к тому же стойкая.

анечкабб: Спокойной ночи, Вин. Увидимся на День Благодарения.

вин-вин: :)

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

XXVIII

Я ЗАМЕЧАЮ ТЮЛЬПАН В ЯНВАРЕ; ПРОГУЛКА К АЛТАРЮ; МОЙ ТОРТ

Жизнь вообще странная штука и если вам повезет, длинная, насыщенная событиями. Вот я и очутилась в мэрии одним морозным январским днем, приглашенная пообедать с недавно вступившим в должность мэром Нью-Йорка. Когда я приехала, его помощница объявила, что у моего бывшего врага есть не более получаса на обед.

— Мэр очень занятой человек, — сказала она, как будто я не знала об этом.

На обеде мы с мэром пообсуждали мой бизнес и его планы изменить законодательство, в частности законы Рэмбо. Мы чуть поговорили о его сыне, хотя я не возражала бы против более подробных деталей, настолько это было интересно. За пять минут до конца обеда мой старый коллега посмотрел на меня с очень торжественным выражением на лице.

— Аня, — произнес мистер, теперь уже мэр, хотя все тот же мистер Делакруа, — я звал тебя на обед не ради болтовни. У меня есть просьба.

Я приготовилась, памятуя о некоторых неприятных просьбах от этого человека. Что он может потребовать от меня сейчас, когда стал могущественнее, чем был до этого?

Он пристально посмотрел на меня. Я не моргала.

— Я собираюсь жениться, и мне хотелось бы, чтобы ты стала моей свидетельницей.

— Мои поздравления! — Я потянулась через стол, чтобы пожать ему руку. — Но кто она? — Мистер Делакруа всегда был скрытен насчет своей личной жизни, и я даже не знала, что он с кем-то встречается.

— Мисс Ротшильд. Бывшая миссис Делакруа.

— Вы собираетесь повторно жениться на матери Вина?

— Ага. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю... честно говоря, я не думаю ни о чем, кроме шока! Чем вызвана такая перемена?

— Прошлым летом вместо неудачной попытки сосватать тебя с Вином я преуспел в сватовстве Джейн. Если бы я не отправил тебя на ферму, что потребовало моего присутствия там, очень сомневаюсь, что я бы рассказывал тебе сейчас эту сказку. Джейн находит меня менее страшным эгоистом, чем раньше. Она думает, что это твое влияние, на что я ей ответил, что это абсурд. С другой стороны, я ее люблю. И никогда не переставал любить ее. Я люблю эту женщину всю свою жизнь, с пятнадцати лет.

— И хотя она знает, что вы из себя представляете, она все равно снова хочет выйти за вас замуж?

— Я не уверен, надо ли оскорбиться этим вопросом. Но да, это так. Как ни странно это может показаться. Она прощает меня, любит меня. Несмотря на то, что я ужасный. Возможно, она думает, что жизнь лучше с компанией. Аня, ты плачешь.

— Вовсе нет.

— А вот и неправда. — Он потянулся через весь стол и вытер мои глаза рукавом рубашки.

— Я так рада за вас, — сказала я. И как можно не быть счастливой, когда представлены доказательства того, что любовь может расцвести на земле, считавшейся бесплодной? Я обняла мистера Делакруа и поцеловала в обе щеки. Он по-мальчишески улыбнулся и напомнил мне Вина.

— Что Вин сказал по этому поводу?

— Он закатил глаза. Сказал, что мы — и в особенности его мать — сошли с ума. Конечно, он поведет Джейн к алтарю. Свадьба в марте. Это будет всего лишь маленькое событие, но ты мне еще не ответила, будешь ли ты стоять подле меня.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Конечно, буду. Для меня это предложение – большая честь. Я же действительно ваш лучший друг?

— Да, типа того. Это была одинокая жизнь. И мы с Джейн благодарны тебе. Странно, она считает тебя нашей, хотя я ей сказал, что Аня Баланчина гуляет сама по себе. В любом случае, мы не могли думать ни о ком другом, кто бы стоял возле нас, за исключением нашей собственной дочери, будь она жива. — Он держал меня, а я старалась не плакать. (Примечание: как часто в этих книгах – нет, в моей жизни – я «старалась не плакать»? Когда мне кажется, что это напрасный труд!)

Его помощница вошла в кабинет. Полчаса истекли. Он пожал мне руку, и я вышла на улицу. Январский воздух был холодным и свежим, и казалось, будто краски города стали более яркими, чем прежде.

Невероятно, но в канаве пробил себе дорогу через грязь, мусор и лед желтый тюльпан. Простите за клише, но я должна упомянуть, что видела. Тюльпан там был – и не мое это дело – рассуждать почему и как такие чудеса происходят.

Свадьба прошла в марте, хотя денек казался майским. Родители Вина уже немолоды, они уже регистрировали отношения, поэтому грандиозного события не получилось – всего лишь мировой судья в «Темной комнате» на Манхэттене. Помимо нас с Вином пришли только несколько их коллег, в том числе Тео, который привел Люси. Ходили слухи, что Тео и барменша обручились, но мы с Тео подобные вопросы не обсуждали. Нетти собиралась прийти, но не смогла отлучиться из школы.

Я надела розовое платье, которое мисс Ротшильд выбрала мне. Хотя я и не согласилась, она настаивала, что розовый мне к лицу и подчеркивает темные волосы. Вин был в обычном сером костюме, который я видела несколько раз и пока что от него не устала.

Я впервые после ранения надела низкие каблуки. У меня осталась заметная хромота, но я чувствовала себя женственнее, сильнее и даже немного сексуальнее. В прошлом году я никогда бы не подумала, что снова могу почувствовать себя привлекательной.

Родители Вина произнесли свои обеты. Я украдкой взглянула на стоявшего рядом Вина, которого не видела с Рождества. Он ухмыльнулся мне, потом наклонился и прошептал на ухо:

— Ты выглядишь ужасно мило, Анни.

Свадьба закончилась в три. В качестве подарка Тео предоставил на праздник торт – шоколадный. Мистер Делакура недавно продал законодательство и сделал поправки в законы Рэмбо в пределах Нью-Йорка, позволившие продавать какао с лицензией, что сделало возможным приготовить такой свадебный торт. Больше никаких предписаний, необходимых для нью-йоркских клубов. Вместо этого у нас стене висел сертификат, который гласил, что город разрешил продавать внутри заведения какао-продукты во всех видах.

Было так тепло, что я решила пойти домой пешком, хотя для меня это была долгая прогулка. Тео отрезал мне два куска торта, и я спросила Вина, хочет ли он проводить меня до дома.

— Если тебе больше нечего делать, кроме этого. У меня, вероятно, эта прогулка займет вечность.

Он долго смотрел на меня.

— Ты уверена, что достаточно окрепла для прогулок, — спросил он. — Это долгая дорога.

— Я уверена. Я сильнее, чем осенью, Вин. Думаю, я действительно к этому готова. — Я взяла его под ручку. — Так хорошо?

— Да, — ответил он после паузы.

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

— Давай двинемся на запад, — предложила я. — Я хочу пройти мимо Троицы.
— Это же не по пути.
— Думаю, меня пробило на сентиментальность.
— Хорошо, Анни, — покорно согласился он. — Я понесу торт. — Он забрал у меня коробку, и мы направились в верхнюю часть города.

— Есть планы на весну? — спросил он, когда мы вошли в Центральный парк.
— Отправляюсь в Россию с Мышью. Мы переговорим с Баланчиными насчет открытия сети какао-баров.
— И тебя не беспокоит эта перспектива? — спросил Вин.
— Нет. Уже нет. Они в бизнесе, хочу я этого, или нет. Думаю, то лучший вариант, чтобы попытаться направить их в нужное русло.
— С твоей стороны звучит обнадеживающе.
— Я сейчас и оптимистична, Вин. Почему бы и нет? Мне двадцать один, на мою долю выпали трудные времена и я приняла несколько довольно сомнительных решений, но осталась жива и все обратилось в мою пользу, ведь так? Взгляни на своего отца. Родителей. Кто бы мог подумать, что они снова сойдутся? Я не могу помочь, но чувствую надежду.
— Я думаю, моя мать сумасшедшая. Не помню, упоминал ли я об этом.
— Я знаю, они твои родители. Но почему ты не находишь это романтичным, даже чуточку? Они любят друг друга со средней школы.
Он изучающе посмотрел на меня.
— Куда делась Аня Баланчина? Это та же девушка, что говорила мне, что школьные романы не вечны?
— Твои родители доказали, что я была не права. Я снова опростоволосилась.
— Я не знаю, с кем гуляю прямо сейчас. — Он улыбнулся мне и вокруг его глаз появились маленькие морщинки. Мне нравилось, когда он так жмурился.
— Как ты можешь не чувствовать счастье, когда почти весна и в воздухе пахнет цветами, а ты можешь прогуляться по парку и при этом не быть ограбленным?
Он положил руку на мой лоб.
— Весенняя лихорадка, — прокомментировал он. — Ясно. — Он рассмеялся. — Мне надо доставить тебя домой.
— Нет, давай не пойдем домой. Давай останемся здесь на весь день. Мы найдем в парке скамейку и съедим тут наш торт. Тебе же никуда не надо, не так ли?
— Не надо, — сказал он. — Возвращаясь назад, так о чем мы говорили, что-то о поджидающей тебя опасности в России, нет?
— Может быть, — сказала я. — Хотя я не думаю, что кто-то хочет моей смерти в данный момент.
— Ну, это успокаивает. — Он закатил глаза. — Я предпочитаю тебя живой. Возможно, это выходит слишком быстрым для тебя.
— Сенсация. Этот красавчик действительно любит меня, раз не желает моей смерти! На самом деле я с нетерпением жду поездку в Россию. Я вполне уверена, что выживу, и более того, я никогда там не была. Люди считают меня русский, но я, если честно, ничего об этом не знаю. — Я внезапно остановилась. — Вин, посмотри на это! — Мы были на полпути в Центральном парке. — Вода в озере!
— Какая новость, — сказал Вин.
— Твой папа стоит за этим, ты так не думаешь? — Одна из речей мистера Делакура была о нуждах горожан помимо необходимого. Причина, он думал состояла в том, что «Темная

Габриэлла Зевин - Век любви и шоколада Gabrielle Zevin - In the Age of Love and Chocolate

комната» облагородила Мидтаун, потому что это напомнило гражданам, что жизнь может стать чем-то большим, чем просто выживанием. Мистер Делакруа обещал высадить цветы и вновь открыть музеи и, да, заполнить пруды водой. Он сказал, что даже если стоимость окажется непомерной, это стоит того: город с надеждой это город с меньшей преступностью, и стратегические решения, основанные на одной только стоимости, бывают часто недальновидны. Это была очень хорошая речь. Но политики – включая моего уважаемого коллегу – как было известно, всегда делали громкие заявления в предвыборной агитации. Я не знала, найдет ли мистер Делакруа время для заполнения озер после избрания. Но сегодня, чудо из чудес, я смотрела на озеро! Я не забыла, как пять лет назад пробежала мимо грязной ямы, в то время как Нетти чуть не ограбили.

— Возможно, — сказал Вин. — Анни, как ты отнесешься к тому, что я поеду в Россию вместе с тобой?

— Ты не будешь пытаться защитить меня? Потому что я живучая, знаешь ли.

— Ха, я знаю. Я всегда хотел посетить Россию. Может быть, ты не знаешь об этом, но я западаю на русских девушек.

Я подумывала поцеловать его, но не стала этого делать. Я не боялась. Больше нет. И могу с абсолютной уверенностью сказать, что поцелую его снова. Знала, что нацелуюсь с ним за всю оставшуюся жизнь, но решила не искушать судьбу таким чудным заявлением. Но в этот миг предвкушение первого поцелуя витало в воздухе, как обещание весны в запахе мартовского дня. То, чего я не ведала в шестнадцать, было изысканным удовольствием, которое можно обнаружить в ожидании, предвосхищении.

Как приятно смотреть на невспаханную землю и знать, что любой цветок может высунуть головку наружу. Как приятно находиться на улице, быть молодым и знать: о да, будет поцелуй. Как приятно авторитетно утверждать, что этот будущий поцелуй будет хорошим, потому что я целовалась с ним раньше. Я знала ощущения его рта, губ, языка. Этот будущий поцелуй походил на восхитительный секрет, о котором мы оба уже знали. День был наполнен счастьем. Почему бы не сэкономить часть радости на завтра?

— Хочешь торта? — спросил он. Мы шли где-то с час, я проголодалась. Мы присели на скамейку возле озера. Близился закат, небо вечерело. Вин достал из коробки торт и протянул мне кусочек.

Я откусила. Возможно, иронией моей жизни было то, что не искренне любила вкус шоколада. Да, я построила на нем бизнес и могла определить хорошее качество типа «Баланчина особого темного». Я могла даже насладиться какао, если оно было простым, или моле из Гранья-Манана. Но шоколад не был моим любимым ароматом, я предпочитала ему цитрусовые или корицу. Когда я попробовала шоколад, то заикнулась на горечи и ничего другого почувствовать не могла, хотя остальные описывали иные ощущения, когда ели его. Но в эту практически весеннюю ночь шоколад быстро растворился на языке, а рядом сидел хороший человек, что я даже почувствовала его притягательность. С этого времени я уступила ему и все, что я пробовала, теперь казалось сладким.